ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 3 (35) 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

Гуляков А. Д. Пионерский федерализм в Австралии: особенности становления и динамика развития 5

Белоусов С. А. Дисбаланс в системе источников российского права: актуальные проблемы и пути устранения 20

Зарщиков А. В. Публичный интерес как юридическое основание действий публичных образований при реализации права собственности на землю 29

Зезюлина Т. А. Криминологическая характеристика побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи 36

Синцов Г. В. Понятие и значение принципа гласности для деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации 43

Рузляев М. Ю. Блеск и нищета субфедерального конституционного контроля в Российской Федерации 48

Яшин А. В. Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами 55

СОЦИОЛОГИЯ

Дробижева Л. М. Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологического исследования) 64

Шиняева О. В., Полетаева О. В. Профессионально-отраслевой и демографический состав свободно занятых работников в регионах Поволжья 73

Семенова Ю. А. Взаимодействие институтов власти и предпринимательских структур 86

Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе 97

Ионова О. В. Современные виды досуга студенческой молодежи 106

ЭКОНОМИКА

Макаров П. Ю. Факторы формирования интеллектуального капитала региона 114

Остроухова Н. Г. Рынки отраслей топливно-энергетического комплекса России: состояние и тенденции развития 124

Шопырин А. В., Семеркова Л. Н., Свиридова Н. В. Анализ и планирование развития сферы экономической деятельности «Обрабатывающие производства» 135

Юрасов И. А., Бондаренко В. В., Танина М. А., Юдина В. А. Концептуализация понятия преображающих инвестиций в сфере территориального общественного самоуправления на основе моделирования сетевого управления территорией 143

Андриянова А. А., Андриянова Л. С. Сценарии макроэкономического развития и денежно-кредитная политика Центрального банка России 161

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 3 (35) 2015

CONTENTS

LAW

Gulyakov A. D. Pioneer Federalism in Australia: Pecularities of Formation and Dynamics thereof 5

Belousov S. A. Disbalance in the system of the Russian law sources: actual problems and ways of elimination 20

Zarshchikov A. V. Public interest as a legal ground for actions of public formations at realization of the land ownership right 29

Zezyulina T. A. Criminological characteristics of escapes from prison, arrest or custody 36

Sintsov G. V. Concept and value of the principle of publicity for activity of local governments in the Russian Federation 43

Ruzlyaev M. Yu. Glory and Misery of Regional Constitutional Justice in Russia 48

Yashin A. V. Problems of preventing crimes against participants of criminal proceedings by criminal deterrence 55

SOCIOLOGY

Drobizheva L. M. Favourable relations Potential in provinces of Volga region (by results of a sociological research) 64

Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V. Professional-industrial and demographic composition of freely employed people in provinces of the Volga region 73

Semenova Yu. A. Interaction of governement institutions and entrepreneurs 86

Shchanina E. V., Korzh N. V. Social trust of elderly people in modern russian society 97

Ionova O. V. Modern leisure activities of student youth 106

ECONOMICS

Makarov P. Yu. Factors of regional intellectual capital formation 114

Ostroukhova N. G. Markets of the russian fuel and energy sector: state and development trends 124

Shopyrin A. V., Semerkova L. N., Sviridova N. V. Development analysis and planning of the "Manufacturing" economic area 135

Yurasov I. A., Bondarenko V. V., Tanina M. A., Yudina V. A. Conceptualisation of a notion of changing investments in the sphere of territorial public self-government on the basis of territorial network management modelling 143

Andrianova A. A., Andrianova L. S. Macroeconomic development scenarios and monetary policy of the Central bank of Russia 161

П Р А В О

УДК 342.1

А. Д. Гуляков

ПИОНЕРСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В АВСТРАЛИИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В сравнении с другими первопоселенческими федеративными государствами – США и Канадой – австралийский федерализм сформировался достаточно поздно. Сам процесс протекал медленно, без массового энтузиазма и под давлением внешних факторов и желания Лондона уменьшить расходы на оборону.

Материалы и методы. Автор использует исторические данные, решения Высокого Суда Австралии, чтобы продемонстрировать особенности и динамику австралийского федерализма.

Результаты. Утверждается, что австралийская конституция совмещает в себе федерализм американского стиля с британской парламентской системой. Существует 40 совместных предметов полномочий для федеративного центра и австралийских штатов, но предметы ведения для штатов специально не оговариваются. Конституция штатов и федеральная конституция не содержат специальных биллей о правах. В процессе тихой революции в направлении централизации использовались два главных инструмента – финансовая помощь штатам из федерального бюджета и решение Высокого Суда.

Выводы. Бывший доминион, который благодаря акту британского парламента (1986) и акту австралийского парламента (1985) укрепил свою независимость, имеет достаточно стабильную федеральную систему. Но существует некоторая разновидность общественного разочарования с желанием консервативных, пропредпринимательских сил Австралии при использовании централизации против интересов трудящихся. Одновременно австралийский федерализм имеет прочное правовое основание в силу своих демократических традиций. Кроме того, его право более унифицировано, чем право других стран с прецедентным правом.

Ключевые слова: австралийский федерализм, конституция Австралии, Высокий Суд Австралии, финансовая помощь федерального центра австралийским штатам, австралийские профсоюзы и федерализм.

A. D. Gulyakov

PIONEER FEDERALISM IN AUSTRALIA: PECULARITIES OF FORMATION AND DYNAMICS THEREOF

Abstract.

Background. In comparison with other pioneer federative states – USA and Canada – the Australian Federalism has been formed rather late. The process itself developed slowly without mass enthusiasm and under pressure of external factors and the desire of London to diminish defense expenditures.

Matherials and methods. The author applied historical data, decisions of the Australian High Court to demonstrate peculiarities and dynamics of the Australian Federalism.

Results. It is claimed that the Australian Constitution combines the US style federalism with the British parliamentary system. There are 40 joint subjects of powers for the federative center and the Australian states, but subjects of powers for the states are not specifically defined. State Constitutions and the Federal Constitution do not contain special bills of rights. In the process of a quite revolution in favor of centralization two main instruments were used: financial aid to the states from the federal budget and decisions of the High Court.

Conclusions. The former dominion, which has strengthened its independence owing to the Act of British Parliament (1986) and the Act of Australian Parliament (1985), has a rather stable federal system. But there is some kind of public disappointment with the desire of Australian conservative pro-business forces to use centralization against the interests of the working people. Simultaneously, the Australian federalism has a sound legal foundation because of its democratic traditions. Also its law is more unified than the law of other countries with legal precedents.

Key words: Australian Federalism, Constitution of Australia, High Court of Australia, Financial Aid of Federal Center to Australian States, Australian Trade Unions and Federalism.

Интересный случай пионерского федерализма представляет Австралия. Она имеет иную, чем США, модель развития [1]. Как и Канада, Австралия представляет смешанную модель генезиса [2], но с той лишь разницей, что автономизация этого доминиона протекала более плавно, постепенно, а значит, метрополия сохраняла здесь значительно дольше свои позиции. Объясняется это и беспрецедентной удаленностью от европейской цивилизации, а именно от Великобритании. Свою роль сыграла и континентальная изолированность от стран-соседей, отсутствие внешней угрозы, что было, например, характерно для взаимоотношений Канады и США. Более этнически однородной оказалась и масса переселенцев (здесь, в частности, отсутствовал фактор Квебека, усложнявший развитие канадского федерализма).

***

Первая колония на Австралийском континенте – **Новый Южный Уэльс** в юго-восточной части материка – была заложена в 1788 г. как место содержания заключенных. Первая экспедиция включала девять транспортных и два военных корабля, которые перевозили 1026 человек – 776 ссыльных, 18 детей и 211 солдат. Предусматривалось, что колония будет сама себя обеспечивать, но первые годы ее обитатели балансировали на грани голода. В нее отказывались ехать свободные поселенцы, «хотя британское правительство брало на себя все расходы по переезду, бесплатно снабжало продовольствием на два года, дарило землю и предоставляло в распоряжение переселенцев ссыльные для обработки земли, и даже питание этих ссыльных осуществлялось за счет казны» [3, с. 18].

Беспрецедентная удаленность от британской столицы создала возможности для бесконтрольного использования власти. Группа офицеров монополизировала торговые операции, сделав ром главной валютой и по сути дела спаивали колонистов [4, p. 14]. «Когда фермер вконец спивался, они сдирали с него семь шкур за глоток рома. Известен случай, когда за галлон рома

стоимостью в два доллара фермер отдал участок земли, который через несколько лет был продан за сто тысяч долларов» [5, с. 90–91]. Только в 1820 г. британское правительство, узнав о вопиющих злоупотреблениях и назначив нового губернатора с приданным ему военным контингентом, совместило преступников во власти.

Труд ссыльных изначально использовался и в других австралийских колониях. В 1803–1804 гг. появляются первые поселения на острове **Тасмания**, в 1824 г. к северу от Нового Южного Уэльса основывается населенный пункт Брисбен – будущая столица колонии **Квисленд**. Казалось бы, более успешно должны были развиваться колонии, чье создание было инициировано свободными первопоселенцами. Но таковых в Австралии оказалось значительно меньше, чем в США, и они столкнулись с более неблагоприятными геополитическими и природными условиями.

Колония **Западная Австралия**, образованная в 1829 г., стала результатом некоей частной инициативы. Группа вкладчиков во главе с Т. Пилем предложила правительству перевезти 10 тыс. пионеров и получила от него 1 млн акров земли (вместо запрашиваемых 4 млн акров) в качестве компенсации. Было решено, что каждый колонист получит 40 акров, если сразу уплатит 3 ф. ст. и в течение первых трех лет израсходует на ее обработку еще 3 ф. ст. Однако вместо реальной хозяйственной деятельности участники проекта и особенно его верхушка занялись земельными спекуляциями, монополизировав пригодные и доступные земли. Начался отток населения.

Разорился даже инициатор начинания Т. Пиль [6, p. 199]. Из-за дефицита рабочей силы ее недостаток пришлось компенсировать заключенными. Их транспортировка прекратилась лишь в 1868 г. под давлением других, более успешных колоний [7, p. 7].

По схожему спекулятивному сценарию пошло первоначально развитие **Южной Австралии**. Организованная в Лондоне Южноавстралийская земельная компания продавала акции, дававшие право на 120 акров земли под хозяйственные нужды и 1 акр в будущей столице. На практике, однако, после высадки колонистов в 1836 г. получила распространение иная схема, благоприятная для земельных махинаторов: при покупке 4 тыс. акров земли по цене 1 ф. ст. за акр возникало право на приобретение еще 11 тыс. акров по сверхльготной цене в 5 шилл. 4 пенса. Надо ли говорить, что при такой постановке дела колония, как и Западная Австралия, практически ничего не производила, и большинство инвесторов разорилось. Ситуацию спасла лишь миграция предприимчивых скотоводов и земледельцев из Нового Южного Уэльса, в начале 1840-х гг. искавших новые пастбища для своих многочисленных овец.

К этому времени **овцеводство становится главным предметом экспорта молодой экономики** (в 1830 г. выводится 2 млн фунтов, шерсти в 1840 г. – 10 млн, в 1849 г. – 39 млн фунтов), а Австралия к середине XIX в. превращается в главного экспортера шерсти в Англию, оттесняя на задний план прежнего лидера – Германию. С 1824 г. вводится система продажи государственных земель вместо прежних актов раздачи или дарения со стороны губернатора. Заметно начинает увеличиваться численность свободного населения, прежде всего в старейшей колонии – Новом Южном Уэльсе. Но и транспортировка заключенных пока не прекращается. Всего же население на

континенте к середине XIX в. превысило 400 тыс. человек, из них почти половина (189 тыс.) приходилась на Новый Южный Уэльс, 64 тыс. – на Южную Австралию, и только 5 тыс. – на Западную Австралию [8, p. 47, 50].

Общественная жизнь в колониях начинает активизироваться по мере того, как увеличивается прослойка свободных граждан и крепнет экономика. Вместе с тем социальные отношения не были простыми: острые противоречия существовали, например, между «эксклюзионистами», кто прибыл на континент по доброй воле, и «эмансипистами», освобожденными после отбывания срока в заключении.

Власти метрополии по мере развития колониального социума были вынуждены идти на его автономизацию, как это было в США и Канаде. Всевластие губернатора в колонии Новый Южный Уэльс было уничтожено **актом 1823 г.**, в соответствии с которым был образован **Законодательный совет** в составе семи членов с консультативными функциями, назначавшийся британским министром колоний. Губернатор был обязан ознакомить совет с тем или иным своим указом до его обнародования, а члены совета имели право в письменном виде изложить свои возражения, которые направлялись в Лондон. Но до этой процедуры ознакомления экспертизу указа на соответствие законам Англии проводил главный судья колонии [9, p. 99].

Вскоре согласно Инструкции британского правительства от 1825 г. при губернаторе был создан еще один орган – **Исполнительный совет**, к рекомендациям которого губернатор должен был действительно прислушиваться. Система управления была несколько откорректирована **актом 1842 г.**: тогда состав Законодательного совета был расширен, и две трети его членов должны были избираться населением на основе высокого имущественного ценза (в первых выборах приняло участие чуть более 5 % населения). Губернатор потерял исключительное право законодательной инициативы, а совет приобрел право финансового контроля. Предусматривалось и создание местных органов управления.

Требования демократизации управления со стороны населения долгое время игнорировались британским правительством: в отличие от Канады, эти требования не подкреплялись ни вооруженными выступлениями со стороны просителей, ни фактором внешней угрозы, побуждавшим бы власти делать уступки колонистам. **Акт 1850 г.** лишь создал новую колонию – Викторию – и предусмотрел отделение северных районов от Нового Южного Уэльса. Он же установил иерархию среди австралийских губернаторов, главным среди которых (генерал-губернатором) считался губернатор Нового Южного Уэльса.

Открытие золота в 1851 г. явилось мощным фактором к увеличению миграции. Уже в 1860 г. во всех колониях проживало 1146 тыс. человек. Причем на 90 % жители колоний были лица британского происхождения, родившиеся в Великобритании и в самой Австралии. Однако быстро росло китайское население, и колониальные власти приняли ограничительные меры.

До поры до времени у австралийских колоний не было стимулов к объединению. «…расположенные на громадном континенте, географически разобщенные, с весьма малым числом населения, сконцентрированного в немногих центрах, отдаленных друг от друга огромными расстояниями, развивались, по существу, самостоятельно, постоянно испытывая взаимное недоверие, недоброжелательство, перераставшие в настоящую вражду.

…Интересы буржуазии различных колоний были часто прямо противоположны. Так, если буржуазия Нового Южного Уэльса отстаивала принцип фритредерства, то буржуазия Виктории твердо стояла на позициях протекционизма. Пребывание Виктории, так же как Южной Австралии и Тасмании, в составе колоний Нового Южного Уэльса не только не привело к их сплочению и возникновению общих интересов, но, напротив, обострило сепаратистские тенденции, нашедшие свое выражение в движении за выход из-под власти сиднейской администрации и достижении самоуправления» [3, с. 127–128].

Отдельные государственные деятели Великобритании (как, например, лорд Грей в начале 1850-х гг.) предлагали федерализировать австралийские колонии[1], но эту идею не поддержала местная элита. «Австралийцев вряд ли можно обвинить в поспешном объединении в федерацию. Этот процесс можно отнести к началу 1880-х годов, когда планы французов и немцев в юго-западной части Тихого океана встревожили колонии, но подозрительность Нового Южного Уэльса в отношении Виктории помешала созданию чего-нибудь существенного, чем слабый и неполный федеральный совет» [10, p. 162–163].

Создание упомянутого Федерального совета было инициировано на общеавстралийской конференции 1883 г. Планировалось, что он решит наиболее актуальные проблемы, общие для всех колоний, в том числе отношения с тихоокеанскими островами, прекращение ввоза заключенных и др. «Законы, принятые федеральным советом, должны быть обязательные для тех колоний, которые предварительно рассмотрели и одобрили их проекты. Предполагалось, что совет может начать свою деятельность после того, как не менее четырех колоний дадут на это свое согласие. Законопроект о создании Федерального совета был утвержден британским парламентом в 1885 г. Виктория, Тасмания, Квинсленд, Западная Австралия согласились принять участие в его работе» [3, с. 133].

Разумеется, полномочия нового органа были явно недостаточны для быстрой и эффективной интеграции колоний. Поэтому самая сильная среди последних – Новый Южный Уэльс – отказалась послать своих представителей в совет и предлагала образовать полноценный законодательный орган, избираемый населением. В июле 1889 г. премьер-министр колонии **Г. Паркс** обратился с соответствующим конфиденциальным письмом к премьеру колонии Д. Гиллису о создании «федерального парламента и правительства, наделенных всеми правами по типу доминиона Канады» [11, p. 2], но получил отказ с формулировкой, что предлагаемые задачи как раз и можно достичь через расширение деятельности Федерального совета [11, p. 2]. Однако Г. Паркс не успокоился. Воспользовавшись докладом британского генерала **Б. Эдвардса**, которому Лондон поручил оптимизировать оборону континента, и его идеей об интеграции локальных военных сил колоний, премьер Нового Южного Уэльса призвал своих коллег-премьеров собраться на конференцию, но вновь поручил отказ от Д. Гиллиса. Тогда Г. Паркс на основе личных контактов попытался перетянуть на свою сторону политиков Квинсленда. По возвращении из поездки на заседании Законодательного совета,

[1] Early Gray // Australian Dictionary of Biography. – URL: http://adbonline.anu.adu.au/biogs/A0104406.htm

обращаясь к историческому опыту колонии, он задавал риторический вопрос: «Австралия имеет сейчас население три с половиной миллиона, а американский народ насчитывал только три или четыре миллиона, когда образовал великое содружество – Соединенные Штаты. Численность населения была почти такая же. Но нельзя ли то, чего американцы добились ценой гражданской войны, получить мирным путем?» [12, p. 6–8].

Паркс разослал письма всем премьерам австралийских колоний о созыве специальной конференции, однако его адресанты ограничились молчанием. Тогда неутомимый энтузиаст федеративной идеи обратился к законодательным органам колоний. В конце концов премьеры отозвались, но тон их ответов был весьма скептический. Лишь вмешательство губернаторов колоний (и особенно губернатора Нового Южного Уэльса **лорда Кэррингтона**), мечтавших возложить на выборные органы подопечных им территорий бремя обороны и забыть о внутреннем развитии, помогло организовать конференцию. Она открылась в Мельбурне 6 февраля 1890 г.

«На конференции довольно четко определились три направления. К первому принадлежали сторонники сильной федеральной власти, “федералисты любой ценой”, как их называли позднее, такие как Паркс (Новый Южный Уэльс) и Макроссен (Квинсленд). Представители второго направления, такие как Плейфорд (Южная Австралия) и Кларк (Тасмания), настаивали на сохранении у колоний широких прав при объединении их в федерацию. Третье – промежуточное между двумя крайними направлениями. Его выражал, в частности, Гриффит, являвшийся тогда лидером оппозиции в парламенте Квинсленда» [3, с. 136–137].

Итогом состоявшегося мероприятия стал созыв национальных конференций в Сиднее 2 марта 1891 г. с участием представителей колониальных парламентов для выработки конституционного проекта. Однако и на этом история не завершилась, поскольку разработанный проект был одобрен позднее лишь парламентами Виктории и Южной Австралии. К идее федерации вернулись лишь в феврале 1895 г. на конференции премьеров колоний в Хобарте, а затем на новой конференции по выработке конституционного документа. Предполагалось, что теперь делегаты будут не назначаться парламентами, а избираться населением. Однако этот принцип был выдержан только в четырех колониях.

Сессии конференции последовательно в Аделаиде, Сиднее и Мелбурне в 1897–1898 гг. закончились проведением референдумов по проекту. В Виктории, Южной Австралии и Тасмании проект одобрили, в Новом Южном Уэльсе он потерпел поражение. Квинсленд не участвовал в кампании, а Западная Австралия отложила ее на один год. В ходе последующего референдума в 1899 г. проект федеральной конституции одобрили уже пять колоний, а Западная Австралия отмолчалась.

Теперь в Англию отправилась делегация из Австралии, которой предстояло согласовывать конституционный текст с властями метрополии. Наиболее сложным оказалось согласование с министром колоний Д. Чемберленом. Тем временем за три дня до начала рассмотрения конституционного проекта британским парламентом о намерении присоединиться к федеративному союзу заявила Западная Австралия. После внесения некоторых попра-

вок и одобрения текста королевским указом в июне 1900 г. закон о Конституции был введен в действие.

Внешне произошедшее выглядело как заурядное обыденное событие. «В отличие от созданных ранее конфедераций Соединенных Штатов Америки и Германии, Австралия не вела войны за независимость или объединение. В отличие от итальянцев, она не пережила эпоху воссоединения Рисорджименто. Явка на референдум по созданию федерации была ниже, чем на парламентских выборах; только в одной колонии – Виктории – и то с незначительным перевесом, большинство имеющих право голоса граждан проголосовали за федерацию» [10, с. 165].

Конституция заимствовала американскую систему разделения властей, но совмещала ее с британским парламентаризмом, с его главным принципом – ответственностью правительства перед парламентом. «Вдохновение для австралийского федерализма самым очевидным образом может быть обнаружено в опыте США. Многие из создателей Конституции посещали США и изучали американское конституционное право. Парадокс, но создатели конституционного строя выбрали американскую модель федерации, а не канадскую систему потому, что они были озабочены воображаемым централизованным федерализмом последней. История показала, что их ощущения были неправильными» [13, p. 4]. Конституционный документ был кратким: он состоял из 127 секций и 11 908 слов. Для структурирования федеративных отношений ключевое значение имели секции 51, 71, 96 и 109.

В секции 51 были обозначены 40 совместных предметов ведения федерации и штатов. Среди них торговля между штатами и с другими странами, вопросы обороны, налогообложения, организации работы почты, телеграфа, метеонаблюдений, статистики и цензов, денежного обращения, банкротства, интеллектуальной собственности, брака и развода, социального обеспечения, иммиграции, эмиграции, внешней политики, строительства и покупки железных дорог (с согласия штатов), примирения и арбитража в трудовых спорах, выходящих за пределы одного штата и т.д. Исключительные полномочия федерального центра указаны в секции 52 и состоят только из трех пунктов: 1) выбор месторасположения правительства; 2) вопросы, относящиеся к общественной службе; 3) другие вопросы, относящиеся к провозглашенным прерогативам парламента. Одновременно с этим в секциях 90 и 91 к числу федеральной прерогативы относится взимание акцизных сборов. В секции 71 был обозначен Высокий Суд как орган федерального правосудия. Секция 96 давала полномочия федеральному Парламенту предоставлять финансовую помощь штатам. Секция 109 отмечала, что в случае противоречий между законодательством субъектов и федерального центра законы последнего имеют преобладающую силу.

Существует мнение, что отсутствие четкой фиксации полномочий штатов в Конституции явилось большой ошибкой со стороны отцов-основателей [14].

Однако следует помнить, что, видимо, по-другому и быть не могло, если иметь в виду, с какими трудностями проходил процесс создания федерации. Здесь не было того единого порыва к объединению, который испытали американцы, и не было слишком заинтересованных в этом элит отдельных

регионов, увлекавших за собой других региональных лидеров, как это имело место в Канаде.

В отличие от других переселенческих колоний – США и Канады, Австралийское федеративное государство образовалось достаточно поздно – на исходе XIX столетия, и его создатели теоретически могли учесть ошибки своих предшественников на другом конце земли. Но реальное значение имело другое – геополитические и исторические особенности Австралии. Огромный континент – остров с низкой плотностью населения, сложными и не всегда благоприятными природно-климатическими условиями, этнически однородным населением с большим сегментом бывших заключенных – не имел мощных факторов к быстрой, спонтанной федерализации. Задачу по объединению облегчило не просто позитивное желание властей метрополии, но их стимулирующее воздействие, чего не было в случае с Канадой.

Возможно, в намерение отцов-основателей Австралийского Союза входило намерение оставить более широкие полномочия за штатами, чем за федеральным центром [15]. Так или иначе на практике к сферам преимущественной ответственности штатов относятся: образование, здравоохранение, жилищное хозяйство, транспорт, несчастные случаи на производстве, гражданское и уголовное право, сельское хозяйство, муниципальное право, водное право. Сферами взаимной ответственности центра и субъектов в настоящее время являются защита прав потребителей, трудовые отношения, борьба с дискриминацией, права человека, окружающая среда. При этом у муниципалитетов нет значимых законотворческих полномочий. Их главная задача – сбор мусора, некоторые вопросы местного планирования, содержание парков и дорог [16, p. 92].

Конституционный строй в Австралии отличает завидная стабильность, что во многом объясняется жестокостью Конституции. Ее сложно изменить: законопроект, содержащий конституционную поправку, должен быть принят не только федеральным парламентом, но и получить согласие на референдуме у большинства жителей страны и у большинства жителей в большинстве штатов. За всю историю страны только восемь изменений из предложенных 44 получили поддержку. Возможно, причинами этого низкого уровня является непонимание конституционных вопросов жителями и нежелание в них разобраться, консерватизм австралийского общественного мнения [17, p. 8].

Ни федеральная Конституция, ни конституции штатов не содержит билль или хартию о правах. Федеральная Конституция не упоминает специально о защите индивидуальных прав граждан, хотя и существует целый ряд ограничений на деятельность федеральных властей, имеющих аналогичный эффект. Во времена принятия Конституции в странах британской конституционной традиции не было принято защищать права граждан с помощью специально закрепленных в конституционных документах гарантий, и это положение сохранилось до наших дней, в отличие, например, от Великобритании. Отсутствует и специальная инкорпорация международных норм о правах человека в национальное законодательство. Эта ситуация вряд ли изменится в будущем, поскольку принятые федеральным парламентом билли о правах на основе его полномочий регулировать внешнеполитические вопросы встретит сопротивление со стороны штатов. Так что в силе остается

традиционный механизм решения данной проблемы – через суды и отдельные акты парламента [17, p. 8–9].

Однако консервативный характер австралийского федерализма не означает, что за прошедшее столетие не произошло расширение властных полномочий федерального центра. В ходе так называемой «тихой революции» последний смог для этого использовать такие инструменты, как **финансовую помощь штатам** и **решения Высокого Суда**.

В условиях высоких бюджетных диспропорций в Австралийской федерации между центром и субъектами предоставление грантов штатам из центра заставляет первые соблюдать некие условия или некие единые стандарты. Например, именно это обстоятельство позволило добиться определенной гармонизации учебных планов в сфере образования. После 2008 г. добровольная гармонизация при получении грантов достигается посредством Соглашения в сфере федеративных финансовых отношений и осуществляется через Совет Австралийских правительств (COAG), в который входят федеральный премьер-министр, премьер-министр штатов, главные министры территорий и президент Ассоциации Австралийских местных правительств[1]. Другой важный орган координации федеративных отношений Постоянный Совет по праву и правосудию (SCLJ) в составе федерального генерального прокурора, генеральных прокуроров штатов и территорий и генерального прокурора Новой Зеландии [16, p. 92–94].

Еще более значимая и заметная роль в федеративной централизации принадлежит Высокому Суду. Этот орган возник в соответствии с Конституцией и Судебным актом 1903 г. первоначально в составе трех членов – видных деятелей движения за федерализацию австралийских колоний: С. Гриффита (бывшего премьер-министра и главного судьи Квинсленда), Э. Бартона (первого федерального премер-министра и лидера конституционного конвента) и Р. Э. О'Коннора (бывшего министра юстиции и генерального солиситора Нового Южного Уэльса). Затем в силу успешной экспансии судебных полномочий, осуществленной первыми судьями, и повышения их загруженности по просьбе последних в 1906 г. были добавлены двое новых судей, а в 1913 г. судейский состав был вновь увеличен и достиг семи судей. При этом назначение двух новых членов было встречено большим недовольством адвокатской общественности двух штатов – Нового Южного Уэльса и Виктории. В 1933 г., в годы Великой депрессии, число судей сократилось до шести, прежнее число судей было восстановлено в 1946 г.

Как в США и Канаде, в австралийском федерализме первоначально доминировали интересы штатов. Высший Суд Австралии уже в решении **D'Emden v. Pedder (1904)** исходил из параллельного, независимого друг от друга существования федерального права и права штатов. Доктрину зарезервированных за штатами прав Суд развил в решениях по делам **Peterswald v. Bartley** (1904), **R v. Barger** (1908), **Attorney General (NSW) v. Brewery Employees Union (NSW)** (1908) и **Huddart Parker v. Moorehead** (1908). Полномочия федерального центра Судом интепретировались тогда узко, чтобы оставить максимальное поле деятельности для штатов [18, p. 127; 19, p. 579]. Однако решение **Amalgamated Society of Engineers v. Adelaide Steamship**

[1] О деятельности COAG. – URL: http://www.coag.gov.au/about_coag

Co. Ltd (1920) положило начало экспансии полномочий федерального центра. В годы Второй мировой войны, когда над Австралией нависла реальная военная угроза (г. Дарвин бомбила японская авиация, а в Сиднейской бухте были замечены японские подводные лодки), своим решением по делу **First Uniform Tax Case** (1942) Суд помог сконцентрировать в руках федерального правительства огромные средства от подоходного налога на юридические и физические лица. Была признана конституционность федеральных законов, согласно которым: 1) увеличивался федеральный подоходный налог; 2) запрещалась уплата подоходного налога в штатах до выплаты федерального подоходного налога; 3) переподчинялись федеральной власти штатные департаменты налогообложения; 4) предусматривалась выплата грантов штатам, если последние отказывались у себя взимать подоходный налог. После окончания Второй мировой войны штатам было сложно восстановить у себя подоходный налог, и второе дело о взимании унифицированного налога – Victoria v. Commonwealth (Second Uniform Tax Case) (1957) – было решено Высоким Судом в пользу федеральной власти [14].

Важной вехой на пути дальнейшего усиления федеральной власти стало дело **Commonwealth v. Tasmania** (1983). Это был спор между федеральным правительством и властями острова Тасмания по поводу строительства дамбы на р. Франклин, осуществляемого по предложению Гидроэлектрической комиссии штата. В 1982 г. ЮНЕСКО причислил район р. Франклин к мировому наследию, что усилило позиции противников строительства и дало повод федеральному лейбористскому правительству издать в 1983 г. Акт о сохранении собственности, принадлежащей к мировому наследию. Тогда же оба правительства – федеральное и штатное – обратились в Высокий Суд.

Судьи большинством в один голос (четыре против трех) приняли решение, что акт федерального правительства, запрещающий штату строительство бомбы, является конституционным на основе подсекции 29 секции 51 Конституции о так называемых «внешних» полномочиях федеральной власти, сформулированных, объективно говоря, крайне туманно. Судья Мейсон подчеркнул, что эта неопределенность в конституционном тексте была допущена намеренно, с перспективой расширительного толкования и в момент принятия Конституции не существовало ни международных организаций, ни транснациональных корпораций. Судья Мерфи сформулировал обстоятельства, при которых закон приобретает международный, или «внешний», характер (они включали случаи, когда речь шла о выполнении международного договора, рекомендаций со стороны ООН, ВТО, МОТ, сделок юридических лиц внутри Австралии с зарубежными партнерами, сделок внутри Австралии, имеющих международный характер)[1].

Надо ли говорить, что подобная широкая интерпретация конституционного текста не могла не встревожить сторонников прав штатов. Дебаты по поводу «внешних полномочий» нашли продолжение в последующих делах[2], причем Высокий Суд выступал за их широкое толкование.

[1] URL: http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1983/21.html

[2] Richardson v. Forestiy Comission (1988); Queensland v. Commonwealth (1989); Victoria v. Commonwealth (1996).

Еще более щедрые полномочия федеральному центру давало решение по делу **New South Wales v. Commonwealth** (2006). Речь шла о конституционной оценке **Work Choices Act** (2005) – закона о «трудовом выборе», корректирующего закон об отношениях на рабочем месте (Workplace Relations Act) 1996 г. Закон 2005 г. нарушил обязательства по Конвенции МОТ № 87 «О свободе ассоциации и защите прав на организацию», Конвенции МОТ № 98 «О применении принципов права на организацию и на введение коллективных переговоров», Конвенции МОТ № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя». Эта мера, подвергшаяся резкой критике со стороны профсоюзов, продвигала принципы классического либерализма о невмешательстве государства в трудовые отношения [20].

Суд выступил на стороне правоцентристских сил, поддержав крайне непопулярный среди рядовых австралийцев акт. Против федерального правительства выступили штаты Новый Южный Уэльс, Западная Австралия, Южная Австралия, Квинсленд, Виктория и австралийский Союз рабочих совместно с профсоюзами Нового Южного Уэльса.

И тем не менее судьи нашли возможным проигнорировать широкое общественное недовольство и обосновали свою позицию подсекцией 20-й секции 51-й Конституции о правомочности федерального парламента принимать законы о «зарубежных корпорациях и торговых и финансовых корпорациях, сформированных внутри федеративного сообщества».

В свою очередь сторонники прав штатов и прав трудящихся обращали внимание судей на то, что конституционное положение о регулировании корпораций не может пониматься столь широко: оно распространяется только на их внешнее регулирование (т.е. не охватывает регулирование персонала) и важнейшую их деятельность, не включает в себя процедуры примирения и арбитража между работниками и работодателями[1].

Упорство, с каким консерваторы-рыночники и большой бизнес порадовали закон, достойно сожаления. Их недальновидное стремление к безусловной победе обеспечило правящей партии поражение на последующих парламентских выборах в декабре 2007 г. и фактический демонтаж защищаемого Судом законодательства. Возникли разговоры о необходимости реформы федерализма. Усилилась критика Высокого Суда. Теперь выражается недовольство в целом его деятельностью, тем, как члены Высокого Суда произвольно интерпретируют Конституцию, неоправданно далеко уходя от намерений отцов-основателей [21].

За прошедшие сто с небольшим лет после издания Конституции изменились и отношения с метрополией. **Австралия совершенно добровольно длительное время находилась в тени влияния Лондона.** Все ведущие партийно-политические силы Австралии (включая либералов и лейбористов) одобрили вступление доминиона в Первую мировую войну на стороне Великобритании. В вооруженных силах служило 416 тыс. человек (из них погибло около 60 тыс. человек). Считается, что в сражении под Галлиполи Австралийского и новозеландского корпуса (ANZAC) родился национальный военный дух. Однако попытки на референдумах 1916 и 1917 гг. ввести обязательный набор в армию для усиления помощи метрополии провалились, и, в отличие от Канады, в вооруженных силах служили только добровольцы.

[1] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/New_South_Wales_v_Commonwealth(2006)

Австралия долгое время отказывалась воспользоваться широкими правами, предоставленными доминионам **Вестминстерским статутом 1931 г.** Только в 1942 г., в пору тяжелых военных поражений для метрополии и австралийских вспомогательных сил, накопившееся раздражение от неадекватного использования и чувство самосохранения побудили австралийское правительство ратифицировать этот документ. На территории Австралии был размещен штат главнокомандующего американскими силами в юго-западной части Тихого океана генерала Д. Макартура. При этом позже, в 1944 г., «была предпринята попытка создать противовес американскому доминированию путем соглашения с Новой Зеландией и восстановления роли Британского Содружества в Тихом океане. Стало ясно, что Австралия не может дистанцироваться от международных отношений и не в состоянии полагаться только на государство протектора» [10, с. 232]. После Второй мировой войны, когда экономическое благополучие страны резко возросло, а старая Британская колониальная империя испытала крах, вопрос об ослаблении связей с бывшей метрополией стал только вопросом времени. Генерал-губернатор **Дж. Кэрр** бесцеремонно применил свое «спящее право» и отправил в отставку популярное среди австралийцев лейбористское правительство **Г. Уитлэма** (1972–1975), объявив и о роспуске обеих палат парламента. «Когда распространились сведения о действиях генерал-губернатора, у здания парламента в Канберре собралась толпа.

…В крупных городах люди оставили работу и вышли на стихийные демонстрации, агитируя население перейти к прямым действиям. Однако Уитлэм принял роспуск своего правительства, а лидер Австралийского совета профсоюзов подавлял все разговоры о забастовке» [10, с. 281–282].

Конституционный кризис 1975 г., хотя он благополучно закончился для его инициатора – британского королевского чиновника, в отличие от аналогичного случая в Канаде в 1920-е гг., и на смену прогрессивному премьер-министру пришел консерватор **М. Фрейзер**, сам по себе не мог затормозить суверенизацию бывшего доминиона. Акт № 142 Парламента Австралии (1985) и Акт Парламента Великобритании (1986) устранили все остающиеся связи между законодательными и судебными странами обеих стран. Теперь Парламент Великобритании утратил право законодательствовать в отношении отдельных штатов и прекратилась практика апелляций со стороны верховных судов штатов в Судебный комитет Тайного совета. Новая конституционно-правовая ситуация, когда уже отдельные австралийские штаты не рассматривались как колонии британской короны, нашла закрепление в специальных актах этих штатов[1]. Вместе с тем Австралия не разорвала личные связи с британским монархом. Попытка проведения референдума в 1999 г. в пользу перехода к чисто республиканской форме правления провалилась.

Австралийский федерализм цементируют три влиятельные партийно-политические силы. Это: 1) либералы, представляющие бизнес и средний класс из пригородов; 2) национальная или сельская партия, защищающая интересы консервативного фермерства; 3) лейбористы, имеющие опору среди рабочих и профсоюзов. Правда, на протяжении большей части истории Австралийской федерации либералы и аграрии-националисты созда-

[1] URL: http://en.academic.ru/dis.nsf/enwiki(234997)/Australia Act 1986

вали коалицию, и в стране, таким образом, формально функционировала двухпартийная система. Однако эта двухпартийность отличается от американского классического двухпартийного тандема тем, что она не носит устойчивого характера и идеологические разногласия между его членами значительно шире тех разногласий, которые имеют место между республиканцами и демократами в США. Несомненно, что примечательной чертой австралийского партийно-политического ландшафта являются сильные позиции лейбористов, которые отражают давние традиции профсоюзной жизни.

Подведем некоторые итоги. Трудно согласиться с мнением, что «Австралия является одновременно одной из самых молодых демократий и одной из наиболее старых федераций» [13, p. 3]. Австралийская демократия имеет не менее давние и прочные корни, чем австралийский федерализм. Высокий уровень оплаты труда, восьмичасовой рабочий день, прочное влияние профсоюзов, быстрое продвижение всеобщего избирательного права (в том числе и для женщин) являлись важными приметами австралийской общественной жизни уже на рубеже XIX–XX вв. [22]. Несомненно, что все это благоприятно сказывалось на развитии федерализма. Одновременно закладывался и должный правовой фундамент.

В исследовании 20 федеративных государств, проведенных под руководством известных компаративистов Д. Халберстама и М. Рейманна [23], Австралия занимает 14-е место по степени унификации права, но вместе с тем первое место среди стран прецедентного права и первопоселенческого федерализма, и она опережает даже свою бывшую метрополию – Великобританию, которая, строго говоря, федеративным государством пока еще не является. В настоящее время австралийский федерализм, судя по всему, не испытывает тех угроз, которые свойственны поляризированному и фрагментированному американскому федерализму или дестабилизируемому квебекским фактором канадскому федерализму.

Список литературы

1. **Гуляков, А. Д.** Основание федеративного государства в США (историко-государствоведческий очерк) / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1.
2. **Гуляков, А. Д.** Пути формирования канадского федерализма / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2.
3. **Малаховский, К. В.** История Австралии / К. В. Малаховский. – М., 1980.
4. **Mander, A. E.** The Making of the Australians / A. E. Mander. – Melbourne, 1958.
5. **Твен, М.** Собрание сочинений / М. Твен. – М., 1961. – Т. 9.
6. **Barnard, M.** A History of Australia / M. Barnard. – Sydney, 1962.
7. **Dunlop, E.** Australia: Colony to Nation / E. Dunlop, W. Pike. – Sydney, 1960.
8. **Hancock, W. K.** Australia / W. K. Hancock. – L., 1930.
9. **Melbourne, A. C.** Early Constitutional Development in Australia / A. C. Melbourne. – St. Lucia, 1963.
10. **Макинтайр, С.** Краткая история Австралии / С. Макинтайр. – М. – С. 162–163.
11. **Wise, B. R.** The Commonwealth of Australia / B. R. Wise. – L., 1913. – P. 2.
12. **Wise, B. R.** The Making of the Australian Commonwealth. 1889–1900 / B. R. Wise. – L., 1913.
13. **Macintyre, C.** Australia: A Quiet Revolution in the Balance of Power / C. Macintyre, J. Williams // A Global Dialogue on Federalism. Booklet Series. Vol. II. Dialogues

on Distribution of Powers and Responsibilities in Federal Countries / ed. by R. Blindenbacher, A. Ostein. – Montreal, 2005.
14. **Taylor, G.** Federalism in Australia / G. Taylor // Monash University Research Series. – 2010.
15. **Craven, G.** The High Court and States / G. Craven // Papers Presented the Sixth Conference of sir Samuel Griffith Society. – URL: http://www.samuelgriffith org au/papers/html/volume 6/v6chap4htm
16. **Saunders, C.** The Australian Federation: A Story of the Centralization of Power / C. Saunders, M. Foster // Federalism and Legal Unification. A Comparative Emperical Investigation of Twenty Systems. – N. Y. ; L., 2014.
17. **Le Roy, K.** Australia: The Evolution of a Constitution / K. Le Roy, C. Saunders // A Global Dialogue on Federalism. Booklet Series. Vol. I. Dialogues on Constitutional Origins, Structurte and Change in Federal Countries / ed. by R. Blindenbacher, A. Ostien. – Montreal, 2005.
18. **Sawer, G.** Australian Federalism in the Courts / G. Sawer. – L. : Cambr. Univ. Press, 1967.
19. **Hanks, P.** Australian Constitutional Law. Materials and Commentary / P. Hanks, P. Keyzer, J. Clarke. – 7th ed. – Sydney : Butterworths, 2004.
20. **Бобровникова, М.** Судьба либеральных реформ в сфере труда / М. Бобровникова // Сравнительное трудовое право. – 2009. – № 2.
21. **Allan, J.** An Uncommon Court: How the High Court of Australia Has Undermined Australian Federalism / J. Allan, N. Aroney // Sydney Law review. – Vol. 30. – P. 246–247.
22. **Мижуев, П. Г.** Счастливая Австралия (социальное законодательство Австралии и его результаты) / П. Г. Мижуев. – Пг., 1918.
23. **Halberstam, D.** Federalism and Legal Unification: Comparing Methods, Results and Explanations Across 20 Systems / D. Halberstam, M. Reimann // Federalism and Legal Unification a Comparative Emperical Investigation of Twenty Systems. – N. Y. ; L., 2014. – P. 32–33.

References

1. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1.
2. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 2.
3. Malakhovskiy K. V. *Istoriya Avstralii* [Australian history]. Moscow, 1980.
4. Mander A. E. *The Making of the Australians*. Melbourne, 1958.
5. Tven M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, 1961, vol. 9.
6. Barnard M. A *History of Australia*. Sydney, 1962.
7. Dunlop E., Pike W. *Australia: Colony to Nation*. Sydney, 1960.
8. Hancock W. K. *Australia*. London, 1930.
9. Melbourne A. C. *Early Constitutional Development in Australia*. St. Lucia, 1963.
10. Makintayr S. *Kratkaya istoriya Avstralii* [Brief history of Australia]. Moscow, pp. 162–163.
11. Wise B. R. *The Commonwealth of Australia*. London, 1913, p. 2.
12. Wise B. R. *The Making of the Australian Commonwealth. 1889–1900*. London, 1913.
13. Macintyre C., Williams J. *A Global Dialogue on Federalism. Booklet Series. Vol. II. Dialogues on Distribution of Powers and Responsibilities in Federal Countries*. Ed. by R. Blindenbacher, A. Ostein. Montreal, 2005.
14. Taylor G. *Monash University Research Series*. 2010.
15. Craven G. *Papers Presented the Sixth Conference of sir Samuel Griffith Society*. Available at: http://www.samuelgriffith org au/papers/html/volume 6/v6chap4htm

16. Saunders C., Foster M. *Federalism and Legal Unification. A Comparative Emperical Investigation of Twenty Systems*. New York; London, 2014.
17. Le Roy K., Saunders C. *A Global Dialogue on Federalism. Booklet Series. Vol. I. Dialogues on Constitutional Origins, Structurte and Change in Federal Countries*. Ed. by R. Blindenbacher, A. Ostien. Montreal, 2005.
18. Sawer G. *Australian Federalism in the Courts*. London: Cambr. Univ. Press, 1967.
19. Hanks P., Keyzer P., Clarke J. *Australian Constitutional Law. Materials and Commentary*. 7th ed. Sydney: Butterworths, 2004.
20. Bobrovnikova M. *Sravnitel'noe trudovoe pravo* [Comparative labor law]. 2009, no. 2.
21. Allan J., Aroney N. *Sydney Law review*. Vol. 30, pp. 246–247.
22. Mizhuev P. G. *Schastlivaya Avstraliya (sotsial'noe zakonodatel'stvo Avstralii i ego rezul'taty)* [Happy Australia (social legislation of Australia and its results)]. Petrograd, 1918.
23. Halberstam D., Reimann M. *Federalism and Legal Unification a Comparative Emperical Investigation of Twenty Systems*. New York; London, 2014, pp. 32–33.

Гуляков Александр Дмитриевич
кандидат юридических наук, доцент,
ректор Пензенского государственного университета
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: rector@pnzgu.ru

Gulyakov Alexander Dmitrievich
Candidate of juridical sciences, associate professor, Rector of Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.1

Гуляков, А. Д.

Пионерский федерализм в Австралии: особенности становления и динамика развития / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 5–19.

УДК 340.13

С. А. Белоусов

ДИСБАЛАНС В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ УСТРАНЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность темы статьи определяется важностью для правового развития страны объединения разнообразных источников права в единую систему. Целью данной статьи выступает выявление наиболее актуальных проблем дисбаланса в системе источников права и поиск путей их устранения.

Материалы и методы. Реализация поставленных исследовательских задач была достигнута с помощью анализа норм российского законодательства. Теоретическую базу составили труды теоретиков права как дореволюционного периода, советского времени, так и наших современников. Методологический потенциал включает в себя общенаучные (диалектический, анализ, синтез) и частнонаучные методы (системный, формально-юридический и сравнительно-правовой).

Результаты. Результатом исследования стала разработка модели взаимодействия источников права. Анализируется дискуссия о признании судебной практики источником российского права. Рассматриваются достоинства и недостатки договорного регулирования общественных отношений. Характеризуются особенности использования правового обычая и правовой доктрины как источников права в условиях современных российских реалий.

Выводы. Делается вывод о повышении в современных условиях роли в отечественной правовой системе иных, помимо нормативных правовых актов, источников права. Излагается перечень обязательных условий соблюдения баланса между различными источниками права в целях стабилизации правовой системы общества.

Ключевые слова: законодательный дисбаланс, дисбаланс в правовой системе, источник права, форма права, «нетрадиционные» источники права, нормативный правовой акт, нормативный договор, правовой обычай, судебная практика, правовая доктрина.

S. A. Belousov

DISBALANCE IN THE SYSTEM OF THE RUSSIAN LAW SOURCES: ACTUAL PROBLEMS AND WAYS OF ELIMINATION

Abstract.

Background. The topicality of the article's subject is determined by importance of integrating of different sources of law into a united system for legal development of the state. The goal of the article is to show up the most urgent problems of disbalance in the system of the law sources and to search ways of its elimination.

Materials and methods. Implementation of the research objectives was achieved through analyzing the legal norms of the Russian legislation. The theoretical base was composed from works by theorists of law of the pre-revolutionary period, the soviet period as well as by our contemporaries. The methodological potential included general scientific methods (dialectical method, analysis, synthesis) and special scientific methods (systematic, technical and comparative legal ones).

Results. The research resulted in development of a model of interaction of sources of law. The discussion about declaration of the judicial practice as a source

of the Russian law was analyzed. The merits and demerits of contractual regulation of social relations were considered. The peculiarities of using a legal custom and a legal doctrine as sources of law in the modern Russian conditions were underlined.

Conclusions. The author came to the conclusion about an increase of importance of other sources of law, besides normative legal acts, in the national legal system. The list of obligatory conditions for maintenance of balance between different sources of law with the purpose of stabilization of the legal system of the society has been suggested.

Key words: legislative disbalance, disbalance in the legal system, source of law, form of law, «nonconventional» sources of law, normative legal act, normative agreement, legal custom, judicial practice, legal doctrine.

Баланс в правовой системе того или иного государства зависит от целого ряда факторов, соотношений, взаимозависимостей, среди которых ведущее место, безусловно, занимает вопрос увязанности источников его права в единую, согласованную систему. В Российской Федерации решение данного вопроса как на уровне теории, так и с практической точки зрения нельзя признать удовлетворительным.

В отечественной литературе по теории права нет единства мнений даже относительно самой трактовки соотношения понятий «источник права» и «форма права». Наибольшую распространенность в научных исследованиях имеет позиция отождествления рассматриваемых понятий. При этом прямое указание на отождествление понятий «форма права» и «источник права» вовсе не обязательно присутствует в тексте, доказательством использования их в качестве синонимов может служить, в частности, расположение одного из понятий в скобках после другого [1, с. 10–19].

Уравнивая исследуемые понятия, некоторые ученые идут дальше и настаивают на предпочтительности использования какого-либо одного из них. Мнения теоретиков и здесь разошлись: одни говорят о большей востребованности термина «источник права», основанной на «удобстве» его применения как с точки зрения общей теории права, так и с позиции отраслевых наук [2, с. 57], другие же считают понятие «источник права» непригодным для обозначения государственно-правовых явлений ввиду его многозначности, отдавая приоритет понятию «форма права» [3, с. 43].

Иногда понятия формы и источника действительно совпадают, в частности в отношении нормативного правового акта, который одновременно является и тем и другим. Но такое единение встречается далеко не всегда: возможна ситуация, когда какой-либо феномен правовой действительности может считаться источником права, но не его формой. Дело в том, что понятие источника права не сводится к формально закрепленным и санкционированным государством официальным правовым актам, оно является более глубоким по своему содержанию, позволяя проследить социальные истоки права [4, с. 13]. Источник права не обязательно приводит к созданию новых норм права, а лишь выступает основой, предпосылкой, условием правообразования.

Источники права образуют систему, находясь между собой в активном взаимодействии. Результатом последнего выступает следующая закономерность: снижение значения и удельного веса одних приводит к повышению роли, объема использования в механизме правового регулирования других.

Основным источником права стран романо-германской (континентальной) правовой семьи, берущей свое начало в римском частном праве, на протяжении всей истории ее существования выступал нормативный правовой акт, что справедливо и для современной России. Однако было бы неправильным рассматривать систему источников отечественного права как некую застывшую субстанцию. Напротив, неизбежной реакцией на развитие и усложнение общественных отношений должны выступать и соответствующие изменения в балансе источников права.

Бесспорно, что понятие нормативного правового акта является центральным и при рассмотрении структурной организации законодательства, и при исследовании правовой системы в целом. Тем более показателен тот факт, что само понятие нормативного правового акта в Российской Федерации официально не закреплено. Следовательно, о каком балансе внутри их системы может идти речь, когда нет определенности даже в смысловой трактовке основных элементов?

О необходимости принятия на федеральном уровне закона «О нормативных правовых актах» написано немало, неизменно с акцентом на его «знаковость», «базовость», конституирующий для всего законодательства характер [5, с. 40]. Учеными предложены и соответствующие проекты [6].

Действительно, такой тематический закон способен сыграть наиважнейшую роль в нахождении баланса, прежде всего в законодательстве как таковом, но, помимо этого, во всей правовой системе. Он позволит разрешить противоречия юридического характера между законами и прочими правовыми актами и не допускать их появления в дальнейшем.

Несмотря на «общепризнанность» необходимости наличия такого закона в российской правовой системе, В. М. Баранов, например, не поддерживает идею принятия закона «О нормативных правовых актах» (закона «О правотворчестве»), так как полагает, что она себя «не оправдала и оказалась фактически скомпрометированной». Он идет дальше и предлагает принять нормативный правовой акт более широкой направленности и даже более высокого уровня – федеральный Кодекс об основных формах права. Эта идея базируется на его позиции, отвергающей необоснованное идолизирование нормативных правовых актов, и в частности законов, в ущерб остальным формам права. В предлагаемом им документе предполагается отразить отношение государства к судебным прецедентам, договорам, обычному праву, правовой доктрине, официально закрепить их место и роль в правовой системе. В качестве главной формы права, и этому сложно что-либо возразить, ученый видит Конституцию при условии, что не только все правовые акты, но и иные формы права Российской Федерации не должны ей противоречить [7, с. 42]. Не отрицая важность затрагиваемого В. М. Барановым вопроса, мы полагаем, что место источников права в правовой системе и их соотношение можно закрепить и в законе «О нормативных правовых актах», не создавая отдельного, несколько «выбивающегося» из системы российского законодательства кодекса.

Итак, одной из тенденций современной российской правовой действительности выступает увеличение удельного значения иных, помимо нормативных правовых актов, источников права. Но проблема заключается в том, что их место и роль в правовой системе, следовательно, и юридическая сила

до сих пор официально не определены и порождают массу теоретических и практических разногласий. Другими словами, в российской правовой системе совершенно очевиден дисбаланс в соотношении различных источников права.

Д. В. Храмов предлагает объединить судебный прецедент, судебную практику, правовой обычай (обычаи делового оборота, деловые обыкновения), правовую доктрину, основные начала (принципы) российского права, закрепленные в законодательстве РФ и не закрепленные в нем, но вытекающие из общего смысла действующего права, понятием «нетрадиционные источники права», аргументируя необходимость их комплексного и всестороннего изучения важнейшей ролью, которую они играют в регулировании частноправовых отношений ввиду необходимости обеспечения стабильности постоянно и динамично изменяющегося гражданского оборота [8, с. 3–4]. С этим далеко не всегда в силах справиться законодательство, являющееся традиционным источником права.

Неопределенной остается ситуация с трактовкой положения судебной практики (судебного прецедента) в системе источников права современной России. Прецедент рассматривается как судебное решение, корректирующее дефектный основной источник (например, закон). В связи с этим он может рассматриваться наряду с законом, источником и составляющим элементом нормы права, которую будут применять в будущем [9, с. 140].

Центральное место занимает следующая дилемма: обладает ли судебная власть полномочиями правотворческих органов или нет? Сторонник утвердительного ответа на данный вопрос В. М. Жуйков считает, что суд в современных условиях «зачастую вынужден создавать (творить) право, в противном случае его деятельность станет не просто неэффективной, а приведет к результатам противоположным тем, которых от него вправе ожидать общество» [10, с. 81].

Таким образом, постепенно доминирующей среди специалистов, занимающихся исследованием озвученного вопроса, становится точка зрения, согласно которой судебный прецедент является источником права [11, 12]. При этом судебная практика рассматривается как источник российского права, не противостоящий нормативному правовому регулированию, и ни в коем случае не доминирующий над ним, а дополняющий, т.е. субсидиарный по своему характеру [13, с. 344].

Признавая за судебной практикой (судебным прецедентом) статус источника права, мы тем самым делаем определенный шаг к нахождению баланса в правовой системе. В любом случае бесспорным представляется тот факт, что судебная практика, занимая особое место в правовой системе государства, с одной стороны, может воплощать в себе последствия законодательного дисбаланса, а с другой – сама оказывает влияние на процессы правообразования. В. П. Реутов называет судебную практику «поставщиком информации для законодателя о состоянии правовой системы, необходимости внесения в нее тех или иных изменений» [14, с. 430]. Прецеденты могут выступать как правовые средства оптимизации правообразовательного процесса, но могут и, напротив, породить принятие законов, не сбалансированных с уже действующими нормативными правовыми актами. Разумеется, первый вариант более предпочтительный, и потому так важно, чтобы судебная практика заняла в российском праве место, позволяющее ей реально воздействовать на правовую систему, упорядочивать, балансировать другие ее элементы.

Констатируя тенденцию повышения в условиях современных российских реалий значимости иных, помимо нормативных правовых актов, источников права, следует тем не менее помнить о необходимости сбалансированного отношения к каждому из них. Это особенно явственно прослеживается на примере нормативного договора. Важность соблюдения «золотой середины» отмечал еще Ф. В. Тарановский: «обе крайности – и игнорирование договора, и исключительное его признание именно как крайности ошибочны» [15, с. 186].

Безусловно, в постсоветский период, ввиду бурного развития рыночных отношений, сфера применения договорного регулирования существенно расширилась. К его неоспоримым преимуществам перед иными источниками права относятся, в частности, возможность гибкого и оперативного упорядочения общественных отношений, способность обеспечения компромисса, баланса интересов его сторон, взаимовыгодность для всех субъектов, направленность на стимулирование их правовой активности, повышение уровня правосознания. Но есть у договорного регулирования и недостатки, заключающиеся главным образом в трудностях, возникающих при определении статуса договорных актов в иерархии источников права, когда сторонами договора выступают разноуровневые субъекты правотворчества. Они проявляются при сопоставлении юридической силы межправительственных договоров, или договоров межведомственного характера, и федеральных законов, а также федеральных законов и внутригосударственных (или конституционно-правовых) договоров.

В то же время в отдельных сферах правового регулирования, например в трудовом праве, нормативный договор (предстающий в форме коллективного договора) доказал не просто свою эффективность, но, более того, незаменимость. Однако и в регулировании трудовых отношений важно соблюдать баланс между источниками права: так, ввиду изначально неравного положения субъектов недопустимо переносить полноту регулятивного бремени с нормативных правовых актов на уровень договорного регулирования во всем, что касается прав работника и условий его труда. Необходимо именно в законодательной форме закрепить некий набор, своеобразный «минимум» гарантий прав работника, ниже которого работодатель не сможет опуститься и который договорное регулирование может лишь расширить.

Правовой обычай как источник права, характерный для романо-германской правовой семьи, в условиях современной российской действительности применяется весьма ограниченно, в основном в рамках гражданского права. Такая возможность закреплена в ст. 5 Гражданского кодекса РФ и подтверждена Постановлением Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 4/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [16], однако ограничена определенными условиями: во-первых, сферой предпринимательской деятельности, во-вторых, отсутствием урегулирования в законодательстве либо соглашением сторон, в-третьих, требованием соответствия, обязательным для субъектов конкретного правоотношения, положениям нормативных правовых актов либо договора. Второе из вышеназванных условий говорит о прямой связи правового обычая и отрицательной формы количественного законодательного дисбаланса, из которой он, собственно, и черпает свою «силу».

По мнению А. П. Печникова, у правового обычая как источника права в рамках российской правовой системы имеются большие перспективы ввиду того, что бурное развитие рыночных отношений зачастую опережает законодателя [17, с. 16–19]. Другими словами, правовой обычай в условиях отрицательного законодательного дисбаланса (пробела в законодательстве, т.е. неурегулированности того или иного вопроса нормативным правовым актом) выступает важным средством стабилизации и обеспечения нормального функционирования правовой системы.

Пожалуй, из всех вышеперечисленных нетрадиционных источников российского права сложнее всего в современных условиях представить в качестве такового правовую доктрину в том смысле, что ее влияние, оказываемое на правовую систему, на ее развитие, не столь очевидно, как воздействующая сила других источников. Так было далеко не всегда: например, в Древнем Риме правовая доктрина, будучи официально санкционированной государством, выступала в качестве реального наряду с другими источниками права. Также правовая доктрина (представленная суждениями авторитетных мыслителей) играла и продолжает играть наиважнейшую роль в исламском праве, зачастую располагаясь в иерархии источников права выше тех, которым отдается приоритет, скажем, в романо-германской или англо-саксонской правовых семьях.

Современное российское законодательство содержит лишь эпизодическое упоминание правовой доктрины как источника права, в основном в контексте условий применения норм иностранного права. Например, в ст. 1191 Гражданского кодекса РФ закреплено, что при применении норм иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем государстве. Схожие нормы присутствуют в Семейном кодексе РФ (ст. 166) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ст. 14).

Таким образом, значимость правовой доктрины проявляется именно в процессе правореализации. Но она также оказывает определенное, пусть и косвенное влияние и на законодательство, ведь нормативные правовые акты готовятся юристами. Наука зачастую опережает законодательство, она более динамична и способна оперативнее реагировать на изменения в обществе. Кроме того, необходимо указать на потенциал правовой доктрины (увы, далеко не всегда реализуемый в должной мере) в предотвращении законодательного дисбаланса, ибо, как справедливо отмечается в литературе, «общие идеи и суждения должны составлять единый корень, источник всех многообразных форм права. Доктринальные основания должны иметь и законодательство, и судебная практика, и другие источники права» [18, с. 79].

Анализируя значимость иных, помимо нормативных правовых актов, источников права, мы ни в коем случае не предлагаем рушить веками формировавшуюся российскую правовую систему, основанную на сочетании закономерностей романо-германской правовой семьи и особенностей национального менталитета. Широкое применение «нетрадиционных» источников права в какой-либо сфере может свидетельствовать о необходимости принятия новых законодательных норм, регулирующих соответствующую область общественных отношений. Однако, анализируя соотношение основных источников права, следует согласиться с А. В. Малько, утверждающим, что главная

проблема заключается не в количестве нормативных актов и договоров и иных источников, а в том, чтобы они были увязаны в единую систему [19, с. 18].

Таким образом, достижение баланса соотношения источников права в российской правовой системе возможно при соблюдении следующих условий:

– признании приоритета нормативного правового акта перед иными источниками права, не означающего, однако, лишения либо умаления их юридической силы;

– соблюдении субсидиарного характера применения «нетрадиционных источников права»;

– оперативном реагировании законодателя на резкое увеличение удельного веса использования того или иного «нетрадиционного источника права» в конкретной сфере, в частности посредством принятия нормативных правовых актов, регулирующих соответствующий участок общественных отношений;

– соблюдении единого «духа» всех источников права (наличия у них общих идейных, доктринальных, оснований);

– принятии на федеральном уровне закона «О нормативных правовых актах», в котором, помимо прочих, будет официально урегулирован вопрос их соотношения с иными источниками права.

Список литературы

1. **Кананькина, Е. С.** Философские традиции анализа источников (форм) права / Е. С. Кананькина // Право и политика. – 2004. – № 10. – С. 10–19.
2. **Зарубина, М. А.** Особенности источников (форм) права в российской правовой системе / М. А. Зарубина // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 55–59.
3. **Шебанов, А. Ф.** Формы советского права / А. Ф. Шебанов. – М., 1968. – 216 с.
4. **Вопленко, Н. Н.** Источники и формы права : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград, 2004. – 102 с.
5. **Власенко, Н. А.** О кризисных тенденциях в праве / Н. А. Власенко // Юридическая техника. Ежегодник. – 2012. – № 8 «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». – С. 40–45.
6. «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект) : проект федерального закона / авт. кол. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, Н. А. Власенко [и др.]. – М., 2013. – 70 с.
7. **Баранов, В. М.** Основные направления модернизации техники современного правотворчества в России / В. М. Баранов // Юридическая техника. Ежегодник. – 2012. – № 6 «Техника современного правотворчества: состояние проблемы, модернизация». – С. 42–50.
8. **Храмов, Д. В.** Нетрадиционные источники российского частного права : дис. … канд. юрид. наук / Храмов Д. В. – Саратов, 2010. – 211 с.
9. **Верещагин, А.** Заметки о судебном нормотворчестве / А. Верещагин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 2 (59). – С. 136–145.
10. **Жуйков, В. М.** К вопросу о судебной практике как источнике права / В. М. Жуйков // Судебная практика как источник права. – М., 2000. – С. 78–90.
11. **Лившиц, Р. З.** Судебная практика как источник права / Р. З. Лившиц // Судебная практика как источник права. – М., 1997. – С. 49–57.
12. **Гук, П. А.** Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : дис. … д-ра юрид. наук / Гук П. А. – М., 2012. – 412 с.

13. **Поляков, С. Б.** Судебное правотворчество: проявление демократизма или отступление от принципа разделения властей? / С. Б. Поляков // Юридическая техника. Ежегодник. – 2012. – № 8 «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». – С. 341–348.
14. **Реутов, В. П.** Преемственность в развитии источников и форм права / В. П. Реутов // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 426–431.
15. **Тарановский, Ф. В.** Учебник энциклопедии права / Ф. В. Тарановский. – Юрьев, 1917. – 534 с.
16. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 4/8 // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 9.
17. **Печников, А. П.** Юридическая природа правового обычая / А. П. Печников // Юридические исследования. – 2013. – № 3. – С. 16–19.
18. **Бошно, С. В.** Доктрина как форма и источник права / С. В. Бошно // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 70–79.
19. **Малько, А. В.** Современная российская правовая политика и правовая жизнь / А. В. Малько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – Ноябрь. – С. 13–22.

References

1. Kanan'kina E. S. *Pravo i politika* [Law and politics]. 2004, no. 10, pp. 10–19.
2. Zarubina M. A. *Biznes v zakone* [Business legislation]. 2008, no. 2, pp. 55–59.
3. Shebanov A. F. *Formy sovetskogo prava* [Forms of the soviet law]. Moscow, 1968, 216 p.
4. Voplenko N. N. *Istochniki i formy prava: ucheb. posobie* [Sources and forms of law: tutorial]. Volgograd, 2004, 102 p.
5. Vlasenko N. A. *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik* [Juridical technique, Yearbook]. 2012, no. 8 «Demokratizatsiya pravotvorchestva: doktrina, praktika, tekhnika», pp. 40–45.
6. Khabrieva T. Ya., Tikhomirov Yu. A., Vlasenko N. A. et al. *«O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii» (initsiativnyy zakonoproekt): proekt federal'nogo zakona* [“On normative legal acts in the Russian Federation” (initiative bill): draft federal law]. Moscow, 2013, 70 p.
7. Baranov V. M. *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik* [Juridical technique. Yearbook]. 2012, no. 6 «Tekhnika sovremennogo pravotvorchestva: sostoyanie problemy, modernizatsiya», pp. 42–50.
8. Khramov D. V. *Netraditsionnye istochniki rossiyskogo chastnogo prava: dis. kand. yurid. nauk* [Nonconventional soursec of the Russian private law: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saratov, 2010, 211 p.
9. Vereshchagin A. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Conparative constitutional review]. 2007, no. 2 (59), pp. 136–145.
10. Zhuykov V. M. *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow, 2000, pp. 78–90.
11. Livshits R. Z. *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow, 1997, pp. 49–57.
12. Guk P. A. *Sudebnaya praktika kak forma sudebnogo normotvorchestva v pravovoy sisteme Rossii: obshcheteoreticheskiy analiz: dis. d-ra yurid. nauk* [Judicial practice as a form of creation of legal regulatory acts in the Russian legal system: general theoretical analysis: dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Moscow, 2012, 412 p.
13. Polyakov S. B. *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik* [Juridical technique. Yearbook]. 2012, no. 8 «Demokratizatsiya pravotvorchestva: doktrina, praktika, tekhnika», pp. 341–348.
14. Reutov V. P. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical technique]. 2012, no. 6, pp. 426–431.

15. Taranovskiy F. V. *Uchebnik entsiklopedii prava* [Law encyclopedia textbook]. Yurev, 1917, 534 p.
16. *Vestnik VAS RF* [VAS RF bulletin]. 1996, no. 9.
17. Pechnikov A. P. *Yuridicheskie issledovaniya* [Juridical research]. 2013, no. 3, pp. 16–19.
18. Boshno S. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Russian law journal]. 2003, no. 12, pp. 70–79.
19. Mal'ko A. V. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and life]. 2000, November, pp. 13–22.

Белоусов Сергей Александрович
кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: sbelousov@sgap.ru

Belousov Sergey Aleksandrovich
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of state and law theory, Saratov State Law Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

УДК 340.13
Белоусов, С. А.
Дисбаланс в системе источников российского права: актуальные проблемы и пути устранения / С. А. Белоусов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 20–28.

УДК 347.235

А. В. Зарщиков

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Аннотация.

Актуальность и цели. Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36 и Земельный кодекс Российской Федерации в п. 11 ст. 1 закрепляют необходимость осуществления землепользования, базирующегося на сочетании публичных интересов с правами частных лиц. Вместе с тем на законодательном уровне легальное определение термина «публичный интерес» отсутствует, что предопределяет наличие «пробельности» в нормативно-правовом регулировании. Цель работы – дать авторское определение понятия «публичный интерес» для устранения правовой неопределенности в регуляции отношений в сфере реализации публичными образованиями права собственности на землю.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа таких правовых категорий, как право собственности, в контексте его реализации публичными образованиями, уяснения правовой природы категории «публичный интерес» как основания действий публичных образований, баланс интересов, сопоставление частных и публичных интересов. Особое место в рамках настоящего исследования занимает поиск авторского определения термина «публичный интерес» на основе изучения различных правовых подходов ученых-юристов к данному понятию.

Результаты. Исследовано понятие «публичный интерес» как с общенаучной позиции, так и строго юридическое значение этого термина. Проанализированы особенности правового статуса публичных образований в контексте реализации ими права собственности на землю, изучены и приведены различные научные подходы к понятию «публичный интерес», выявлены пробелы в конституционно-правовой регуляции отношений землепользования.

Выводы. В заключение дается авторское определение термина «публичный интерес», которое может быть использовано в целях унификации и совершенствования отечественного законодательства.

Ключевые слова: право собственности на землю, публичное образование, публичный интерес.

A. V. Zarshchikov

PUBLIC INTEREST AS A LEGAL GROUND FOR ACTIONS OF PUBLIC FORMATIONS AT REALIZATION OF THE LAND OWNERSHIP RIGHT

Abstract.

Background. The constitution of the Russian Federation in p. 1 Art. 9, p. 2 Art. 36 and the Land Code of the Russian Federation in item 11 of Art. 1 fix a need of implementation of the land use which is based on a combination of public interests to the rights of individuals. At the same time, at the legislative level a legal definition of the term “public interest” is absent, which predetermines existence of a gap in legal regulation. The goal of the study is to give the author's definition of the concept “public interest” for elimination of legal uncertainty of the regulation of

the relations in the sphere of realization of the land ownership right by public formations.

Materials and methods. Implementation of the research objectives was achieved on the basis of the analysis of such legal categories, as the property right, in the context of its realization by public formations, explanations of the legal nature of the category “public interest” as the bases for actions of public formations, balance of interests, a comparison of private and public interests. A special place in the framework of this study is occupied by the search of the author's definition of the term “public interest”, based on studying various legal approaches to this concept by scientists-lawyers.

Results. The concept “public interest” was investigated both in terms of a general scientific position and in terms of a strict legal meaning of this term. Features of the legal status of public formations were analysed in the context of realization of the land ownership right by them; various scientific approaches to the concept “public interest” were studied and given; gaps in constitutional and legal regulation of the relations of land use were revealed.

Conclusions. In conclusion, the article presents the author's definition of the term “public interest”, which can be used for unification and improvement of the domestic legislation.

Key words: land ownership, public education, public interest.

В ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36 Конституции РФ прямо закреплено, что владение, пользование и распоряжение земельными участками не должно входить в противоречие с публичными интересами, а также нарушать права и законные интересы отдельных лиц. При этом п. 11 ст. 1 ЗК РФ устанавливает, что земельное законодательство базируется на принципе сочетания интересов общества и законных интересов граждан, согласно которому регулирование использования и охраны земель осуществляется в интересах всего общества при обеспечении гарантий каждого гражданина на свободное владение, пользование и распоряжение принадлежащим ему земельным участком.

Это означает, что регулирование использования и охраны земель осуществляется в публичных интересах при одновременном обеспечении гарантий каждого гражданина на свободное использование его права собственности. В этой связи публичное образование, являясь в конечном счете «проводником» воли граждан, обязано искать компромисс между необходимостью учета конституционных принципов демократии (права большинства) и правового государства (гарантии меньшинств) [1, с. 76].

Основываясь на вышеуказанном, полагаем, что центральным термином, на котором необходимо сконцентрировать внимание при анализе процесса реализации публичными образованиями права собственности на землю, является термин «публичный интерес».

Для уяснения правовой природы такого понятия, как «публичный интерес», обратимся к общенаучному, а также строго юридическому значению этого термина. В словаре С. И. Ожегова термин «публичный» объясняется как «общественный, не частный», а также «в присутствии публики, открытый» [2, с. 245]. Ряд ученых полагает, что публичный интерес – это «признанная государством и обеспеченная правом потребность социальной общности, удовлетворение которой является условием и гарантией ее существования и развития» [3, с. 3].

С. В. Михайлов под публичным интересом понимает совокупность общих интересов, включающих в себя индивидуальные интересы. В то же время публичный интерес, по мнению автора, не является простой арифметической суммой индивидуальных интересов, поскольку публичный интерес – это интерес, присущий обществу как единому целому [4, с. 65]. Л. А. Александрова отмечает, что публичный интерес возникает из необходимости соотносить свободу каждого члена общества со свободой другого. Под публичным интересом автор понимает интерес, сформировавшийся в обществе посредством осознания индивидом объективной необходимости для реализации потребностей собственной свободы через свободу окружающих его лиц [5, с. 14].

Относительно данного вопроса весьма интересна точка зрения В. И. Бырлэдяну, который пишет, что публичный интерес проделывает путь не «снизу-вверх», а «сверху-вниз», т.е., формируясь «вверху», он идет не по пути «индивидуальный интерес – территориальный интерес – общественный интерес – государственный интерес», а, наоборот, по пути «государственный – общественный – территориальный». В этой связи, по мнению автора, следует признать объективный характер публичных интересов [6, с. 24].

Под публичными интересами также понимаются охраняемые правом интересы государственные и общественные [7, с. 88].

По мнению А. А. Данькова, можно классифицировать интересы по двум категориям. Первая категория, именуемая публичными интересами, является настолько важной для государства, что оно присваивает их исключительно себе и считает себя их носителем. Как носитель таких интересов государство выступает в виде силы, стоящей над отдельными лицами. Эти интересы именуются публичными. Другую категорию составляют те интересы, которые считаются достоянием частных лиц. Следует учитывать, что некоторые из этих интересов могут также принадлежать и самому государству. Но государство как носитель этих интересов выступает уже не в роли силы, стоящей над частными интересами, а само занимает положение частного лица [8, с. 23].

Ю. А. Тихомиров публичные интересы определяет как общие интересы, своего рода усреднение личных, групповых интересов. Это общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные, с другой – обеспечить целостность организаций, государства, наций, социальных слоев, общества в целом [9, с. 54].

Отдельно необходимо отметить, что в российском законодательстве термин «государственные и публичные интересы» употребляется, к сожалению, без раскрытия содержания. При этом легально дано определение понятию национальный интерес: это совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства [10].

Категория публичного интереса служит для определения границы реализации компетенции государственными органами и иными лицами. Во-первых, публичные права всегда имеют в своем основании воплощение в жизнь общественного интереса. Во-вторых, в связи с тем, что целеполагание в своей основе направлено на реализацию интереса, то государство, будучи формально юридическим институтом организации общества, призвано к осуществлению интересов последнего. Следовательно, границы вмешательства го-

сударства в частные правоотношения и, соответственно, в процесс реализации частных интересов объективно ограничены непосредственно публичными интересами [11, с. 37].

Вместе с тем можно было бы предположить, что частные и публичные интересы в большинстве случаев не могут совпадать [12, с. 5], однако нам представляется, что в правовом государстве должен господствовать принцип координации и гармонизации частных и публичных интересов. В этом смысле следует согласиться с тонким замечанием М. В. Баглая, что «нахождение баланса власти и свободы составляет главнейший и деликатнейший смысл конституционного права» [13, с. 3]. Данное положение прослеживается и в выработанной правовой позиции Конституционного суда РФ, согласно которой действия законодателя, правоприменителя и иных субъектов права не должны вступать в противоречие не только с буквой, но с духом Конституции РФ и содержащихся в ней принципов, включая принципы правового государства, справедливости, баланса частных и публичных интересов и т.д. [14].

Как отмечалось выше, представляется, что ограничение права собственности в публичном интересе не должно в конечном счете дискредитировать саму ценность права собственности частного лица, поэтому считаем необходимым в очередной раз остановиться на рассмотрении вопроса важности обеспечения баланса публичных и частных интересов. В этой связи отметим, что в ряде конституций имеется непосредственное указание на то, что собственность должна служить интересам не только отдельной личности, но и обществу в целом.

Достижение баланса между публичными и частными интересами имеет огромное значение для обеспечения конституционной безопасности государства и защиты прав человека и гражданина [15, с. 64]. Юридическая природа государственных интересов в странах с демократическим политическим режимом должна исходить не из номенклатурных интересов, а из интересов общества. В данном случае государство, сохраняя в определенной степени свою самостоятельность, выступает в качестве регулятора интересов всей совокупности физических и юридических лиц, находящихся на его территории [16, с. 76].

Однако, по сути, есть все предпосылки для наличия дисбаланса между этими интересами. Так, для публичного права характерны регулирование с помощью императивных (категорических) норм, которые не могут быть изменены участниками правоотношений, отношения власти и подчинения, исключающие автономность воли и частную инициативу подчиненного субъекта. Для публично-правовых отношений характерно неравноправие сторон. Одной из таких сторон обычно выступает государство либо его орган (должностное лицо), обладающие функцией веления [17, с. 37].

Несмотря на все сходство и различия между частными и публичными интересами, необходимо отметить, что граница между сферами частного и публичного интересов подвижна и определяется законодателем. Установление такой границы в совокупности с формированием интересов через правовое регулирование и составляет проблему сочетания (обеспечения баланса) публичных и частных интересов. Тем не менее, учитывая все различия в направленности частных и публичных интересах, следует отметить, что реализация публичных интересов является условием реализации частных интере-

сов, так как в конечном счете общий интерес общества в «расщепленном» виде является совокупностью множества частных интересов.

Таким образом, государство и местное самоуправление в лице своих органов в первую очередь являются публичными образованиями, созданными и функционирующими в интересах общества. Определяя особую правосубъектность государства, Д. В. Пятков предлагает найти замену государству как субъекту права, выражающему публичный интерес [18, с. 9]. Аналогичной точки зрения придерживается Г. А. Мисник, утверждая, что частные и публичные интересы публичного образования неразделимы. У публичного образования не может быть иных интересов, кроме удовлетворения общественных потребностей, в том числе в имущественной сфере [19, с. 93]. Поэтому при реализации ими права собственности на землю, безусловно, необходим учет интересов населения, и сама реализация данного права вытекает из реализации интересов граждан. При этом в случае необходимости ограничения права собственности на земельные участки такое ограничение должно производиться публичным органом не произвольно, а исключительно в публичных интересах.

Подводя итоги данной статьи, представляется возможным дать понятие термина «публичный интерес». Автор предлагает трактовать понятие «публичный интерес» следующим образом: публичный интерес – это совместно осуществляемый интерес неопределенного круга лиц или отдельно взятой социальной группы (включая будущие поколения), реализуемый в сфере отношений землепользования путем ограничения права частной собственности на землю в целях обеспечения принципов социальной справедливости и направленный на достижение компромиссного согласия между коллективным субъектом и частным лицом.

Список литературы

1. **Скрыль, С. М.** Конституционно-правовой механизм ограничения права собственности в системе согласования публичных и частных интересов / С. М. Скрыль // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 31 (132). – С. 76.
2. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Екатеринбург, 1993.
3. **Талапина, Э.** Публичные функции в экономике / Э. Талапина, Ю. Тихомиров // Право и экономика. – М., 2002. – № 6. – С. 3.
4. **Михайлов, С. В.** Категория интереса в российском гражданском праве / С. В. Михайлов. – М., 2002. – 205 с.
5. **Александрова, Л. А.** Публичность как основание уголовно-процессуального права / Л. А. Александрова. – М., 2007. – 144 с.
6. **Бырлэдяну, В. И.** Публично-правовые интересы населения муниципального образования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Бырлэдяну В. И. – Саратов, 1998. – 28 с.
7. **Кравченко, О. Ю.** Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кравченко О. Ю. – Казань, 2004. – 156 с.
8. **Даньков, А. А.** Баланс частного и публичного интересов и его значение в правоприменительной деятельности / А. А. Даньков // Проблемы местного самоуправления. – 2005. – № 4 (16). – С. 23.
9. **Тихомиров, Ю. А.** Публичное право / Ю. А. Тихомиров. – М., 1995. – 496 с.

10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
11. **Бакаева, О. Ю.** О соотношении частных и публичных интересов / О. Ю. Бакаева, Н. А. Погодина // Журнал российского права. – М. : Норма, 2011. – № 4. – С. 36–47.
12. **Шарнина, Л. А.** Частные и публичные интересы в конституционном праве / Л. А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 4–6.
13. **Баглай, М. В.** Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 4-е изд. – М., 2003. – 800 с.
14. По жалобе ФГУП «123 Авиационный ремонтный завод» на нарушение конституционных прав и свобод абз. 1 п. 4 ст. 79 НК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 503-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 8. – Ст. 945.
15. **Алиев, Т. Т.** Роль Конституционного Суда Российской Федерации в сочетании баланса частных и публичных интересов в России / Т. Т. Алиев // Современное право. – 2010. – № 4. – С. 63–67.
16. **Гошуляк, В. В.** Собственность в конституционном измерении / В. В. Гошуляк. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 216 с.
17. **Козлова, В. Н.** Понятие публичных и частных интересов и их соотношение / В. Н. Козлова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 7. – С. 37.
18. **Пятков, Д. В.** Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях / Д. В. Пятков. – СПб., 2003. – 329 с.
19. **Мисник, Г. А.** Обеспечение экологического интереса публичного образования / Г. А. Мисник // Аграрное и земельное право. – 2005. – № 5. – С. 93.

References

1. Skryl' S. M. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of chelyabinsk State University]. 2008, no. 31 (132), p. 76.
2. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. Ekaterinburg, 1993.
3. Talapina E., Tikhomirov Yu. *Pravo i ekonomika* [Law and economics]. Moscow, 2002, no. 6, p. 3.
4. Mikhaylov S. V. *Kategoriya interesa v rossiyskom grazhdanskom prave* [Category of interest in the Russian civil law]. Moscow, 2002, 205 p.
5. Aleksandrova L. A. *Publichnost' kak osnovanie ugolovno-protsessual'nogo prava* [Publicity as a ground for law of penal procedure]. Moscow, 2007, 144 p.
6. Byrledyanu V. I. *Publichno-pravovye interesy naseleniya munitsipal'nogo obrazovaniya : avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.02* [Public-legal interests of society of a municipal formation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saratov, 1998, 28 p.
7. Kravchenko O. Yu. *Publichnye i chastnye interesy v prave: politiko-pravovoe issledovanie: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.01* [Public and private interests in law: political and legal research: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Kazan, 2004, 156 p.
8. Dan'kov A. A. *Problemy mestnogo samoupravleniya* [Problems of local self-government]. 2005, no. 4 (16), p. 23.
9. Tikhomirov Yu. A. *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow, 1995, 496 p.
10. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 2009, no. 20, art. 2444.

11. Bakaeva O. Yu., Pogodina N. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Russian law journal]. Moscow: Norma, 2011, no. 4, pp. 36–47.
12. Sharnina L. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2005, no. 4, pp. 4–6.
13. Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: ucheb. dlya vuzov* [Constitutional law of the Russian Federation: textbook for universities]. 4th ed. Moscow, 2003, 800 p.
14. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 2006, no. 8, art. 945.
15. Aliev T. T. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2010, no. 4, pp. 63–67.
16. Goshulyak V. V. *Sobstvennost' v konstitutsionnom izmerenii* [Property as a constitutional aspect]. Moscow: Yurlitinform, 2012, 216 p.
17. Kozlova V. N. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local self-government]. 2011, no. 7, p. 37.
18. Pyatkov D. V. *Uchastie Rossiyskoy Federatsii, sub"ektov Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniy v grazhdanskikh pravootnosheniyakh* [Participation of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipal formations in civil legal relations]. Saint-Petersburg, 2003, 329 p.
19. Misnik G. A. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law]. 2005, no. 5, p. 93.

Зарщиков Александр Викторович
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Zarshchikov Aleksandr Viktorovich
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: zarschikov_alex@mail.ru

УДК 347.235

Зарщиков, А. В.

Публичный интерес как юридическое основание действий публичных образований при реализации права собственности на землю / А. В. Зарщиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 29–35.

УДК 343.83

Т. А. Зезюлина

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОБЕГА ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность темы исследования связана с повышенной общественной опасностью такого преступления, как побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, которые не только препятствуют достижению целей и задач правосудия, но и дезорганизуют деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи – достаточно распространенное и общественно опасное преступление, несомненно сопровождающееся множественными негативными последствиями материального, организационного и социального плана. Цель исследования – изучение статистических данных, свидетельствующих о распространенности побегов из мест лишения свободы, из под ареста или из-под стражи в исправительных учреждениях РФ за период с 2012 по 2014 г.

Материалы и методы. Цель исследования была достигнута путем анализа действующего уголовного законодательства, положений иных нормативных правовых актов, а также анализа некоторых судебных решений. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и формально-логического анализа, которые позволяют сопоставить содержание и значение отдельных приговоров судов.

Результаты. По итогам исследования уточнены причины и условия совершения побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, дана криминологическая характеристика отдельных показателей пенитенциарной преступности вообще и показателей побегов в частности.

Выводы. Изучение криминологической характеристики побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи позволяет проследить тенденции одного из наиболее опасных преступлений в структуре пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: интересы правосудия, причины и условия совершения побега из мест лишения свободы.

T. A. Zezyulina

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ESCAPES FROM PRISON, ARREST OR CUSTODY

Abstract.

Background. Topicality of the research is associated with an increased public danger of such a crime as an escape from prison, arrest or custody, which not only hinders achievement of goals and objectives of justice, but also disrupts activities of agencies that provide isolation from society. Escape from prison, arrest or custody – a very common and socially dangerous crime – is undoubtedly accompanied by multiple negative consequences of financial, organizational and social nature. The purpose of the research is to study statistical evidence on prevalence of escapes from prisons, arrest or custody in the Russian Federation for the period from 2012 to 2014.

Materials and methods. Implementation of the research objectives was achieved through analyzing the existing criminal law, provisions of other legal acts, as well as analyzing some court decisions. The methodological potential included comparative legal and formal-logical analyses, allowing to compare the content and value of the individual judgments of courts.

Results. The study clarified the causes and circumstances of escapes from prison, from arrest or detention, gave criminological characteristics of individual indicators of crime and prison escape indicators in particular.

Conclusions. The study of criminological characteristics of escapes from prison, arrest or detention allows to trace back the trend of one of the most dangerous crimes in the penal crime structure.

Key words: interests of justice, causes and circumstances of escape from prison.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) традиционно рассматривается российским законодателем как деяние, противодействующее правосудию.

Правосудие представляет собой одну из форм государственной деятельности, заключающуюся в рассмотрении и разрешении судами общей юрисдикции, а также арбитражными судами дел в порядке гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства. Для осуществления правосудия помощь и содействие суду оказывают другие государственные органы, в числе которых прокуратура, органы дознания и предварительного следствия, учреждения, исполняющие наказания. Нормами главы о преступлениях против правосудия (гл. 31 УК РФ) охраняется деятельность не только судов, но и перечисленных органов, без которых выполнение судом функции правосудия было бы затруднительно или даже невозможно.

Перечисленные органы государственной власти выполняют и другие функции: управленческие, хозяйственные, организационные и т.п. Уголовный закон охраняет не все виды деятельности этих органов. Только их специфическая деятельность по решению задач правосудия, направленная на обнаружение, изобличение и наказание виновных в совершении преступлений лиц, разрешение гражданских, административных и иных дел, исполнение судебных решений, находится под охраной уголовно-правовых норм о преступлениях против правосудия.

Преступления против правосудия – это посягательства на правильную нормальную деятельность органов предварительного следствия, дознания по всестороннему и объективному расследованию преступлений, судебных органов по правильному разрешению дел, уголовно-исполнительных органов по надлежащему исполнению судебных решений [1, с. 260].

Уклонение осужденного от отбывания наказания путем совершения побега не содержит в себе общественной опасности. Опасность состоит в способах совершения побега, таких как нападение на персонал учреждения и попытка завладения его боевым оружием, форменным обмундированием, документами и пр. Побег осужденного, как правило, продолжается преступной деятельностью вне исправительных учреждений (ИУ). Преступник направляет свои действия на незаконное завладение одеждой, деньгами, транспортным средством, необходимыми документами. Общественная опасность совершения побега увеличивается пропорционально времени, в течение ко-

торого осужденный находится на нелегальном положении. Несомненным также является тот факт, что преступник выступает криминогенно опасным источником не только для жизни и здоровья правопослушных граждан, но и их материального имущества.

Кроме того, на задержание бежавших из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи преступников расходуются огромные материальные и финансовые средства. Разыскные мероприятия проводятся с привлечением личного состава учреждений, иных подразделений ФСИН, подразделений Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности.

ФСИН России и специализированными прокуратурами по надзору за соблюдением законов в ИУ все активнее принимаются меры по взысканию с осужденных, совершивших побеги из мест лишения свободы, затрат по пресечению побега и поиску осужденных.

В соответствии с ч. 2 ст. 102 УИК РФ осужденный должен возмещать ущерб, причиненный ИУ, дополнительные затраты, связанные с пресечением его побега.

Оплата побегов производится постфактум и только по решению суда. К тому же осужденным еще грозит дополнительный срок и новые, более жесткие, условия отбывания наказания

Так, осужденный Иван Г., сбежавший в мае 2012 г. из ИК-1 УФСИН России по Республике Адыгея, за десять дней вольной жизни заплатил 67 712,52 руб. Эта сумма по решению суда была взыскана с него в пользу УФСИН, сотрудники которого разыскивали беглеца по территориям Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского края [2].

На поиск другого осужденного, отбывавшего наказание на участке колонии-поселения при ИК-6 общего режима УФСИН России по Ставропольскому краю, – Александра С. – сотрудниками были затрачены силы и средства согласно расчетам на общую сумму 53 950 руб. [2].

В ГУФСИН России по Республике Коми в 2011 г. в отношении трех осужденных, сбежавших из колоний, было взыскано расходов государства, затраченных на поиск и задержание, на общую сумму 55 377,60 руб. (в 2010 г. по двум искам 40 000,99 руб.). Например, осужденный Дмитрий Ч. самовольно покинувший в мае 2011 г. КП-34, заплатил 37 228,26 руб. Его срок наказания увеличился на один год и три месяца [2].

Таким образом, рассматриваемое преступление относится к группе преступлений, посягающих на интересы правосудия, обеспечивающие деятельность граждан и должностных лиц по реализации результатов деятельности суда и содействующих ему органов и лиц посредством исполнения обязанностей, вытекающих из судебных актов.

Преступление отличается высокой рецидивоопасностью. Общественная опасность данного посягательства многоаспектна и проявляется в том, что побег из места лишения свободы лица, отбывающего наказание, а равно побег из-под ареста или из-под стражи состоит в том, что при этом прерывается исполнение приговора суда, дезорганизуется деятельность ИУ или правоохранительного органа в связи с отвлечением сил и средств для поиска и задержания бежавшего, и, что самое опасное, создается опасность совершения этим лицом нового преступления.

По состоянию на 1 июня 2015 г. в учреждениях УИС содержалось 667 546 человек (–4103 человека к началу года), в том числе:

– в 729 исправительных колониях отбывало наказание 542 503 человека (–8349 человек), в том числе:

– в 128 колониях-поселениях отбывало наказание 37 311 человек (–2784 человека);

– в шести исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы отбывало наказание 1917 человек (+20 человек);

– в 219 следственных изоляторах и 106 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось 121 745 человек (+4343 человека);

– в восьми тюрьмах отбывало наказание 1661 человек (+45 человек);

– в 39 воспитательных колониях для несовершеннолетних отбывало наказание 1637 человек (–142 человека)[1].

Общее количество зарегистрированных преступлений в местах лишения свободы за 2014 г. сократилось на 11,7 %, а уровень преступности – на 7,1 %. Количество побегов из-под надзора сократилось на 13,3 %, из-под охраны – на 14,3 %. Разыскано 165 осужденных, находившихся в розыске за совершение побегов и уклонений с учетом прошлых лет[2].

Так, по данным исправительных колоний для взрослых (табл. 1), уровень преступности в данных учреждениях за последние три года (2012–2014 гг.) снижается. Если в 2012 г. этот показатель равнялся 1,49 случая на 1000 осужденных, то в 2014 г. – 1,36.

Некоторый рост данного показателя в 2013 г. по сравнению с 2012 г. не касается роста такого вида преступлений, как побег. Число совершенных побегов за 2012–2014 гг. сократилось со 170 случаев в 2012 г. до 121 случая в 2014 г.

Среди причин наблюдаемого снижения числа побегов из учреждений, исполняющих наказания, за последние годы можно назвать и то, что в настоящее время в исправительных учреждениях установлено 247 интегрированных систем безопасности, в том числе в 2014 г. территориальными органами ФСИН России централизованно получено 90 базовых комплектов таких систем. В надзоре за осужденными на постоянной основе используется более 49 тыс. камер видеонаблюдения (2013 г. – 43 431; 2012 г. – 35 267)[3].

В ряде колоний-поселений успешно проведен эксперимент по применению электронных браслетов к осужденным, проходящим лечение в учреждениях муниципального здравоохранения, а также к осужденным, трудоустроенным на малочисленных выездных объектах[4].

---

[1] Статистические данные ФСИН России. – URL: http://fsin.su/statistics/ (дата обращения: 22.06.2015).

[2] Доклады о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. – URL: http://fsin.su/statistics/ (дата обращения: 22.06.2015).

[3] Основные результаты деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России в 2014 году // Тюремный портал России. – URL: http://prisonlife.ru (дата обращения: 18.06.2015).

[4] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний на 2015–2017 годы. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf (дата обращения: 20.06.2015).

Таблица 1

Характеристика преступности в исправительных колониях для взрослых в РФ в 2012–2014 гг.[1]

Преступления			2012 г.	2013 г.	2014 г.
Уровень преступности (на 1000 осужденных)			1,49	1,53	1,36
Уровень тяжких преступлений и побегов без покушений (на 1000 человек)			0,41	0,34	0,33
Количество тяжких преступлений и побегов без покушений			238	193	183
Совершено преступлений – всего			887	865	754
в том числе	убийства		22	13	14
	действия, дезорганизующие работу ИУ		5	7	12
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью		51	43	42
	побеги		170	138	121
	в том числе	покушения	10	8	6
Находилось осужденных в розыске (на 31 декабря)			138	133	122
Эксцессы	захваты заложников		0	0	0
Предотвращено преступлений – всего			60 226	59 810	61 747
в том числе	против личности		54 821	54 361	55 874
	побегов		2189	2133	2193
Изъято	денег (млн рублей)		7,28	5,06	6,4
	спиртных напитков промышленного и кустарного производства (л)		49 704	52 666	47 634,7
	наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (г)		91 956	84 504	92 026
	колюще-режущих предметов (ед.)		7743	7758	9609

За последние три года сократилось и количество лиц, находящихся в розыске. В то же время нельзя не отметить рост предотвращенных преступлений в исправительных колониях для взрослых. Что касается побегов, то после значительного снижения таких случаев в 2013 г., в 2014 г. наблюдался их рост, который даже превысил показатели 2012 г. и составил 2193 случая (в 2012 г. – 2189 случаев).

Что касается лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, то ими не совершено ни одного побега в рассматриваемый период 2012–2014 гг.

Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах, показывает иную динамику состояния преступности. За 2012–2014 гг. в данных учреждениях уровень преступности значительно вырос – с 0,58 в 2012 г. до 0,90 в 2014 г. Также наблюдается рост количества предотвращенных побегов и остается стабильным показатель совершенных побегов (табл. 2).

[1] Статистические данные ФСИН России. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (дата обращения: 19.06.2015).

Таблица 2

Состояние преступности в следственных изоляторах и тюрьмах РФ в 2012–2014 гг.[1]

Показатели			2012 г.	2013 г.	2014 г.
Уровень преступности (за год; в расчете на 1000 человек)			0,58	0,88	0,90
Уровень тяжких преступлений и побегов без покушений (за год; в расчете на 1000 человек)			0,096	0,12	0,09
Количество тяжких преступлений и побегов без покушений			11	14	11
Совершено преступлений – всего			67	102	105
из них	убийства		3	2	3
	действия, дезорганизующие работу СИЗО		1	1	1
	умышленные причинения тяжкого вреда здоровью		4	7	6
	побеги		4	5	4
	из них	покушения	1	0	2
Находилось в розыске (на 31 декабря)			9	10	11
Предотвращено преступлений – всего			27 388	25 258	26 302
из них	против личности		18 172	17 162	18 287
	побегов		2527	2304	2564

Если говорить о причинах побегов и условиях их совершения, то стоит отметить, что практически все побеги совершались в результате недостаточной требовательности руководителей различного уровня, недооценки роли инженерно-технических средств охраны и надзора в профилактике побегов и серьезных просчетов в организации режима и обеспечении постоянного наблюдения за поведением осужденных, подозреваемых и обвиняемых.

Принимаемые учреждениями и органами УИС меры не позволили своевременно пресекать несанкционированные передвижения осужденных как в дневное, так и в ночное время. Отсутствует целенаправленная работа с лицами, состоящими на профилактическом учете. Не обеспечен должный контроль за хранением и использованием колюще-режущих инструментов (об этом говорят и данные, представленные в табл. 1).

Неудовлетворительная профилактическая работа с лицами, поставленными на учет как склонные к совершению побега, привела к тому, что в ГУФСИН (УФСИН) России по Нижегородской, Новгородской областям, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области данной категорией осужденных допущены побеги из-под охраны, а в ГУФСИН (УФСИН) России по Республике Адыгея, Кемеровской и Тюменской областям – побеги из-под надзора[2].

Не снижается количество побегов осужденными, которые были переведены в колонии-поселения из ИК общего и строгого режимов в порядке реализации ст. 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Такие происшествия допущены в ИУ 21 субъекта Российской Федерации[3].

[1] Статистические данные ФСИН России. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/ (дата обращения: 20.06.2015).

[2] В ходе методических занятий отработаны вопросы взаимодействия отделов и служб по профилактике побегов // УФСИН России по Калужской области. – URL: http://www.40.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=165814 (дата обращения: 20.06.2015).

[3] Там же.

Таким образом, проведя краткую характеристику состояния преступности в учреждениях УИС РФ, можно выделить побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи как одно из распространенных преступлений в местах лишения свободы.

Список литературы

1. **Чучаев, А. И.** Пробелы в регулировании ответственности за преступления против правосудия / А. И. Чучаев // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 260–261.
2. **Орлова, О.** Побег? Только за свой счет / О. Орлова // Официальный сайт УФСИН России по республике Коми. – URL: http://11.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=48555 (дата обращения: 22.06.2015).

References

1. Chuchaev A. I. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal* [Problems in Russian legislation. Juridical journal]. 2008, no. 1, pp. 260–261.
2. Orlova O. *Pobeg? Tol'ko za svoy schet* [Escape? Only at own cost]. Official website of the agency of Federal Penitentiary Service in the Komi republic. Available at: http://11.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=48555 (accessed June 22, 2015).

Зезюлина Татьяна Александровна
кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67Е)

E-mail: tatina_zezyulina@mail.ru

Zezyulina Tat'yana Aleksandrovna
Candidate of juridical sciences, head of sub-department of criminal law and criminology, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (67E Bolshaya Nizhegorodskaya street, Vladimir, Russia)

УДК 343.83

Зезюлина, Т. А.

Криминологическая характеристика побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи / Т. А. Зезюлина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 36–42.

УДК 342.55

Г. В. Синцов

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В Конституции РФ закреплены основные принципы осуществления местного самоуправления. Однако в Конституции РФ не сделано прямого указания на гласность деятельности местного самоуправления, хотя очевидно, что именно данный институт власти, взаимодействующий непосредственно с населением, наиболее приближенный к нему, должен осуществлять свою деятельность максимально открыто и прозрачно, в условиях непосредственного контакта с местным населением. То есть местное самоуправление по идее должно отвечать принципам гласности.

Материалы и методы. В статье проведен анализ Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ); Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Результаты. В нынешних условиях усложнения экономической ситуации в стране и роста внешнеполитической напряженности необходимо дополнительное повышение доверия населения как к государственной, так и к местной власти, усиление гражданской активности, привлечение граждан для решения местных вопросов. Недопустимо оставлять без изменения сложившуюся ситуацию, в которой органы местной власти фактически могут быть отделены от населения, поскольку созданные бюрократические процедуры мешают непосредственному контакту местного самоуправления и граждан. Между тем принцип гласности не нашел прямого законодательного закрепления и в федеральном законодательстве: в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» нет четкого указания на то, что местное самоуправление строится на основе принципа гласности и открытости.

Выводы. В связи с этим целесообразно внести соответствующие изменения в Конституцию РФ и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», указав принцип гласности в качестве одного из основополагающих принципов осуществления местного самоуправления.

Ключевые слова: принцип гласности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации.

G. V. Sintsov

CONCEPT AND VALUE OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY FOR ACTIVITY OF LOCAL GOVERNMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. The Consitution of the Russian Federation has secured the main principles of local governing. However there are no direct instructions on publicity

of local governments' activities, although, obviously, it is this institution of power, interacting directly with society and being closest to it, which should conduct its operations as openly and transparently as possible in conditions of direct contact with local population. That is, local self-government, theoretically, should meet the principles of publicity.

Materials and methods. The article analyzes the Constitution of the Russian Federation (adopted by the nationwide vote on 12.12.1993) (with amendments by the Laws of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FKZ); the Federal law from 06.10.2003 № 131-FZ (amendment from 29.12.2014) «On general principles of local government organization in the Russia Federation».

Results. In modern conditions of complication of country's economic situation and increase of foreign-policy tension it is necessary to additionally improve population's trust both to the state and to local governments, to intensify civil activity, to attract citizens to resolve local problems. It is unacceptable to leave this situation unaltered, when local self-government bodies virtually can be detached from populaton, as the created bureaucratic procedures interfere with the direct contact between local authorities and citizens. The principle of publicity also has not been directly fixed in federal laws: the Federal law "On general principles of local governemnt organization in the Russian Federation" features no clear indications that local self-governing is based on publicity and openness.

Conclusions. In this connections it is reasonable to correspondingly amend the Constitution of the Russian Federation and the Federal law "On general principles of local government organization" by introducing the principle of publicity as one of the basic principles local self-governing.

Key words: publicity of local authorities in the Russian Federation.

Одним из важнейших нововведений Конституции Российской Федерации 1993 г. [1], радикально отличающим ее от принятых ранее конституций, является установление и закрепление правовых основ демократического управления государством, в том числе закрепление основ местного самоуправления.

Конституция Российской Федерация является основным нормативно-правовым актом, регламентирующим деятельность органов местного самоуправления. Именно в Конституции РФ в ст. 12 закреплено право граждан на возможность осуществления местного самоуправления («В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление») и существования институтов местной власти, не входящих в систему органов государственной власти.

В Конституции РФ закреплены основные принципы осуществления местного самоуправления. Так, ст. 130 Конституции РФ установлен принцип самостоятельного решения населением вопросов местного значения, в ст. 12 – принцип самостоятельности органов местного самоуправления. Кроме того, Конституция РФ устанавливает и определенные гарантии органам местного самоуправления. Например, в ст. 133 Конституции РФ установлена гарантия на судебную защиту органов местного самоуправления.

Однако в Конституции РФ не сделано прямого указания на гласность деятельности местного самоуправления, хотя очевидно, что именно данный институт власти, взаимодействующий непосредственно с населением, наиболее приближенный к нему, должен осуществлять свою деятельность макси-

мально открыто и прозрачно, в условиях непосредственного контакта с местным населением. То есть местное самоуправление по идее должно отвечать принципам гласности.

Статьей 3 Конституции РФ установлено, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Анализ данной статьи позволяет выделить два основных субъекта местного самоуправления:

1) народ, осуществляющий свою власть непосредственно;

2) органы местного самоуправления, т.е. органы представительные, выступающие от имени народа.

Очевидно, что органы местного самоуправления, т.е. органы, осуществляющие власть от имени народа, должны действовать при непосредственном контакте с населением.

В ст. 18 Конституции РФ указано, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяющими деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Данные положения согласуются с принципом гласности местного самоуправления, поскольку законодателем установлена непосредственная связь между деятельностью местного самоуправления и правами и свободами граждан – связь, которая не может существовать без постоянного и открытого контакта органов местной власти и граждан.

Дополнительными подтверждениями законодательного закрепления принципа гласности местного самоуправления в Конституции РФ являются положения, установленные в ст. 24 Конституции РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Как можно увидеть, в данной статье указаны важнейшие особенности принципа гласности: открытость и публичность деятельности муниципальных органов, доступ населения к информации об этой деятельности. Значение данной нормы для развития принципа гласности местного самоуправления трудно переоценить. Указанное положение Конституции РФ позволяет вовлечь граждан в процессы управления, создает дополнительные инструменты контроля за деятельностью должностных лиц, способствует соблюдению законодательства органами местной власти.

Отдельного внимания в анализе конституционного закрепления принципа гласности местного самоуправления заслуживает гл. 8 Конституции РФ. Данная глава, состоящая из четырех статей, определяет основные особенности функционирования института местного самоуправления. В частности, в ст. 130 указано, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью и осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

Указанные нормы сформулированы на основе принципа гласности местного самоуправления, поскольку в них указано, во-первых, на самостоятельность решения населением вопросов местного значения и осуществления правомочий в отношении доступной собственности, а также на то, что орга-

ны местного самоуправления формируются именно местным населением при выражении последним своего волеизъявления.

Кроме того, принцип гласности деятельности органов местного самоуправления воплощается в отдельных проводимых ими мероприятиях: в регулярных отчетах депутатов и выборных должностных лиц перед населением; в проведении встреч и приемов граждан, выступлениях и публикации тематических статей в средствах массовой информации, организации «горячих линий» и «дней открытых дверей», когда граждане могут позвонить или прийти на прием и задать интересующий их вопрос о деятельности того или иного органа местного самоуправления.

Подводя итог, можно сказать, что в целом положения о местном самоуправлении, нашедшие свое отражение в Конституции РФ, отвечают основным требованиям принципа гласности. У населения имеется возможность определенным образом влиять на деятельность органов местного самоуправления, участвовать в их формировании, контролировать их деятельность. Однако очевидно, что отсутствие прямого законодательного закрепления в Конституции РФ указанного принципа гласности является определенным пробелом, устранение которого представляется важной задачей в настоящее время.

В нынешних условиях усложнения экономической ситуации в стране и роста внешнеполитической напряженности необходимо дополнительное повышение доверия населения как к государственной, так и к местной власти, усиление гражданской активности, привлечение граждан для решения местных вопросов. Недопустимо оставлять без изменения сложившуюся ситуацию, в которой органы местной власти фактически могут быть отделены от населения, поскольку созданные бюрократические процедуры мешают непосредственному контакту местного самоуправления и граждан.

Между тем принцип гласности не нашел прямого законодательного закрепления и в федеральном законодательстве: в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] нет четкого указания на то, что местное самоуправление строится на основе принципа гласности и открытости.

В связи с этим целесообразно внести соответствующие изменения в Конституцию РФ и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», указав принцип гласности в качестве одного из основополагающих принципов осуществления местного самоуправления. Внесение подобных изменений задаст определенный вектор деятельности органов местного самоуправления, обеспечит на законодательном уровне возможность для развития институтов местной власти, создаст условия для более активного участия местного населения в процессе осуществления местного самоуправления. Кроме того, внесение указанных изменений позволит привести нормативно-правовую базу, регламентирующую основы деятельности органов местной власти, к соответствию иному законодательству, максимально расширяющему и защищающему права и свободы граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ,

от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31 (4 авг.). – Ст. 4398.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40 (6 окт.). – Ст. 3822.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, no. 31 (4 Aug.), art. 4398.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2003, no. 40 (6 Oct.), art. 3822.

Синцов Глеб Владимирович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного и публичного права, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

Sintsov Gleb Vladimirovich
Doctor of juridical sciences, professor, head of sub-department of private and public law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.55
Синцов, Г. В.
Понятие и значение принципа гласности для деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации / Г. В. Синцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 43–47.

УДК 342.56

М. Ю. Рузляев

БЛЕСК И НИЩЕТА СУБФЕДЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Автор кратко анализирует две взаимосвязанные проблемы, характерные для российской системы конституционного правосудия. Первая из них охватывает федеративные отношения внутри системы конституционного контроля. Эта проблема имеет два взаимосвязанных аспекта. Первый аспект касается вопроса вертикального сожительства двух уровней конституционного правосудия. Второй связан с вопросом о региональной дифференциации и разнообразии конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации. Вторую проблему можно охарактеризовать как непростой и непоследовательный возврат России в систему романо-германского права. По мнению автора, Россия все еще не завершила этот возвращение. Российская система конституционного правосудия находится под властью «призрака административной юстиции». Ввиду отсутствия таковой в России конституционные и уставные суды часто вынуждены решать вопросы, не имеющие отношения к отрасли конституционного права.

Материалы и методы. Статья построена на основе анализа решений конституционных и уставных судов субъектов РФ. Основными методами исследования стали формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты. Исследование вопросов субфедерального конституционного контроля в Российской Федерации показало, что процесс возвращения России в романо-германскую правовую систему остался незавершенным.

Выводы. Конституционные и уставные суды предельно ограничительно толкуют объем и характер своей компетенции. Конституционные и уставные суды в субъектах РФ также остерегаются касаться проблематики неконституционности индивидуальных административных актов, ссылаясь на границы своей компетенции как сферы исключительно нормативного контроля.

Ключевые слова: конституционный контроль, уровни конституционного правосудия, региональный конституционный контроль, дихотомия «публичное право – частное право», административная юстиция.

M. Yu. Ruzlyaev

GLORY AND MISERY OF REGIONAL CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIA

Abstract.

Background. The author briefly analyses two concomitant problems inherent to the Russian system of constitutional justice. The first problem embraces federative relations within constitutional control. The federative dimension has two interrelated aspects. Firstly, it signifies the problem of vertical cohabitation of two levels of constitutional justice in Russia. Secondly, it questions the problem of horizontal variety and differentiation of regional constitutional adjudication system. The second problem may be circumscribed as an uneasy and inconsistent return of Russia into the European civil law system. The author argues that the Russian legal order has not managed to complete the genuine come back into the civil law family so far.

The Russian constitutional adjudication system is haunted by the "ghost of administrative justice". Due to the absence of administrative courts the constitutional and statutory courts in Russia often have to tackle problems, which lack the character and significance of constitutional law.

Materials and methods. Article is constructed on the basis of the analysis of decisions of the constitutional and statutory courts of territorial subjects of the Russian Federation. The main research methods were legallistic and comparative-legal ones.

Results. The research of questions of subfederal constitutional control in the Russian Federation has defined, that the return of Russia to the romanic-german legal system remains incomplete.

Conclusions. The constitutional and statutory courts restrictedly interpret the volume and nature of the competence. The constitutional and statutory courts in territorial subjects of the Russian Federation are careful to concern a perspective of illegality of individual administrative acts, referring to limits of the competence as the spheres only of standard control.

Key words: constitutional control, levels of constitutional justice, regional constitutional control, dichotomy of public and private law, administrative justice.

Как известно, конституционный контроль в России осуществляется в рамках *федеративной* системы конституционного правосудия. Эта система предполагает структурное «сожительство» двух уровней конституционного контроля (по вертикали) и региональную дифференциацию конституционных и уставных судов (по горизонтали). Возникающий при этом круг проблем представляет собой федеративный аспект конституционного контроля.

Второй круг проблем связан с *генезисом* российской системы конституционного правосудия. Поскольку прообразом отечественной системы конституционного контроля является так называемая австрийская модель [1], возникает вопрос о совместимости российской системы конституционного судопроизводства с систематикой романо-германской модели правопорядка вообще. На мой взгляд, возвращение постсоветской России в лоно романо-германской семьи права было непоследовательным и фрагментарным, т.е. осталось незавершенным.

Структурное «сожительство» двух уровней конституционного правосудия в принципе может быть реализовано как в императивном, так и диспозитивном режиме. В первом случае возникает дополнительная проблема в виде вопроса о «двух уровнях» юридической силы решений органов конституционного судопроизводства. Иначе говоря, никак не обойти деликатный вопрос о том, по каким основаниям и в каких пределах решение федерального конституционного суда в принципе «ломает» решения органов регионального конституционного судопроизводства. Во втором случае, т.е. в диспозитивном режиме такого «сожительства», решение конституционного суда любого уровня является окончательным и обжалованию не подлежит. Именно такой режим конституционного правосудия избрали, например, Германия и Россия.

Что касается горизонтальной дифференциации конституционного судопроизводства в России, то она стеснена принципом единства национального правопорядка. Этот принцип предполагает необходимость структурной, организационной, предметной и процессуальной совместимости федерального и регионального уровней конституционного судопроизводства. Данное обстоятельство, впрочем, вовсе не исключает учет региональной специфики.

Тем не менее конституционные и уставные суды субъектов РФ по формальному критерию во многом представляют собой лишь «региональную кальку» Федерального конституционного суда.

Одним из удручающих «моментов» в деятельности конституционных и уставных судов России является многословие, повторы и бесполезное дублирование рамочных норм федерального законодательства [2]. Например, в определениях и решениях конституционных судов республик в составе РФ почти повсеместно акцентируется тот факт, что республиканская конституция опирается на федеральную конституцию. Разве в любой жизнеспособной федерации может быть иначе?

Нельзя, конечно, требовать от юристов, как правило не имеющих представления о законах языка и лингвистике вообще, пушкинской ясности мысли и чеховской краткости, но можно и нужно требовать от них уважения к читателям «опусов» судейской казуистики. Погружаясь в нее, читатель ощущает себя порой «Марк Твеном», читающим немецкий текст в постоянном умственном напряжении, что вот-вот появится «nicht», т.е. отрицание всего того, что до этого казалось утверждением [3].

Другой отрицательный аспект в деятельности конституционных и уставных судей носит исключительно *объективный* характер. Речь идет об опасной тенденции превращения органов конституционного контроля субъектов РФ в своеобразные «трибуналы» по проблемам ЖКХ и соцобеспечения по типу английских специализированных трибуналов [4]. Из привлеченного материала следует, что ни один конституционный или уставный суд в России не избежал участи реагировать даже на самые экзотические и нелепые обращения. В самом деле, какая *прямая* связь между каталогом основных прав и свобод граждан, опирающимся на постулат о *человеческом достоинстве*, и транспортным налогом [5] или вопросом о присвоении названий «улицам» на территории садоводческого товарищества «Рассвет» [6]?

К **позитивным** аспектам деятельности большинства конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации следует отнести осознание судьями их особой ответственности. Многие из них – вопреки объективным и субъективным трудностям – стремятся воплощать в своей деятельности принципы беспристрастности, законности и справедливости. Последняя воспринимается многими из них как материализация, конкретизация и индивидуализация соответствующей нормы закона в духе каталога основных прав и свобод. В этом плане примечательно определение (хотя и внутренне противоречивое) Конституционного суда Республики Тыва в связи с обращением гражданина **С. Э. Сарыглара** [7].

Как следует из определения, Конституционный суд республики Тыва вообще не был обязан регистрировать данное обращение. Однако вопреки нормативным основаниям собственной деятельности (sic!) Конституционный суд Тывы все-таки посчитал нужным вникнуть в суть проблемы гражданина С. Э. Сарыглара. После отказа рассматривать дело гражданина С. Э. Сарыглара по существу (в силу неподсудности этого дела) Конституционный суд Тывы делегировал это дело в прокуратуру для проверки, хотя опять-таки не обязан был этого делать. Впрочем, насколько прокуратура оправдала надежды Конституционного суда Тывы, автору этих строк неизвестно.

Гуманистическая мотивация четко прослеживается также в Постановлении Уставного суда Свердловской области от 25 марта 2010 г., где судьи

встали на защиту скромных социальных прав (в принципе не имеющих конституционно-правового статуса) двух пенсионерок. Конкретно речь шла о предоставлении им ежемесячного пособия на проезд в городском транспорте [8, с. 27–30]. Аналогичным образом в пользу сельского учителя был решен бытовой вопрос Конституционным судом Дагестана, где речь шла о компенсации расходов заявителя на отопление жилья [9].

Как видим, в условиях отсутствия дифференцированной системы правосудия РФ конституционные и уставные суды субъектов России действуют порой в субсидиарном режиме «квазиадминистративной юстиции». Они не боятся решать вопросы, которые не имеют к конституционному праву прямого отношения, но решение которых может ослабить тонус ежедневных тягот заявителя.

Среди изначально **нейтральных** аспектов деятельности конституционных и уставных судов России следует отметить пестроту стилей их конечной продукции. Так, стиль Уставного суда Санкт-Петербурга отличается подчеркнутой лаконичностью и даже подозрительной краткостью. При рассмотрении обращений «профессиональных сутяг» этот стиль весьма эффективен, однако если он является общим правилом, то высока вероятность того, что крайне важные обращения могут быть разрешены формально, т.е. предельно быстро, даже если они требуют глубокой предварительной проработки.

Напротив, стиль Конституционного суда Коми отличается обстоятельностью, тщательной проработкой деталей, особенно в мотивировочной части определений и постановлений. Опять-таки как общее правило такой подход может оказаться контрпродуктивным, например, при рассмотрении «сутяжных дел». С такими делами, судя по материалам Дайджеста оперативной информации, нередко сталкиваются Уставный суд Санкт-Петербурга, Конституционный суд Татарстана, а также – в меньшей степени – Уставный суд Калининградской области и Конституционный суд Башкортостана.

Переходим ко **второму вопросу**, т.е. к вопросу о необходимости завершить возврат национальной системы правосудия России в систему романо-германской правовой семьи. Современная Россия в своем правовом развитии застряла где-то на задворках между англо-американской и романо-германской школами права. С одной стороны, российское гражданское право с нелегкой руки мэтров «московской школы» превратилось в непредсказуемый калейдоскоп явных и скрытых коллизий между романо-германскими, англо-американскими и голландскими компонентами частного права России. Отсюда во многом причина затянувшейся в российской юриспруденции «позиционной войны» между отечественными цивилистами и земельщиками, а также – в более широком контексте – между (романо-германскими) публичниками и цивилистами.

С другой стороны, внутри самого публичного права нет согласия между субстанциалистами (специалистами в области материального права) и процессуалистами. Субстанциалисты в принципе поддерживают идею административной юстиции, процессуалисты как минимум сомневаются. Однако не следует забывать, что в романо-германской правовой семье административное производство возникло как минимум на столетие раньше конституционного контроля (будь то в виде внесудебного контроля по типу Конституционного совета Пятой Республики, будь то в виде полноценного Конституци-

онного суда по типу Австрии и Германии). Защита основных прав в указанных странах началась еще в середине позапрошлого века как защита прав подданных от злоупотреблений со стороны власть предержащих, т.е., в современных терминах, речь шла об административном производстве [10].

Недостатки отечественной системы конституционного контроля сводятся к одной *главной структурной* причине, а именно к безопорности этой системы: она попросту зависла в воздухе, так как до сих пор для нее нет естественного основания в виде системы *административной* юстиции.

Политический класс России и даже многие юристы-публичники, не говоря уже о цивилистах, не понимают специфики административного правосудия. Если властьпредержащие боятся административной юстиции как орудия возможной дестабилизации системы управления под напором хаотичных исков от простых граждан, то не следует забывать о том, что инициатором введения административной юстиции во Франции был не кто иной, как Наполеон. Его никак нельзя заподозрить ни в демократизме, ни в либерализме, ни тем более в приверженности к идеалам современного социального государства.

Иски подданных в наполеоновской модели административной юстиции были необходимы как индикаторы *серьезных и иначе трудно опознаваемых* проблем публичного управления [11]. Как бы авторитарно это ни звучало, но административная юстиция до сих пор в первую очередь защищает публичный интерес, а именно эффективность системы управления. Ни во Франции, ни в Германии административная юстиция никогда прежде не защищала, не защищает и теперь частный интерес гражданина *против* публичного интереса [12, с. 338–409]. Она всегда защищала и защищает частный интерес *внутри* публичного интереса. Именно таким образом административная юстиция совмещает теоретически несовместимое:

1) она защищает публичный интерес, особенно эффективность административной системы;

2) защищает граждан от *таких* действий публичной администрации, которые противоречат публичному интересу.

Самое главное, что порядок следования этих пунктов нельзя изменить без того, чтобы административная юстиция не превратилась в обычный гражданский процесс. Соответственно, искоспособным в системе административной юстиции является только гражданин, администрация – всегда ответчик. Однако привлекается она к ответственности всегда по инициативе заинтересованного частного лица, не потому, что она «администрация», которая тенденциозно покушается на законные права человека, а потому, что она анти-, недо- или чересчур администрация.

Выводы

Конституционные и уставные суды предельно ограничительно толкуют объем и характер свой компетенции. В частности, они нередко отказываются принимать обращения граждан, если речь идет о так называемом гибридном запросе, в котором переплетены публично-правовые и частноправовые аспекты. Сам факт присутствия в деле частноправовой компоненты воспринимается конституционными судьями как достаточное, формальное основание для отказа рассматривать такое обращение. Но разве частное право РФ в нашем контексте и частноправовые отношения, в отличие, например, от частного

права Германии, имеют индульгенцию от «просвечивания» их на соответствие Конституции РФ 1993 г. [13, с. 529–563]? Конституционный контроль по своему смыслу распространяется на весь правопорядок, включая и частное право.

Конституционные и уставные суды в субъектах РФ также остерегаются касаться проблематики неконституционности индивидуальных административных актов, ссылаясь на границы своей компетенции как сферы исключительно нормативного контроля. Но разве в правовом государстве только нормотворец должен соблюдать конституцию? Органы исполнительной власти не менее законодателя связаны принципом правового государства. Если чиновники издают индивидуальные административные акты и ссылаются только на подзаконные или локальные акты или даже на свои предыдущие приказы, то это, на мой взгляд, является достаточным основанием для проверки *нормативных* оснований таких решений. Единственное ограничение здесь для органа конституционного контроля – это необходимость внешней инициативы, т.е. наличие соответствующего запроса со стороны заинтересованного лица.

Список литературы

1. **Merten, D.** Verfassungsgerichtsbarkeit in Deutschland und Österreich / D. Merten. – Berlin : Duncker und Humblot, 2008.
2. **Третьякова, Е. Д.** Воспроизведение (дублирование) в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации норм Конституции РФ и федеральных законов / Е. Д. Третьякова // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 30–33.
3. **Twain, M.** The Awful German Language / M. Twain // A Tramp Abroad. – Appendix D. Hartford (Conn.) : American Publishing Company ; London : Chatto & Windus, 1880.
4. **Loewenstein, K.** Staatsrecht und Staatspraxis von Großbritannien / K. Loewenstein. – Berlin : Springer, 1967. – Bd. 2. – S. 71–94.
5. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2014. – № 4. – С. 49–53.
6. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2012. – № 7. – С. 4–9.
7. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2010. – № 1. – С. 46–47.
8. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2010. – № 2. – С. 17–20, 27–30.
9. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2012. – № 6. – С. 11–21.
10. **Kotulla, M.** Die Tragweite der Grundrechte der revidierten preußischen Verfassung vom 31.01.1850 / M. Kotulla. – Frankfurt/M : Peter Lang, 1992.
11. **Latour, B.** The Making of Law. An Ethnography of the Conseil d'Etat (transl. by M. Brilman and A. Pottage) / B. Latour. – Cambridge : Polity Press, 2010.
12. **Müller, W.** Der Conseil d'Etat / W. Müller // Archiv des öffentlichen Rechts. – 1992. – Bd. 117, № 3. – S. 338–409.
13. **Oeter, St.** "Drittwirkung" der Grundrechte und die Autonomie des Privatrechts / St. Oeter // Archiv des öffentlichen Rechts. – 1994. – Band 119, № 4. – S. 529–563.

References

1. Merten D. *Verfassungsgerichtsbarkeit in Deutschland und Österreich* [Constitutional jurisdictions in Germany and Austria]. Berlin: Duncker und Humblot, 2008.
2. Tret'yakova E. D. *Sovremennoe pravo* [Moder law]. 2009, no. 11, pp. 30–33.

3. Twain M. *A Tramp Abroad*. Appendix D. Hartford (Conn.): American Publishing Company; London: Chatto & Windus, 1880.
4. Loewenstein K. *Staatsrecht und Staatspraxis von Großbritannien* [County laws and state practice in Great Britain]. Berlin: Springer, 1967, vol. 2, pp. 71–94.
5. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts in subjects of the Russian Federations]. 2014, no. 4, pp. 49–53.
6. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts in subjects of the Russian Federations]. 2012, no. 7, pp. 4–9.
7. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts in subjects of the Russian Federations]. 2010, no. 1, pp. 46–47.
8. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts in subjects of the Russian Federations]. 2010, no. 2, pp. 17–20, 27–30.
9. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts in subjects of the Russian Federations]. 2012, no. 6, pp. 11–21.
10. Kotulla M. *Die Tragweite der Grundrechte der revidierten preußischen Verfassung vom 31.01.1850* [The volume of principle rights of the reconsidered Prussian constitution of 31.01.1850]. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1992.
11. Latour B. *The Making of Law. An Ethnography of the Conseil d'Etat (transl. by M. Brilman and A. Pottage)*. Cambridge: Polity Press, 2010.
12. Müller W. *Archiv des öffentlichen Rechts* [Public law archives]. 1992, vol. 117, no. 3, pp. 338–409.
13. Oeter St. *Archiv des öffentlichen Rechts* [Public law archives]. 1994, vol. 119, no. 4, pp. 529–563.

Рузляев Михаил Юрьевич
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Ruzlyaev Michael Yur'evich
Postgraduate student, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ruzlyaev@gmail.com

УДК 342.56
Рузляев, М. Ю.
Блеск и нищета субфедерального конституционного контроля в Российской Федерации / М. Ю. Рузляев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 48–54.

УДК 343.85

А. В. Яшин

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопросы малоэффективной защиты участников уголовного судопроизводства в настоящее время приобрели в Российской Федерации крайне острый характер. В связи с этим возникают определенные трудности нормального отправления правосудия, поскольку потерпевшие, свидетели, а зачастую подозреваемые и обвиняемые опасаются давать показания по уголовным делам и представлять доказательства. Одним из средств предупреждения рассматриваемых преступлений является их уголовно-правовая охрана. Тем не менее уголовным законом регламентирована защита не всех участников уголовного судопроизводства, что является существенным пробелом в уголовном законодательстве. Цель работы – предложить изменения и дополнения в УК РФ, которые смогли бы оптимизировать надлежащую защиту участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств.

Материалы и методы. В статье проведен анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, посредством которых осуществляется охрана участников уголовного судопроизводства. Кроме того, в работе применялся метод социологического опроса более 1300 участников уголовного процесса.

Результаты. Из итогов исследования следует, что необходимо осуществлять уголовно-правовую охрану участников уголовного судопроизводства, не охваченных статьями УК РФ, а именно таких как руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания и частный обвинитель.

Выводы. Исходя из полученных результатов исследования, вносятся предложения по внесению изменений и дополнений в отдельные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: преступление, участники уголовного судопроизводства, предупреждение преступлений, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, частный обвинитель.

A. V. Yashin

PROBLEMS OF PREVENTING CRIMES AGAINST PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS BY CRIMINAL DETERRENCE

Abstract.

Background. Problems of ineffective protection of participants of criminal proceedings have recently become very acute in the Russian Federation. In this regard, there are certain difficulties of normal administration of justice as victims, witnesses, and, frequently, suspects and accused persons are afraid to testify in criminal cases and present evidence. One of means of preventing the crimes under consideration is criminal legal protection. However, the criminal law does not provide protection for all participants of criminal proceedings, which is a significant gap in the criminal law. The purpose of the article is to suggest changes and amendments to the

Criminal Code, which would optimize adequate protection of participants of criminal proceedings against criminal offenses.

Materials and methods. The article analyzes the norms of criminal procedure legislation devoted to protect participants of criminal proceedings. besides that, the research included a survey of more than 1,300 participants of criminal processes.

Results. The research results show that it is necessary to carry out criminal legal protection of those participants of criminal proceedings uncovered by the articles of the Criminal Code, namely, such as executives of investigative bodies, heads of inquiry departments and private prosecutors.

Conclusions. Based on the research results, the author proposes to amend and add certain articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: crime, participants of criminal proceedings, prevention of crimes, executive of an investigative body, head of inquiry department, private prosecutor.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ к задачам Уголовного кодекса относится предупреждение преступлений [1]. Следовательно, одним из средств борьбы с преступлениями, в том числе против участников уголовного судопроизводства, является уголовно-правовая охрана потерпевших от преступных посягательств.

Участники уголовного судопроизводства являются неотъемлемыми субъектами осуществления правосудия, которое, по мнению Р. Б. Головкина, выступает в качестве «одной из важнейших функций государства» [2, с. 13]. В современной научной литературе можно найти разнообразные обоснования уголовно-правовой охраны правосудия, но в ней мало внимания уделяется проблемам защиты конкретных участников уголовного процесса.

Так, И. Н. Крапчатова утверждает, что «ряд статей, содержащихся в главе 31 УК РФ, призваны обеспечить уголовно-правовыми средствами реализацию наиболее важных принципов уголовного процесса, таких как принцип независимости судей и подчинения их только закону, принцип процессуальной самостоятельности других должностных лиц правоохранительных органов, а также защиту этих лиц от психического и физического насилия» [3, с. 129]. Как видно, в данной работе говорится об охране далеко не всех участников процесса, да и то в общих чертах.

По мнению Н. В. Тарасова, «в развитом цивилизованном государстве центральное место во всей правовой системе принадлежит суду… Для обеспечения доверия к судам очень важна их независимость. Эта независимость базируется на двух основных компонентах: независимость в принятии решений, которая определяется как уважение к решениям судов и их исполнению, и конструктивная независимость, означающая свободу от давления со стороны государства и от криминального сообщества, в обеспечении которой важную роль должна сыграть уголовно-правовая охрана правосудия» [4, с. 236–237].

Бесспорно, что суд является центральным звеном правосудия, однако это не единственный его элемент, так как структуру правосудия составляют все участники уголовного судопроизводства, поскольку без их участия правосудие попросту может не состояться.

Следует также заметить, что в юридической литературе встречается расширительное толкование понятия лиц, участвующих в уголовном процессе.

В частности, О. П. Волошина считает, что потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, может быть только лицо, имеющее

уголовно-правовой статус, и предлагает сформулировать название указанной статьи как «незаконное принуждение лица к участию в уголовном судопроизводстве» [5, с. 196–197].

Смысл данной формулировки понятен: если следователь или лицо, производящее дознание, заставляет кого-либо вступить в процесс в качестве участника уголовного судопроизводства и принуждает его дать показания, то это лицо необходимо наказать в уголовном порядке.

Представляется, что можно таким образом вовлечь в процесс подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. Но возникает совершенно справедливый вопрос: как можно незаконно принудить к участию в уголовном судопроизводстве лицо в качестве эксперта или специалиста? Согласно ч. 2 ст. 199 УПК РФ, «руководитель экспертного учреждения после получения постановления о назначении экспертизы поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя» [6].

Специалист также вызывается через администрацию организации, в которой он работает. В связи с данным обстоятельством следователь или дознаватель не могут самостоятельно принудить каких-либо лиц к участию в уголовном судопроизводстве в качестве эксперта или специалиста. Поэтому считаем, что не следует усложнять наименование и диспозицию рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Вообще, на наш взгляд, уголовно-правовые нормы, расположенные в гл. 31 УК РФ, являются достаточно стабильными и вполне выполняют свою функцию по охране участников уголовного судопроизводства. Это подтверждается хотя бы тем, что в диспозиции этих норм практически не вносились изменения с момента принятия УК РФ (за исключением отдельных норм, подвергшихся не столь существенному изменению). Пожалуй, гл. 31 УК РФ является наиболее стабильной и подвергшейся наименьшей степени изменений в отличие от других глав.

В связи с этим представляется, что не следует вносить кардинальных изменений в рассматриваемые уголовно-правовые нормы. Но тем не менее надлежит отметить, что указанными уголовно-правовыми нормами охраняются не все участники уголовного судопроизводства.

Анализ статей УК РФ, охраняющих участников уголовного судопроизводства, показал, что в настоящее время уголовно-правовой охране подлежат: суд (в лице судьи и присяжного заседателя); прокурор; следователь; лицо, производящее дознание (в лице должностного лица органа дознания и дознавателя); потерпевший; подозреваемый; обвиняемый; защитник; свидетель; эксперт; специалист; переводчик.

Такие участники уголовного судопроизводства, как гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, в рамках уголовного дела разрешают споры по возмещению имущественного вреда, причиненного преступлением. От их действий или волеизъявления не зависят ни квалификация деяния, ни виды и размеры наказания, назначенные подсудимому и т.п. Кроме того, зачастую в роли гражданского истца выступает потерпевший, а в роли ответчика – подозреваемый или обвиняемый, которые уже защищены уголовным законом. В связи с этим, на наш взгляд, не следует дополнять

УК РФ нормами, регламентирующими уголовную ответственность за преступные действия в отношении гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Для их уголовно-правовой охраны достаточно ст. 311 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении всех участников уголовного процесса.

Такие участники уголовного судопроизводства, как представители потерпевшего, в соответствии с ч. 3 ст. 45 УПК РФ имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Таким образом, уголовно-правовую охрану представителей потерпевшего обеспечивают уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за незаконное воздействие на потерпевшего.

Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в ходе расследования уголовного дела и в судебном заседании допрашиваются в качестве свидетелей, поэтому их уголовно-правовая охрана осуществляется нормами, предусматривающими уголовную ответственность за незаконное воздействие на свидетеля.

Из изложенного следует, что совсем не охвачены уголовно-правовой охраной такие участники уголовного судопроизводства, как руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания и частный обвинитель.

В связи с принятием Федерального закона Российской Федерации № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» [7] часть полномочий прокурора перешла руководителю следственного органа.

В частности, он стал выполнять такие функции, как: отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; продлевать срок предварительного расследования; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу; возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования и др. Тем не менее Уголовным кодексом охрана данного участника уголовного судопроизводства не предусмотрена.

Руководитель следственного органа, кроме того, уполномочен расследовать уголовные дела. В данном случае он выполняет функции следователя, и к нему применимы уголовно-правовые нормы, регламентирующие уголовную ответственность за незаконное воздействие на следователя. Выполняя же иные функции, руководитель следственного органа уголовно-правовым законом не охраняется.

Получается, что прокурор защищен уголовным законодательством, а в отношении руководителя следственного органа такая защита отсутствует, хотя согласно данным проведенного собственного эмпирического исследования в виде социологического опроса осужденных 1,3 % из числа опрошенных ответили, что совершали преступления в отношении руководителя следст-

венного органа. Из числа опрошенных участников уголовного судопроизводства 1,1 % руководителей следственного органа ответили, что в отношении них совершались преступные деяния.

Федеральный закон Российской Федерации № 90-ФЗ от 6 июня 2007 г. [8] дополнил перечень участников уголовного судопроизводства начальником подразделения дознания (ст. 40.1 УПК), который обладает рядом полномочий, например: изымать уголовное дело у одного дознавателя и передавать другому; отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу. Но уголовно-правовыми средствами данное лицо также не защищено. Тем не менее 0,8 % из числа опрошенных осужденных ответили, что совершали преступления в отношении начальника подразделения дознания. Из числа опрошенных участников уголовного судопроизводства 0,7 % начальников подразделения дознания ответили, что в отношении них совершались преступные деяния.

В перечне участников уголовного судопроизводства, подлежащих уголовно-правовой охране, отсутствует и частный обвинитель.

Так, одним из потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 295 и 296 УК РФ, является прокурор, причем функции его участия в уголовном судопроизводстве в данном случае не разграничиваются. Прокурор, согласно ст. 37 УПК РФ, уполномочен осуществлять несколько функций, в том числе поддерживать государственное обвинение. Как пишет Т. Н. Островская, «функцию поддержания государственного обвинения в суде российские прокуроры приобрели в результате судебной реформы 60-х годов XIX века. С этого времени участие прокурора в качестве государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве является важнейшей обязанностью» [9, с. 3].

Полномочия обвинителя в судебном разбирательстве, в свою очередь, регламентированы ст. 246 УПК РФ, в ч. 1 которой указано, что его участие в судебном разбирательстве обязательно. Части 2 и 3 ст. 246 УПК РФ разделяют полномочия государственного и частного обвинителей, причем ч. 2 ст. 43 УПК установлено, что частный обвинитель наделяется правами, предусмотренными ч. 4, 5, 6 ст. 246 УПК. Указанные уголовно-процессуальные нормы регламентируют деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения в судебном разбирательстве.

Таким образом, уголовно-процессуальным законодательством полномочия частного обвинителя приравнены к полномочиям прокурора как государственного обвинителя. Тем не менее ни одной статьей УК РФ не предусмотрена уголовно-правовая охрана частного обвинителя, хотя 3,0 % из числа опрошенных осужденных ответили, что совершали преступления в отношении частного обвинителя. Из числа опрошенных участников уголовного судопроизводства 4,2 % частных обвинителей ответили, что в отношении них совершались преступные деяния.

С одной стороны, в соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ частный обвинитель наделен правами потерпевшего. Кроме того, согласно п. 59 ч. 1 ст. 5 УПК РФ частный обвинитель – это потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения.

В данном случае уголовно-правовая охрана частного обвинителя осуществляется по правилам охраны потерпевшего, который дает показания

(ст. 302, 309 УК РФ). Но, с другой стороны, уголовно-правовыми нормами не предусмотрена защита частного обвинителя в том случае, когда он поддерживает обвинение. А ведь отказ от обвинения ведет к примирению сторон и прекращению уголовного дела, т.е. освобождению лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

На наш взгляд, отсутствие уголовно-правовой нормы, охраняющей права частного обвинителя, связано с тем, что УПК РСФСР не предусматривал его в качестве участника процесса. Как отмечает В. П. Божьев, «в российском уголовно-процессуальном законодательстве после октябрьского периода (УПК РСФСР 1923 и 1960 гг.) формально отсутствовал субъект уголовно-процессуального права, именуемый частным обвинителем. Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. такой участник уголовного процесса был известен (см., например, ст. 5, 6, 526, 630). От его действий (подачи жалобы) зависело начало производства по уголовному делу, возбуждаемому по жалобе потерпевшего и подлежащему прекращению ввиду его примирения с обидчиком. Исключительно частным обвинителем было предоставлено право обличать обвиняемого по этим делам перед судом» [10, с. 8].

Частный обвинитель был включен в перечень участников уголовного судопроизводства только после принятия и введения в действие УПК РФ, т.е. с 1 июля 2002 г.

Указанное обстоятельство подтверждает бессистемность принятия нормативных правовых актов законодательными органами, когда деятельность, направленная на изменения, вносимые в один закон (в данном случае – УПК РФ), не увязывается с необходимостью внесения изменений в другой закон (УК РФ).

На наш взгляд, данная ситуация является пробелом в уголовном законодательстве, который надлежит восполнить, включив в перечень потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 295, 296 УК РФ и частного обвинителя, поскольку он в данном случае также является лицом, осуществляющим правосудие, поддерживая обвинение в суде.

В соответствии с изложенным, предлагается внести дополнения в ряд статей УК РФ и изложить их в следующей редакции:

– ч. 2 ст. 294 УК РФ: «вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, *руководителя следственного органа*, следователя, *начальника подразделения дознания* или лица, производящего дознание (далее по тексту), – наказывается…»;

– ст. 295 УК РФ: «посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, *частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа*, следователя, *начальника подразделения дознания*, лица, производящего дознание, защитника (далее по тексту), – наказывается…»;

– ч. 2 ст. 296 УК РФ: «то же деяние, совершенное в отношении прокурора, *частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа*, следователя, *начальника подразделения дознания*, лица, производящего дознание, защитника (далее по тексту), – наказывается…»;

– ч. 2 ст. 298.1 УК РФ: «то же деяние, совершенное в отношении прокурора, *руководителя следственного органа*, следователя, *начальника под-*

разделения дознания, лица, производящего дознание (далее по тексту), – наказывается…».

Уголовно-процессуальным законодательством на руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания возложены также обязанности, связанные с возможностью освобождения лица от уголовной ответственности.

Так, согласно п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа утверждает постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу. Согласно п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания дает дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

Следовательно, руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания на законном основании причастны к деятельности следователя и лица, производящего дознание, по привлечению лиц к уголовной ответственности или освобождению от нее. Тем не менее указанные участники уголовного судопроизводства не являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, что, на наш взгляд, также является пробелом в уголовном законодательстве.

В связи с этим предлагается внести дополнения в ст. 300 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, *руководителем следственного органа,* следователем, *начальником подразделения дознания* или лицом, производящим дознание, – наказывается…».

Таким образом, предлагается усовершенствовать некоторые уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за преступления против участников уголовного судопроизводства, поскольку действующей редакцией УК РФ не все участники процесса попадают под защиту от преступных посягательств.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29. – Ст. 4393.
2. **Головкин, Р. Б.** Некоторые особенности понятия правосудия и система социального регулирования в современной России / Р. Б. Головкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 11–19.
3. **Крапчатова, И. Н.** Защита лиц, осуществляющих и обеспечивающих правосудие: уголовно-правовой аспект / И. Н. Крапчатова // Российское законодательство в современных условиях : материалы VII ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Брянск : Группа компаний «Десяточка», 2009. – С. 128–131.
4. **Тарасов, Н. В.** Осуществление уголовно-правовой охраны правосудия / Н. В. Тарасов // Актуальные проблемы формирования профессиональной компетенции и культуры сотрудников правоохранительных органов : материалы Меж-

дунар. науч.-практ. конф. – Брянск : Брянский филиал МосУ МВД России, 2006. – С. 235–240.
5. **Волошина, О. П.** Актуальные вопросы обеспечения охраны свидетелей уголовно-правовыми и иными средствами / О. П. Волошина // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 4. – С. 196–197.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921 ; Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29. – Ст. 4391.
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон Российской Федерации № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 25. – Ст. 2830.
8. О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации № 90-ФЗ от 6 июня 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2833.
9. **Островская, Т. Н.** Государственный обвинитель – гарант соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве / Т. Н. Островская // Наука. Общество. Государство : электронный научный журнал. – 2014. – № 1.
10. **Божьев, В. П.** Частный обвинитель / В. П. Божьев // Законность. – 2008. – № 7. – С. 8–11.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 1996, no. 25, art. 2954; Collected laws of the Russian Federation. 2015, no. 29, art. 4393.
2. Golovkin R. B. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1, pp. 11–19.
3. Krapchatova I. N. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo v sovremennykh usloviyakh: materialy VII ezhegodnoy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Russian legislation in modern conditions: proceedings of VII Annual All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Bryansk: Gruppa kompaniy «Desyatochka», 2009, pp. 128–131.
4. Tarasov N. V. *Aktual'nye problemy formirovaniya professional'noy kompetentsii i kul'tury sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Urgent problems of formation of professional competence and culture law-enforcement officers: proceedings of the International scientific and practical conference]. Bryansk: Bryanskiy filial MosU MVD Rossii, 2006, pp. 235–240.
5. Voloshina O. P. *«Chernye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve* [“Black holes” in the Russian legislation]. 2007, no. 4, pp. 196–197.
6. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 52, art. 4921; Collected laws of the Russian Federation. 2015, no. 29, art. 4391.
7. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 2007, no. 25, art. 2830.
8. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 2007, no. 24, art. 2833.
9. Ostrovskaya T. N. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Science. Society. State: online scientific journal]. 2014, no. 1.
10. Bozh'ev V. P. *Zakonnost'* [Legality]. 2008, no. 7, pp. 8–11.

Яшин Андрей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правоохранительной деятельности, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Yashin Andrei Vladimirovich
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of law enforcement, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 343.85

Яшин, А. В.

Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами / А. В. Яшин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 55–63.

УДК 316

Л. М. Дробижева

ПОТЕНЦИАЛ БЛАГОПРИЯТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТЯХ ПРИВОЛЖСКОГО РЕГИОНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Характер межэтнических отношений в полиэтнических странах является важным показателем стабильности общества. В связи с этим исследование процессов развития межнациональных отношений как в современном российском обществе в целом, так и в отдельных полиэтнических регионах приобретает особую актуальность. Цель данной статьи заключается в анализе потенциала благоприятных межнациональных отношений в полиэтнических областях Поволжского региона.

Материалы и методы. В статье на основе результатов проведенного социологического исследования в рамках гранта РГНФ проанализированы вопросы межнациональных отношений в Поволжском регионе. Рассматриваются предпосылки сложившихся взаимоотношений в национальной сфере, анализируются два возможных проекта национального строительства «Россия с преимуществом для русских» и «Россия – наш общий дом». Основными методами исследования явились массовый опрос респондентов в Пензенской и Ульяновской областях (выборка квотная, по полу и возрасту), а также вторичный анализ исследований Института социологии РАН по межнациональным отношениям.

Результаты. Проведенное исследование показало, что абсолютное большинство среди русских (88,3 %), так же как и среди других национальностей, (татары – 85,3 %, мордва – 89,6 %) считает, что насилие в межнациональных и межрелигиозных отношениях недопустимо. Но в случае, если «нарушается справедливость в отношении народа и веры» респондента, допускают насилие 47,3 % русских, 33,3 % татар и 54,1 % мордвы. Большинство русских в Поволжском регионе согласно с поддержкой государством культуры и религии других народов. В то же время среди самих представителей других национальностей какие-то преференции русским готовы отдать среди татар 35 %, среди мордвы – 51 %.

Выводы. В целом в российском обществе в последние годы уравновешиваются две позиции сторонников России как общего дома многих народов России и России с преимущественными правами русских. Поддержанию межнационального согласия в многонациональной России, преодолению межэтнической интолерантности и ксенофобии могла бы стать трактовка и продвижение в общественном сознании «гражданского» понятия патриотизма, включающего в себя труд на благо Родины, знание истории своей страны, ее культуры и

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

традиций, поддержку дружественных отношений между людьми разных национальностей, борьбу с недостатками в стране.

Ключевые слова: полиэтнический регион, межнациональные отношения, патриотизм, этничность, межэтническая толерантность и интолерантность.

L. M. Drobizheva

FAVOURABLE RELATIONS POTENTIAL IN PROVINCES OF VOLGA REGION (BY RESULTS OF A SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Abstract.

Background. The nature of interethnic relations in polyethnic countries is an improtant indicator of stable society. In this connection, researching interethnic relations development both in the Russian society and in individual polyethnic regions is of special urgency and topicality. The aim of the article is to analyze the favourable interethnic relations potential in polyethnic provinces of the Volga region.

Materials and methods. On the basis of the conducted sociological research in the framework of the Russian Humanitarian Scientific Foundation's grant the article analyzes the problems of interethnic relations in the Volga region. The work considers preconditions of the established relations in the ethnic sphere, analyzes two possible projects of nation formation "Russia with privileges for Russians" and "Russia – our common home". The main research methods were surveying in Penza and Ulyanovsk regions (selection: quota, gender, age) and a secondary analysis of the research of interethnic relations by the Institute of Sociology of RAS.

Results. The conducted research has shown that the absolute majority of Russians (88,3 %), as well as other nationalities (Tatars – 85,3 %, Mordvins – 89,6 %) believe that violence in interethnic and interreligious relations is unacceptable. But in case of injustice in relation to people and faith, the respondents concede violence (47,3 % of Russians, 33,3 % of Tatars and 54,1 % of Mordvins). The majority of Russians in the Volga region accept the state's support of culture and religion of other peoples. At the same time, representatives of the said other peoples are ready to give certain preferences to Russians at the following ratio: Tatars – 35 %, Mordvins – 51 %.

Conclusions. Generally, in recent years the Russian society has counterbalanced two positions: those supporting the idea of Russia as common home for many peoples, and those supporting Russia with preferential rights for Russians. Maintenance of interethnic concordance in multinational Russia, tackling interracial intolerance and xenophobia may be provided by formulation and promotion of "civil" understanding of patriotism in people's consciousness, implying labor for the benefit of the Mother land, knowledge of country's history, culture and traditions, maintenance of friendly relations between people of different nationalities, struggle against country's disadvantages.

Key words: polyethnic regions, interethnic relations, patriotism, ethnicity, interethnic tolerance and intolerance.

В последние годы состоянию и развитию межнациональных отношений властными структурами уделяется, несомненно, значительное внимание. В выступлении на Валдайском форуме осенью 2013 г. В. В. Путин сформулировал свое понимание политики в этой сфере следующим образом: «Ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему рус-

ского, татарского, кавказского, сибирского, какого угодно еще любого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения нашего “генетического кода”» [1].

Последние десятилетия в истории российского общества не были самыми благоприятными для укрепления установок толерантного сознания по ряду обстоятельств. Трансформация нашего общества происходила сразу во всех сферах – духовной жизни, политической, экономической. Известный польский социолог П. Штомпка называет такую трансформацию «травматической». Изменения происходили во всех сферах, и шли они несинхронно, не совпадая по масштабам и глубине. Социологи знают, что в такие периоды для общества бывают характерны высокая энтропия, дифференциация, дезорганизация, дезинтеграция. Это осложняет поддержание согласия в обществе, в том числе в этнонациональной сфере.

Большие группы людей теряли привычный статус, образ жизни, должны были находить новую самоидентификацию, которая воспринималась и неопределенно, и нестабильно. В таких условиях нередко происходит взаимоусиление интолерантности в разных сферах и проявлениях [2, с. 172–173]. Именно поэтому исследования межнациональных отношений в масштабах страны недостаточны. В регионах композиция факторов, влияющих на межэтнические установки, отличается. Поэтому региональные исследования с репрезентативной выборкой помогают глубже понять складывающуюся в стране ситуацию. Исследования, проведенные в Пензенской и Ульяновской областях, отражают ситуацию в регионах, которые относятся по качеству жизни населения к уровню чуть выше среднего – 32-е, 43-е места среди 83 регионов страны за 2014 г. Но Пензенскую область относят также к регионам с высокой инновационной активностью и высоким качеством управления.

Данные проведенного социологического исследования в Пензенской и Ульяновской областях (март–июнь 2015 г., выборка квотная по полу и возрасту, n = 1350) в рамках вышеуказанного гранта РГНФ показывают, что абсолютное большинство среди русских (88,3 %), так же как и среди других национальностей (татары – 85,3 %, мордва – 89,6 %), считает, что насилие в межнациональных и межрелигиозных отношениях недопустимо. Этнических различий в этом нет, что отражает общий для страны тренд (табл. 1). Благоприятным является несколько большая уверенность в недопустимости насилия среди молодежи.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны?» в зависимости от возраста респондентов (в процентах к опрошенным, n = 1350)

Степень согласия с суждением **«Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо»**	Возраст		
	18–34	35–54	Свыше 55
Полностью согласен	83,3 %	71,7 %	74 %
Скорее согласен	11,7 %	8,7 %	16,2 %
Скорее НЕ согласен	2,2 %	9,1 %	3 %
Полностью НЕ согласен	2,2 %	2,7 %	2,6 %
Затрудняюсь ответить	0,6 %	7,8 %	4,3 %

Вместе с тем есть и тревожные симптомы. Часть респондентов, если нарушается справедливость в отношении их народа и веры, допускает насилие (47,3 % русских, 33,3 % татар и 54,1 % мордвы) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны?» в зависимости от возраста респондентов (в процентах к опрошенным, *n* = 1350)

Степень согласия с суждением **«Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры»**	Возраст		
	18–34	35–54	Свыше 55
Полностью согласен	18,3 %	12,3 %	18,3 %
Скорее согласен	23,3 %	32,4 %	31,5 %
Скорее НЕ согласен	30 %	25,1 %	25,5 %
Полностью НЕ согласен	22,8 %	21 %	15,3 %
Затрудняюсь ответить	5,6 %	9,1 %	9,4 %

Значимая часть русских, так же как людей других российских национальностей, стали выражать готовность на нарушение справедливости в их понимании отвечать насилием. Эта тенденция относительно новая. По массовым опросам она фиксируется в регионе последние пять–десять лет (табл. 3). Она подтверждается и ответами на вопрос о защите интересов народа. Подобная прожективная реакция может быть связана как с распространяемой СМИ информацией о нарушении общественного порядка инокультурными мигрантами, так и с уровнем общей агрессии, провоцируемым беззаконием, коррупцией, беззащитностью людей перед нарушениями их прав.

Таблица 3

Ответы на вопрос о формах готовности защищать интересы своего народа «С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны?» в зависимости от возраста респондентов (в процентах к опрошенным, *n* = 1350)

	Возраст		
	18–34	35–54	Свыше 55
Согласие с ответом на вопрос **«Все средства хороши для защиты интересов моего народа?»**			
Полностью согласен	24,4 %	17,4 %	20,4 %
Скорее согласен	23,9 %	28,8 %	28,1 %
Скорее НЕ согласен	38,9 %	28,3 %	26,4 %
Полностью НЕ согласен	10 %	15,5 %	15,7 %
Затрудняюсь ответить	2,8 %	10,1 %	9,4 %

Однако, судя по результатам исследований, этнозащитные настроения не доминируют в русском и российском сознании. Проявление защитного этноизоляционизма, характерное для небольшой части населения, совмеща-

ется с достаточно широко распространенным мнением об открытости государства, равноправии граждан независимо от их национальности. Мнение «Россия должна быть государством русских людей» в изучаемых областях Поволжского региона поддержали всего лишь 8 % респондентов (в младшей возрастной группе 18–34 года его разделяли 13 % респондентов, а среди тех, кому свыше 55 лет, – около 7 %).

В контексте анализируемой проблемы весьма интересным представляется вопрос об отношении жителей региона к тому, какова должна быть политика государства по отношению к культуре и религии большинства населения страны – русских и по отношению к культуре и религии всех народов России. Результаты проведенного в Поволжском регионе социологического исследования приводятся на рис. 1 и 2.

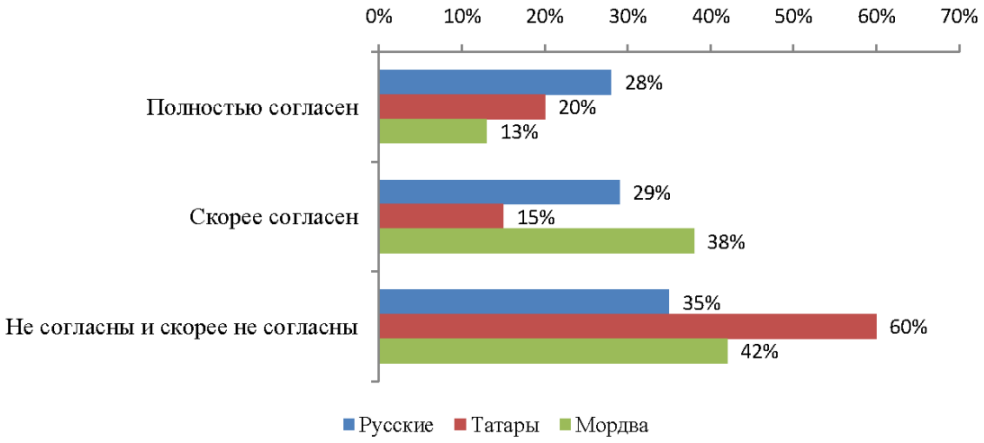

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских?» в зависимости от национальности респондентов (в процентах к опрошенным, n = 1350)

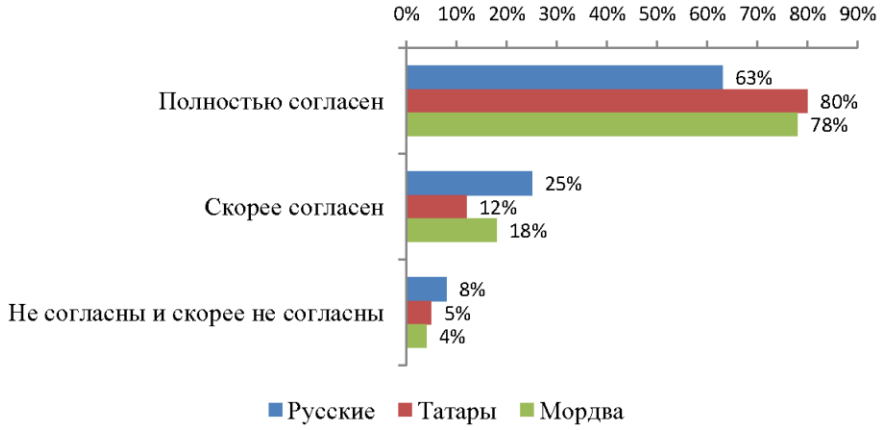

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России» в зависимости от национальности респондентов (в процентах к опрошенным, n = 1350)

Очевидно, что за приоритетность поддержки русской культуры и православия выступают прежде всего русские (57 %), и меньше – представители других национальностей (см. рис. 1). Причем среди молодежи такая поддержка не меньше, а даже больше, чем среди среднего и старшего поколения (63 % против 52 и 49 % соответственно).

Но в то же время открытость русских остается как результат предшествовавшей истории, политики советского прошлого и путинского времени. В подавляющем большинстве 88 % русских полагают, что государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России. Доля русских, не согласных с равной поддержкой всех народов, составляет всего лишь 8 %, среди других национальностей с преимущественной поддержкой русских не согласны значительно больше (см. рис. 1, 2). Таким образом, большинство русских, понимая необходимость поддерживать межнациональный мир, согласны с поддержкой государством культуры и религии других народов. Ответ «скорее согласен» можно считать в известной мере продиктованным либо существующим общественным мнением, либо декларируемой государством политикой. Каких-либо статистически значимых различий в разных возрастных группах в представлениях русских по данному вопросу нет.

Анализ результатов мониторинговых исследований Института социологии РАН (а ранее – ИКСИ РАН) показывает динамику массовых представлений о месте этничности в российской государственности. В 1995 г. большинство граждан (65 %) соглашалось с мнением «Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ»; 11 % поддерживали мнение, что Россия должна быть государством русских людей, а 14 % полагали, что «русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом». За 2001–2007 гг. последние две позиции набирали число сторонников до 19 и 31 % соответственно, т.е. увеличились вдвое. А поддержка позиции «Россия – общий дом для многих народов» снижалась с 61 до 46–50 % в 2015 г. [3].

В Поволжском регионе несколько иная картина. Проведенное в 2015 г. социологическое исследование в рамках вышеуказанного гранта показало, что большая доля респондентов выбирала позицию «Россия – общий дом народов» (68,3 %). Доля сторонников больших прав русских в государстве составила 19 %, а утверждение «Россия должна быть государством русских людей» поддержало всего лишь 8 %. Распределение ответов по национальному признаку показало, что 65,5 % русских, более 80 % татар и почти 70 % мордвы выбрали вариант «Россия – наш общий дом» (табл. 4). Скорее всего, такие результаты обусловлены тем, что изучаемые области Поволжского региона населяют представители трех основных национальностей – русские, татары, мордва, которые исторически длительное время проживают на данной территории, имеют родственные связи в нескольких поколениях, и открытых, тем более насильственных конфликтов за все советское и постсоветское время по национальному признаку не было.

Изучение динамики статусности народов в полиэтническом государстве имеет не только научно-аналитическое, но этнополитическое значение. Сторонники «русского проекта» противопоставляют гражданской нации, идеологии лояльности государству, приоритету общенациональных интере-

сов (тому, что в мировой науке называют гражданским национализмом) национальное государство русской нации с этническими меньшинствами, которые могут либо становиться русскими, либо признавать государствообразующий статус русских.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос о месте этничности в российской государственности в зависимости от национальности респондентов (в процентах к опрошенным, *n* = 1350)

Варианты ответов	Национальности		
	Русские	Татары	Мордва
Россия должна быть государством русских людей	9,3 %	1,3 %	8,3 %
Россия – многонациональная страна, но русские составляют большинство и поэтому должны иметь больше прав	21 %	13,3 %	18,8 %
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	65,5 %	81,3 %	68,8 %
Затрудняюсь ответить	4,2 %	4 %	4,2 %

Идеология эта не новая, она в разной мере осуществляется в ряде государств постсоветского пространства. И к чему она приводит для недоминирующего народа, очевидно не только на украинском, но и на латышском, эстонском опыте, где выстраиваются сценарии демократии для большинства, а меньшинства далеко не всегда с этим готовы соглашаться.

Проект же общероссийского дома – это проект национального государства, с многонациональным российским народом, российской нацией, ядро которой составляют русская культура и язык и в которую входят другие российские национальности. Согласно этому проекту статус русских и русскости повышают через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских, через создание условий для их социального роста, не ущемляющего представительства в политическом пространстве, через утверждение неконфронтирующей российской и русской идентичности. Как отмечал В. Путин на Валдайском форуме, «нужно уважать право меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение» [1].

Напомним, что Президент РФ призвал каждого ответственного политика и общественного деятеля к пониманию того, что гражданское и межнациональное согласие является необходимым условием самого факта существования России.

Представление о России «как общем доме многих народов, где все народы обладают равными правами и никто не должен иметь преимуществ» разделяют в последние годы около 50 % граждан [2, с. 226]. При этом русскими в ряде республик данная позиция поддерживается шире, чем в российском пространстве в целом и в районах преимущественного проживания русских. Так, в Башкортостане, Татарстане, Республике Саха (Якутия) ее разделяют 80–90 % русских [2, с. 62, 322].

Следует отметить, что от установок этнического большинства в сфере межэтнических отношений и их представлений о том, каким государством является Россия, во многом зависит массовая поддержка той или иной модели национально-государственного развития России.

Наиболее востребованной со стороны русского большинства, как показывают социологические опросы, является модель многонационального российского государства на основе русского языка и культуры. При этом межнациональное согласие определяется способностью государства обеспечить реализацию жизненно важных интересов личности, всего общества в его этническом многообразии, мобилизации ресурсов для принятия решений, удовлетворяющих основных участников взаимодействий.

Особо следует обратить внимание на то, что события в Крыму и на Украине, 70-летие Победы способствовали подъему патриотизма в стране. Естественно было ожидать, что это повлияет и на состояние межнациональных отношений. Судя по мониторинговым опросам Левада-Центра, они улучшились в 2014 г. в сравнении с 2013 г. в отношении к мигрантам. По исследованиям ИС РАН, весной 2015 г. межнациональные внутрироссиийские отношения оставались балансирующими в ряде регионов с доминантой благоприятных, но с ощущением внутренней напряженности.

Правомерно, однако, поставить вопрос: какой патриотизм положительно влияет на межнациональные отношения?

В настоящее время понятие «патриотизм» становится снова востребованным в общественном сознании. Ведется разработка различных программ по патриотическому воспитанию населения. В отечественной литературе и публицистике предпринимаются усилия по созданию новой «патриотической идеологемы» как на основе классического «советского» ее варианта, так и по наполнению ее принципиально новым содержанием.

К сожалению, бытующая в настоящее время в общественном сознании идеологема патриотизма не обеспечивает единства в обществе в полной мере. По мнению социологов Института социологии РАН, следуют различать три варианта патриотизма: охранительный, умеренный и гражданский. Социологическое исследование показало, что в общей сложности 54 % респондентов по поводу идеологемы патриотизма находятся в равновесном противостоянии, где предметом расхождений является включение или невключение в содержание современного российского патриотизма «охранительных» смыслов (подробнее о различных трактовках патриотизма см.: [2, с. 227–232]).

Многовариантность идеологем патриотизма, бытующая в современном российском социуме, не дает оснований утверждать, что само это понятие в полной мере может служить существенным фактором консолидации россиян на основе межнационального согласия. Консолидационный потенциал такой идеологемы пока реализуется менее чем на треть своих возможностей. В то же время анализ полученных данных показывает, что консолидирующим многонациональную Россию понятием может стать трактовка и продвижение в общественном сознании «гражданского» понятия патриотизма, включающего в себя труд на благо Родины, знание истории своей страны, ее культуры и традиций, поддержку дружественных отношений между людьми разных национальностей, борьбу с недостатками в стране. Одним из путей решения этой задачи было бы включение в программы патриотического вос-

питания компонента, утверждающего и демонстрирующего преемственность и другие культурно-исторические ценностей народов России, включая ценности межнационального и межрелигиозного согласия.

Список литературы

1. **Путин, В. В.** Выступление на Валдайском форуме. 19.09.2013 г. / В. В. Путин. – URL: http: // www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (дата обращения: 05.06.2015).
2. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : РОССПЭН, 2013.
3. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]. – М. : Весь Мир, 2015.

References

1. Putin V. V. *Vystuplenie na Valdayskom forume. 19.09.2013 g.* [Speech at the Valday forum]. Available at: http: // www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (accessed June 5, 2015).
2. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: ROSSPEN, 2013.
3. Gorshkov M. K. et al. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya* [Russian society and challenges of the present time. Book 2]. Moscow: Ves' Mir, 2015.

Дробижева Леокадия Михайловна
доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН (Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

Drobizheva Leokadiya Mikhaylovna
Doctor of historical sciences, professor, head of the Interethnic relations research center, Institute of Sociology of RAS (building 5, 24/35 Krzhizhanovskogo street, Moscow, Russia)

E-mail: drobizheva@yandex.ru

УДК 316

Дробижева, Л. М.

Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологического исследования) / Л. М. Дробижева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 64–72.

УДК 316.343.652

О. В. Шиняева, О. В. Полетаева

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ СВОБОДНО ЗАНЯТЫХ РАБОТНИКОВ В РЕГИОНАХ ПОВОЛЖЬЯ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования работников, занятых нетрадиционными формами наемного труда, связана с быстрым развитием информационной экономики и ростом в российских регионах доли людей, официально не зарегистрированных в штате трудовых организаций. Целью данной статьи является определение демографического и квалификационного состава свободно занятых работников в регионах Поволжья, а также перспектив их влияния на развитие социально-трудовой ситуации.

Материалы и методы. Анализ построен на основе обобщения результатов всероссийских исследований, обработки и интерпретации данных авторского опроса трудоспособного населения Ульяновской и Самарской областей, Республики Татарстан. Проблема исследуется с позиций структурно-функционального и аксиологического подходов, которые позволяют определить долю свободно занятых, изучить их состав и содержание профессиональной деятельности.

Результаты. По результатам исследования выделены два типа свободно занятых работников в обследованных регионах. Первый тип – постоянные фрилансеры (15 % от общего состава занятого населения), обладают высоким человеческим потенциалом, дорожат репутацией, позитивно оценивают будущее. Второй тип – временные фрилансеры (35 %), решают текущие проблемы за счет совмещения видов трудовой деятельности. Увеличение доли постоянных фрилансеров и их влияния на экономику регионов возможно при условии развития информационных технологий и повышения социально-правовой защищенности этих работников.

Выводы. Характеристики свободно занятых работников поволжских регионов позволяют представить их как группу, имеющую весомый образовательный капитал, занятую в перспективных отраслях, но не располагающую стабильным социальным статусом. Они отличаются от других групп наемных работников ценностными, поведенческими характеристиками; свободно занятые составляют новый потенциал среднего класса регионов в условиях модернизации экономики и глобализации рынка труда.

Ключевые слова: свободная занятость, состав свободно занятых наемных работников, ценности и характер профессиональной деятельности.

O. V. Shinyaeva, O. V. Poletaeva

PROFESSIONAL-INDUSTRIAL AND DEMOGRAPHIC COMPOSITION OF FREELY EMPLOYED PEOPLE IN PROVINCES OF THE VOLGA REGION

Abstract.

Background. The relevance of the study of workers employed in non-traditional forms of wage labor is associated with rapid development of the information eco-

[1] Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Свободно занятые в социально-трудовом пространстве региона: состав, трудовые практики, социальный статус» № 15-13-73601.

nomy and growth of a group of people in the Russian regions not officially registered at employment organizations. The purpose of this article is to identify the demographic and qualification structure of freely employed people in provinces of the Volga region, and the prospects for their influence on development of the socio-labour situation.

Materials and methods. The analysis is built on the basis of generalization of the results of the national studies, processing and interpretation of the author's survey of the working population of the Ulyanovsk and Samara regions, the Republic of Tatarstan. The problem is investigated from the standpoint of structural-functional and axiological approaches that allow to freely determine the share of the freely employed, to study their composition and content of professional activity.

Results. Based on the research results, the work highlights two types of freely employed people in the surveyed regions. The first type is permanent freelancers (15 % of the total employed population) have high human potential, value reputation, positive views about the future. The second type is temporary freelancers (35 %), solve current problems by combining jobs. An increase in the share of permanent freelancers and their impact on the economy of regions is possible under condition of development of information technologies and improvement of legal and social protection of these workers.

Conclusions. Features of freely employed people in provinces of the Volga region of Russia allow to represent them as a group having a significant educational capital, occupied in promising industries, but not facilitating a stable social status. They differ from other groups of employees by values and behavioral characteristics; the freely employed constitute a new potential of the middle class of regions in conditions of economic modernization and globalization of the labor market.

Key words: free employment, composition of freely employed people, values and nature of professional activity.

Формирование информационной экономики предполагает активное внедрение новых и нестандартных форм занятости, основанных на автономности процесса труда и своевременном предоставлении результатов. В этом контексте в России растет удельный вес свободно занятых – самостоятельных работников, не входящих формально в штат какой-либо компании. Актуальность исследования этой категории работников связана с необходимостью определения количественного и качественного состава, выявления роли региональных факторов в ее функционировании.

В последнее время активно развиваются не только мировые, общенациональные рынки услуг свободно занятых работников, но и региональные, что является частью процесса становления и развития информационной экономики в регионах России. Требуется социологическое осмысление данного явления в социально-трудовом пространстве российских регионов, описание основных характеристик свободно занятых. Модернизация региональной экономики зависит от того, насколько эффективно будет использован потенциал данной группы.

Несмотря на разнообразный характер труда, сложность выполняемых задач, свободно занятые (фрилансеры) не имеют устойчивого положения на рынке труда, гарантий оплаты результатов труда и социального пакета, что делает данную группу уязвимой и требует дополнительного изучения условий функционирования фрилансеров в конкретных регионах. В силу специфики свободной занятости важные показатели ее динамики являются скрытыми от экспертов. Социологическое исследование дает возможность полу-

чить информацию по актуальным аспектам этой формы трудовой деятельности от непосредственных участников.

Цель данной статьи – выявление профессионального и демографического состава свободно занятых работников в регионах Приволжского федерального округа с разным уровнем развития; определение перспектив их влияния на социально-трудовую ситуацию. Эмпирической базой данной работы выступило социологическое исследование «Свободно занятые в социально-трудовом пространстве регионов», в рамках которого проведен анкетный опрос в трех регионах Поволжья – Ульяновской и Самарской областях, Республике Татарстан (объем выборочной совокупности составил 1210; выборка квотная – по региону, типу населенного пункта, сфере занятости).

Понимание природы и сути наемного труда как социального феномена является необходимым при социологическом исследовании труда различных социально-профессиональных групп, анализе его состояния и динамики. Изучение положения наемных работников в социальной структуре общества имеет давнюю традицию и обычно связывается с влиянием социально-экономической неоднородности труда на классовые и стратификационные различия людей.

С именем Э. Дюркгейма связана фундаментальная разработка влияния углубляющегося разделения труда на многообразие социальных связей и контактов, усложнение социальной организации общества в результате интенсивной профессионализации и специализации труда [1, с. 77]. По мнению Э. Дюркгейма, органическая солидарность свойственна сложным, развитым обществам и основывается на всеобщем разделении труда, профессиональной специализации, экономической взаимосвязи индивидов. Прежнее коллективное сознание сменяется новым, которое становится более рационалистическим; при этом основным фактором общественного прогресса, с позиций ученого, выступает разделение труда.

Эмпирические исследования М. Вебера, посвященные изучению условий труда и жизни рабочих, позволили выявить взаимосвязь между образом жизни работников и содержанием их труда. Анкетный опрос, проведенный среди групп работников, показал важную тенденцию развивающегося индустриального мира: стремление к свободе каждого рабочего первично, «вопрос о ноже и вилке» имеет вторичное значение. «В первую очередь рабочий стремится быть кузнецом своего счастья – или несчастья. Эта черта современного мира является общим продуктом психологического развития, и мы узнаем ее в нас самих» [2, с. 28]. В рамках нашего исследования принципиальным является утверждение М. Вебера о том, что объединенные одной сферой рядовые наемные работники имеют разное содержание и автономность труда.

В исследованиях Чикагской школы социологии важное место отведено изучению положения работников в социальной структуре. Репутационная теория, применимая к наемным работникам, была предложена У. Л. Уорнером. Ученый утверждал, что «корпорация и капиталистическое предпринимательство образуют широкую взаимосвязанную совокупность отношений между составными частями, целостность которых формирует социально-экономическую подсистему тотального общества. Составными частями ее являются: (1) структурная форма экономической жизни, которая представляет

собой систему взаимосвязанных статусов, упорядочивающую экономические деятельности членов системы; (2) технология, которая инструментализирует систему и адаптирует общество в целом к природе; и (3) символы, представления и ценности системы, в том числе сознательные и бессознательные чувства и рациональные принципы, которые мотивируют и определяют поведение тех, кто включен в корпоративную и экономическую подсистему» [3, с. 183]. Важное методологическое значение для анализа новых форм занятости имеет положение У. Уорнера о роли корпораций в изменении статуса наемных работников: предприятия обладают вертикальной и горизонтальной статусными структурами, которые могут разрастаться в масштабах тотальной экономики; это позволяет работнику менять свое положение за счет образования и квалификации.

В российском научном дискурсе проблемы свободно занятых работников как самостоятельной группы в социально-трудовой структуре пока анализируются слабо, хотя их наличие не вызывает сомнения. Оценивая положение российских фрилансеров в трудовом пространстве, исследователи НИУ ВШЭ Д. О. Стребков и А. В. Шевчук отмечают, что они «представляют собой самостоятельную, но неоднородную группу; характер их труда отличается от других категорий занятого населения» [4, с. 48–49].

По оценкам специалистов в сфере трудовых отношений, в последние годы нестандартно занятыми в России являются не менее 25 % от общей численности трудоспособного населения, они трудятся в сферах теневой экономики, фриланса, надомного труда; собственно свободно занятые (фрилансеры) составляют 10–15 % от общего числа работающих граждан. По данным российских социологов, все занятые делятся на штатных работников (69 %), предпринимателей (17 %) и фрилансеров (14 %) [4, с. 49]. Вместе с тем аспекты формирования и развития новых групп работников на уровне регионов остаются слабоизученными.

Результаты нашего исследования в регионах Среднего Поволжья восполняют пробелы в количественной и качественной информации о дифференциации занятого населения по критерию «автономность труда».

Занятое население в обследованных нами регионах так же, как и в целом по России, делится на три категории (табл. 1): штатные работники, которые работают по найму в штатах организаций и составляют большинство активного трудоспособного населения (72 %); предприниматели, которые имеют свой бизнес (15 %); и фрилансеры, которые осуществляют работу удаленно, по договору (13 %). Удельный вес фрилансеров и других групп занятого населения, выявленный в нашем исследовании, приближен к общероссийским показателям. Особый интерес представляют изменения удельного веса различных категорий работников в разных регионах, населенных пунктах и возрастных когортах (табл. 1).

Распределение занятого населения в территориальных и демографических сегментах характеризуется следующими особенностями:

– чем выше уровень экономического развития региона, тем больше доля штатных работников и меньше удельный вес фрилансеров; из трех обследованных регионов самая высокая доля работников, состоящих в штате организаций, в Татарстане. Это можно объяснить более стабильным рынком традиционного труда и наличием мест в организациях региона;

– чем крупнее город, тем больше удельный вес работников, которые трудятся по найму в организации; предпринимателей и чистых фрилансеров больше в малых и особенно в средних городах (24 против 13 % по всему массиву, табл. 1);

– свободная занятость в обследованных регионах – удел молодых людей: чем старше возраст занятого населения, тем меньше среди них фрилансеров (16–17 % в когорте от 18 до 30 лет; 5–7 % – среди работников старше 30 лет).

Таблица 1

Основные виды трудовой деятельности занятого населения
(в процентах от числа опрошенных, *n* = 1210)

Виды трудовой деятельности	**Всего**	**Населенный пункт**			**Регион**			**Возрастные когорты**			
		Крупный город	Средний город	Малый город	Ульяновская область	Самарская область	Республика Татарстан	18–24	25–30	31–45	46 и старше
Характер основной занятости											
Работаю по найму в штате организации (штатный работник)	**72**	**76**	46	62	69	66	**79**	71	75	**77**	72
Веду собственный бизнес (предприниматель)	15	13	**30**	**20**	16	**20**	13	12	9	16	**23**
Работаю удаленно (фрилансер)	13	11	**24**	**18**	15	14	8	**17**	**16**	7	5

В реальной практике свободная занятость не ограничивается чистым фрилансом (теми, кто работает удаленно и больше никак). Все активнее проявляют себя так называемые совместители, к которым относятся штатные работники и предприниматели, параллельно выполняющие разные виды работ удаленно, у других заказчиков. Среди фрилансеров-совместителей, кроме работающих граждан, находятся также студенты и домохозяйки. Включение всех категорий в анализ свободной занятости позволило нам избежать искусственной изоляции чистого фриланса. В исследовании текущей профессиональной деятельности, на наш взгляд, более эффективна концепция «портфеля работ» Ч. Хэнди, в контексте которой индивид сочетает разные формы труда, реализуя свои профессиональные, интеллектуальные и материальные потребности [5, с. 197–198].

Выявление работников, в разной степени и в разное время причастных к фрилансу, показало, что к ним относится половина респондентов (52 %). Анализ результатов опроса показал: «портфель работ» жителей крупных городов чаще включает в себя как традиционную работу по найму, так и самозанятость методом фриланса; такая практика менее характерна для жителей средних и малых городов. Совместителей много также среди молодых работ-

ников от 18 до 30 лет (табл. 2); сочетание разных видов занятости, по их мнению, дает больше уверенности в жизни благодаря повышению дохода, но не оставляет свободного времени для самообразования и досуга.

Таблица 2

Наличие опыта работы фрилансером среди занятого населения
(в процентах от числа опрошенных, *n* = 1210)

	Всего	**Населенный пункт**			**Регион**			**Возрастные когорты**			
		Крупный город	Средний город	Малый город	Ульяновская область	Самарская область	Республика Татарстан	18–24	25–30	31–45	46 и старше
Имеется ли у Вас опыт работы методом «фриланс»?											
Да, имеется	52	**56**	36	37	48	54	48	**60**	**57**	32	22
Нет, никогда этим не занимался	48	44	**64**	**63**	52	46	52	40	43	**68**	**78**
Наличие регулярной работы											
Да, имею регулярную работу и заработок	76	**81**	64	71	69	75	**81**	65	76	**82**	**84**
Нет, работа и заработок нерегулярные	24	19	**36**	29	**31**	25	19	**35**	24	18	16

В целом среди занятого населения обследованных регионов (Татарстан, Ульяновская и Самарская области) три четверти (76 %) имеют регулярную работу и заработную плату; четвертая часть (24 %) регулярной работой не располагает (см. табл. 2). В примерном приближении эта категория занятого населения состоит из «чистых фрилансеров», студентов, временно не работающих, домохозяек, которые в данный момент занимаются фрилансом. Таких представителей населения больше в средних и малых городах, среди молодежи, а также среди жителей Ульяновской области.

Удаленную свободную занятость больше половины опрошенных (60 %) рассматривают как перспективную форму труда; но лишь 14 % хотели бы работать исключительно методом фриланса; почти каждый второй (46 %) планирует работать официально в штате организации и подрабатывать фрилансом (табл. 3). Такое отношение к удаленной работе доказывает наличие социально-правовой незащищенности фриланса в России.

Перспективных фрилансеров больше среди жителей средних городов и молодых людей, находящихся в начале карьеры (18–24 года). Желающие совмещать работу по найму с фрилансом чаще проживают в крупных городах и относятся к молодым специалистам с опытом работы (25–30 лет): у них есть профессиональные амбиции, но нет обремененности большой семьей. Категорических противников фриланса больше среди работников старших воз-

растных групп (75 % в возрастной когорте от 46 лет и старше). Данные нашего анкетного опроса позволили более подробно описать социально-демографический и профессионально-отраслевой портрет фрилансеров в обследованных регионах.

Таблица 3

Отношение к фрилансу как к перспективной форме занятости
(в процентах от числа опрошенных, *n* = 1210)

	Всего	**Населенный пункт**			**Регион**			**Возрастные когорты**			
		Крупный город	Средний город	Малый город	Ульяновская область	Самарская область	Республика Татарстан	18–24	25–30	31–45	46 и старше
Собираетесь ли Вы работать фрилансером в перспективе?											
Да, буду работать только фрилансером	14	13	**23**	15	14	15	18	**25**	8	7	4
Да, буду работать в организации и подрабатывать фрилансером	46	**52**	34	45	45	48	36	45	**55**	44	21
Нет, не планирую заниматься фрилансом	40	35	43	40	41	37	**46**	20	47	**49**	**75**

Гендерные характеристики. Удельный вес мужчин среди фрилансеров регионов Поволжья несколько выше, чем удельный вес женщин (57 и 43 %) (табл. 4). Сравнение с общероссийскими показателями свидетельствует, что в целом по России «свободная занятость» намного чаще характерна для мужчин: две трети российских фрилансеров (68 %) – мужчины. Примерно такое же соотношение гендерных характеристик, как по России, в развитых регионах (Татарстан, Самарская область), а также в высоко оплачиваемых стратах – средних и обеспеченных. Женское лицо чаще имеют начинающие фрилансеры (58 %), бедные и малообеспеченные (55–56 %) (табл. 4).

Возраст. В России фриланс как форма занятости имеет ярко выраженную молодежную направленность: почти четыре пятых всех российских фрилансеров (79 %) – люди не старше 30 лет, а более половины (59 %) находятся в возрасте от 18 до 25 лет [4, с. 49–50]. Самыми юными являются фрилансеры, параллельно обучающиеся в вузе: 87 % из них нет пока еще и 23 лет, а средний возраст в этой группе составляет всего 20 лет. В регионах Поволжья молодые фрилансеры до 30 лет составляют также подавляющее большинство (88 %); совсем молодых, до 25 лет, больше среди работников Ульяновской области и тех, кто имеет низкие доходы (табл. 4).

Образование. Фрилансерами являются хотя и молодые, но достаточно образованные люди: 80 % свободно занятых работников в России имеют высшее образование. Для сравнения, если рассматривать работающее население России в целом, то доля этой группы находится на уровне 31–32 %.

Таблица 4

Социально-демографические характеристики фрилансеров в регионах Поволжья (в процентах от числа опрошенных, *n* = 1210)

	Всего	Характер фриланса			Регион			Уровень жизни фрилансеров			
		Начинающий	Временный	Постоянный	Ульяновская область	Самарская область	Республика Татарстан	Бедные	Мало-обеспеченные	Средние	Выше среднего
Пол											
Мужской	57	42	55	**74**	51	**68**	**63**	44	45	**64**	**63**
Женский	43	**58**	45	26	49	32	37	**56**	**55**	36	37
Возраст											
18–24	43	31	42	49	**51**	31	34	**72**	43	36	33
25–30	45	46	47	40	39	**52**	49	19	48	47	29
31–45	7	**16**	8	7	5	7	**14**	4	3	**13**	**23**
46 и старше	5	7	3	4	5	**10**	3	5	6	4	**15**
Образование											
Среднее	5	**13**	4	4	4	3	**10**	8	7	4	3
Среднее специальное	26	19	**31**	14	22	25	29	35	29	19	24
Высшее	67	63	64	**81**	**72**	**71**	58	55	62	**76**	**72**
Имеют ученую степень	2	5	1	1	2	1	3	2	2	1	1

В регионах Поволжья (Татарстан, Ульяновская и Самарская области) фрилансеры с высшим образованием и даже ученой степенью также преобладают (69 %) (табл. 4); при этом почти треть свободно занятых имеет среднее или среднее специальное образование. Образовательный потенциал фрилансеров тесно связан с уровнем жизни: чем выше уровень доходов данной категории работников, тем весомее образовательный капитал; три четверти свободно занятых работников, принадлежащих к средним и обеспеченным слоям, имеют высшее образование.

Сегодня в России выделился ряд *профессий*, представители которых могут трудиться в удаленном режиме. Главными условиями для такой деятельности являются: возможность представления результатов в цифровом виде, чтобы их можно было передавать на расстояние с помощью компьютерных сетей, а также отсутствие необходимости частых личных контактов с клиентом.

Более распространенным среди фрилансеров является техническое высшее образование, а также профессии в сфере информационных технологий (38 %). Эта категория свободно занятых специализируются на разработке и поддержке веб-сайтов и программировании. Треть опрошенных фрилансеров (31 %) – представители творческих и художественных специальностей; содержание выполняемых ими проектов связано с дизайном, графикой,

видео- и фотосъемкой. Пятая часть фрилансеров в обследованных регионах (19 %) имеет гуманитарную специальность и специализируется на написании текстов, переводах. Представители экономико-социальных наук (12 %) чаще работают в сфере маркетинга, рекламы и бухучета.

Распределение сфер приложения усилий фрилансеров на общероссийском рынке услуг отличается более высокой, чем в регионах Поволжья, востребованностью удаленных работ по графике, дизайну, верстке и съемке роликов (41 % от числа российских фрилансеров); на втором месте – услуги по разработке и поддержке веб-сайтов, программированию (34 %); на третьем месте – работы, связанные с переводами, копирайтом и PR-сопровождением (15 %); завершают перечень удаленных видов работ маркетинговые и финансовые услуги (10 %) [4, с. 49].

Состав семьи. Несмотря на молодой возраст, примерно половина фрилансеров (51 %) имеет семью; при этом только у трети опрошенных (31 %) брак официально зарегистрирован. Каждая четвертая семья (25 %) респондентов имеет детей дошкольного и школьного возраста. Чаще семьи с детьми встречаются среди начинающих фрилансеров (38 %), малообеспеченных (39 %) и проживающих на территории Республики Татарстан (33 %). Более обеспеченные фрилансеры проживают в семьях, состоящих из взрослых людей трудоспособного возраста; таких семей больше среди свободно занятого населения Самарской области (71 против 62 % по всему массиву). Высокая материальная обеспеченность в России слабо коррелирует с наличием несовершеннолетних детей.

Требования к работе. Наиболее важным мотивом труда для фрилансеров является «хорошо оплачиваемая работа». Данный фактор важен для 89 % опрошенных, а в мегаполисах и развитых регионах – до 97 % (табл. 5). На втором месте – «интересная работа»: ее отметили более 80 % всех свободно занятых. Этот мотив отодвинул на третье место такой важный фактор, как «самостоятельное планирование труда» (72 %), который обладает первостепенной значимостью в информационном обществе и экономике знаний. Фрилансеры чаще стремятся к высвобождению временных ресурсов за счет самоорганизации; четвертое место в ряду их трудовых ценностей занимает «наличие времени для других занятий» (34 %). На пятом месте характеристики содержания и условий труда – инициативная работа, дающая профессиональный рост и хорошие условия труда (20–24 %). Последние показатели для штатных работников почти в 1,5–2 раза выше; данный факт свидетельствует о том, что выбранная форма свободной занятости позволяет фрилансерам сочетать свои желания с возможностями.

Характер профессиональной деятельности. Согласно исследованиям свободной занятости, которые проводит НИУ «Высшая школа экономики», профессиональная структура удаленной работы изменилась за последние десять лет: существенно выросла доля занимающихся работой с текстами, а также доля занятых маркетингом и инжинирингом; снизилась доля фрилансеров, занятых разработкой и поддержкой сайтов и графикой [6, с. 49–50]. Данная тенденция характерна и для заказов свободно занятых в обследованных регионах. Результаты нашего исследования позволили выявить конкретные виды работ, которые выполняют фрилансеры в регионах Среднего Поволжья (рис. 1).

Таблица 5

Требования фрилансеров к содержанию профессиональной деятельности
(в процентах от числа опрошенных, *n* = 1210)

Трудовые ценности и мотивы	**Категории работников**		**Регион проживания фрилансеров**		
	Штатные работники	**Фрилансеры**	**Ульяновская область**	**Самарская область**	**Республика Татарстан**
Интересная	63	**81**	69	82	95
Обеспечивающая карьеру	12	11	10	9	26
Дающая профессиональный рост	25	20	**28**	17	21
Предполагающая инициативу	27	24	**31**	14	**29**
Полезная обществу	7	5	6	3	**8**
Хорошо оплачиваемая	75	**89**	89	87	**91**
С хорошими условиями труда	**33**	24	25	26	15
Престижная	7	6	7	5	6
Дающая время для других занятий (семья, учеба, хобби)	18	34	24	28	**39**
Позволяющая самостоятельно планировать процесс труда	31	**72**	65	69	**75**

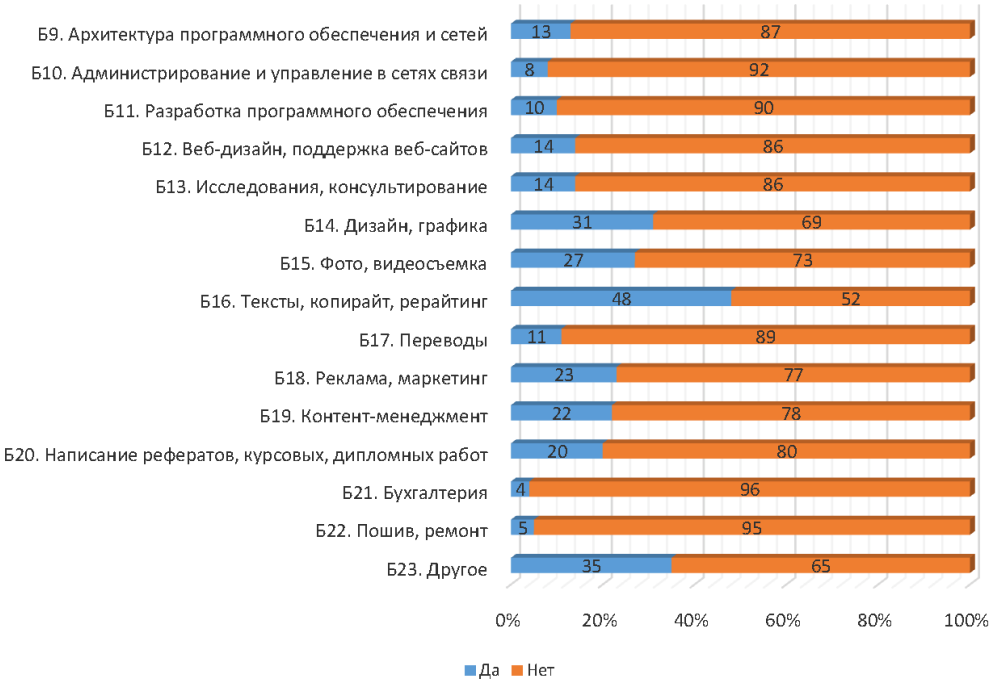

Рис. 1. Виды работ, выполняемые фрилансерами в регионах Поволжья
(в процентах от числа опрошенных фрилансеров; *n* = 1210)

Фрилансеры не склонны к минимизации трудовых затрат. Наиболее привлекательными составляющими удаленной работы они считают самостоятельное планирование работы и гибкий график (62 %), свободу выбора технологий выполнения заказа (57 %) и заработок (37 %). Остро стоит вероятность обмана со стороны заказчика, особенно в Самарской области. На это указали 60 % опрошенных; для сравнения: 48 % в Ульяновской области, 45 % в Республике Татарстан; на таком же уровне в мегаполисах России – 42 % в Москве и Санкт-Петербурге [6, с. 54]. Тревожная ситуация прослеживается в показателях отсутствия социальных гарантий: на эти трудности указали 57 % фрилансеров в Самарской области; 27 % – в Ульяновской, 33 % – в Татарстане.

Больше половины фрилансеров находят работу через друзей и близких; онлайн-биржами фриланса пользуется только треть свободно занятых в регионах Поволжья (35 % опрошенных). Появляются новые способы найти проекты – мероприятия, личные сайты, персональные рекомендации, но тем не менее абсолютное большинство работает с организациями своего региона. На это указали 82 % респондентов.

Уровень материальной обеспеченности. Главная проблема, по мнению фрилансеров всех регионов, – нестабильность денежных доходов; в среднем ее отметили 70 % свободно занятых. Стабильные доходы имеет лишь пятая часть фрилансеров. Наиболее благоприятная ситуация складывается у работников, совмещающих фриланс с занятостью в штате организации. У них есть «подушка безопасности» в виде заработной платы, а доходы от фриланса играют роль приработка. С наибольшими колебаниями в уровне материальной обеспеченности сталкиваются «чистые фрилансеры» и люди, совмещающие фриланс с предпринимательством: лишь каждый четвертый из них подтверждает достаточный уровень дохода каждый месяц.

Доходы региональных фрилансеров существенно различаются – от 10 до 50 тысяч рублей в месяц. Среди тех, кто зарабатывает 10–25 тысяч, больше всего молодых людей, выполняющих несложные виды работ и зарабатывающих на личные расходы. Среди тех, кто получает более 50 тысяч рублей в месяц и более, больше «постоянных фрилансеров» (имеющих в год не менее 10–12 проектов); для них этот заработок является основным. Малообеспеченные фрилансеры составляют 42 %; среднедоходные – 40 %; высокообеспеченные – 18 %. Следует подчеркнуть: доля среднедоходных групп среди свободно занятых выше, чем в социально-трудовой структуре населения обследованных регионов [7, с. 37].

Итак, социально-демографические и профессиональные характеристики свободно занятых работников поволжских регионов характеризуют их как группу, обладающую высоким человеческим капиталом: большинство из них в возрасте до 30 лет, имеет высшее образование и далеко идущие планы. Свободно занятые отличаются от других групп наемных работников ценностными и поведенческими характеристиками; по уровню дохода и характеру профессиональной деятельности они составляют новый потенциал среднего класса регионов.

Можно выделить два типа фрилансеров по их социально-статусным характеристикам. *Первый тип* – «постоянные фрилансеры» (15 % от общего числа занятого населения), обладают постоянным доходом, дорожат репутацией, позитивно оценивают будущее. *Второй тип* – «временные фрилансе-

ры» (35 %), решают текущие проблемы за счет совмещения видов деятельности. Увеличение доли постоянных фрилансеров, их влияния возможно в условиях развития информационных технологий в регионах и повышения социально-правовой защищенности этой категории работников.

Список литературы

1. **Дюркгейм, Э.** О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 576 с.
2. **Вебер, М.** Положение сельскохозяйственных рабочих в Восточно-Эльбской Германии / М. Вебер // Социологические исследования. – 2005. – № 11. – С. 121–128.
3. **Уорнер, У. Л.** Корпорация в эмерджентном американском обществе / У. Л. Уорнер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. – 1999. – № 2. – С. 160–205.
4. **Стребков, Д. О.** Фрилансеры на российском рынке труда / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук // Социологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 45–56.
5. **Хэнди, Ч.** Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего / Ч. Хэнди. – СПб. : Питер, 2001. – С. 196–210.
6. **Вязникова, В. В.** Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения / В. В. Вязникова, Д. О. Стребков // Социологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 41–64.
7. **Власова, Е. М.** Средний класс в структуре регионального социума (на примере регионов Среднего Поволжья) / Е. М. Власова, О. В. Шиняева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 4. – С. 35–44.

References

1. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On division of social labor]. Moscow: Nauka, 1991, 576 p.
2. Veber M. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2005, no. 11, pp. 121–128.
3. Uorner U. L. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. National and foreign literature. Series 11. Sociology]. 1999, no. 2, pp. 160–205.
4. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. 2010, no. 4, pp. 45–56.
5. Khendi Ch. *Vremya bezrassudstva. Iskusstvo upravleniya v organizatsii budushchego* [Age of recklessness. Art of management at future organizations]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, pp. 196–210.
6. Vyaznikova V. V., Strebkov D. O. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. 2009, no. 4, pp. 41–64.
7. Vlasova E. M., Shinyaeva O. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 4, pp. 35–44.

Шиняева Ольга Викторовна
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет
(Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: olses@rambler.ru

Shinyaeva Olga Viktorovna
Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of political sciences, sociology and public relations, Ulyanovsk State Technical University
(32 Severny Venets street, Ulyanovsk, Russia)

Полетаева Ольга Владимировна
аспирант, Ульяновский государственный технический университет
(Россия, г. Ульяновск,
ул. Северный Венец, 32)

Poletaeva Olga Vladimirovna
Postgraduate student, Ulyanovsk State Technical University
(32 Severny Venets street,
Ulyanovsk, Russia)

E-mail: ovpoletaeva@mail.ru

УДК 316.343.652

Шиняева, О. В.

Профессионально-отраслевой и демографический состав свободно занятых работников в регионах Поволжья / О. В. Шиняева, О. В. Полетаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 73–85.

УДК 316.334

Ю. А. Семенова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование взаимоотношений предпринимательских структур и институтов государства в развитых и развивающихся странах показало, что их конструктивное взаимодействие является важнейшим фактором успешного социально-экономического роста. В представленной статье рассмотрены проблемы взаимоотношений предпринимательских структур и институтов власти. Автором проанализирована современная модель отношений между властью и предпринимательством. Представлен ряд рекомендаций по совершенствованию складывающейся практики функционирования органов региональной власти и бизнеса по претворению в общественную жизнь совместных социальных проектов.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа состояния и тенденций развития регионального предпринимательства. Использованы данные статистических исследований.

Результаты. В результате взаимодействия с бизнесом власть в значительной степени решает вопрос социальной напряженности в обществе, подобное сотрудничество приводит к росту дохода регионального бюджета. Для бизнеса выполняется важная часть развития – рост инвестиционной привлекательности, создание налоговых послаблений и лояльности со стороны власти.

Выводы. Развитие регионального предпринимательства невозможно без соответствующей государственной политики, принятия системы законов, финансовой поддержки субъектов малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, региональное предпринимательство, малый и средний бизнес, экономическое и социальное развитие.

Yu. A. Semenova

INTERACTION OF GOVERNEMENT INSTITUTIONS AND ENTREPRENEURS

Abstract.

Background. A research of interrelations between entrepreneurs and government institutions in developed and developing countries has shown that constructive interaction is one of most important factors of successful socioeconomic growth. The article considers problems of interaction between entrepreneurs and government institutions. The author has analyzed the modern model of relations between the authorities and entrepreneurs, presented a number of recommendations on improving the emerging practice of regional government bodies' functioning and business, consisting in implementation of joint social projects.

Materials and methods. The research tasks were realized on the basis of the analysis of condition and development trends of regional entrepreneurship. The author used statistical research data.

Results. As a result of interaction with business, the authorities to a large extent resolve the problem of social tension in the society; this kind of cooperation leads to growing regional budget incomes. Business receives an important part of development – growing investment attractiveness, creation of tax concessions and loyalty from the authoroties.

Conclusions. Regional entrepreneurship development is impossible without proper government policy, adoption of a system of laws, financial aid to small and medium-sized businesses.

Key words: entrepreneurship, regional entrepreneurship, small and medium-sized business, economic and social development.

Исследование взаимоотношений предпринимательских структур и институтов государства в развитых и развивающихся странах показало, что их конструктивное взаимодействие является важнейшим фактором успешного социально-экономического роста. В условиях экономического кризиса целевой функцией макроэкономической политики России становится переход экономики с сырьевого на инновационный путь развития и обеспечение устойчивого экономического роста. Малое предпринимательство представляет собой одну из самых массовых форм бизнеса; при эффективной политике именно малое предпринимательство в значительной мере определяет социально-экономическое и инновационное развитие страны. Малое предпринимательство – в силу своих особенностей – наиболее чувствительно к изменениям внешней среды и является весьма рискованным видом деятельности, особенно в условиях нестабильно функционирующей экономики [1, с. 38]. Предприниматель – один из важнейших акторов любых рынков, потому что предпринимательская деятельность – целенаправленный поиск, открытие и использование возможностей. Предпринимательские стратегии строятся на сочетании рационального и эмоционального, использовании формальных и неформальных институтов, рыночных и сетевых ресурсов, в поле применения различных социологических концептов. Предприниматели – одна из немногих социальных групп, обладающих возможностью влиять на социально-экономическое развитие России, предвидеть будущее [2, с. 190]. Изучение предпринимательства современной России имеет важное теоретическое и практическое значение. Анализу различных аспектов регионального предпринимательства посвящены работы М. С. Васянина [3], З. М. Дыльновой, Ю. А. Семеновой [4], Г. Б. Кошарной [5] и др.

В эффективно функционирующей экономике предпринимательство выполняет ряд функций. Перечислим некоторые из них: способствует развитию рыночных отношений, поскольку по своей природе антимонопольно; обеспечивает политическую и социальную стабильность; сглаживает последствия структурных изменений в экономике, особенно в период кризиса; способствует уменьшению уровня безработицы, обеспечивая население новыми рабочими местами; содействует развитию частного бизнеса и мотивирует граждан на ведение предпринимательской деятельности; привлекает накопления людей в инвестиции; подготавливает кадры; создает здоровую конкуренцию; способствует внедрению инноваций [6, с. 5].

После установления благоприятных условий для существования предпринимательства сложились определенные социально-экономические характеристики, присущие российскому предпринимателю. Серия опросов, проведенных, в том числе, и автором, среди предпринимателей помогла выявить эти характеристики. Из анализа результатов можно сформировать образ типичного владельца малого предприятия: мужчина 30–40 лет, закончивший высшее учебное заведение по техническим дисциплинам, лишившийся рабо-

ты по специальности или не имеющий достаточно средств для обеспечения семьи. 30–40 лет – это оптимальный возраст для руководства малым предприятием. В данную категорию попадает наибольший процент руководителей – 44,4 %. Оставшиеся доли поделили граждане старше 50 лет (5,1 %) и молодые люди до 25 лет (5,7 %). Подобное распределение имеет несколько явных причин. Назовем важнейшие из них: во-первых, чтобы заниматься предпринимательством необходимо наличие образования и жизненного опыта; во-вторых, запас физических сил и энергии крайне важен для ведения бизнеса.

В рядах индивидуальных предпринимателей средний возраст оказался больше – 35–45 лет, что составляет 31 % от общего числа владельцев ИП.

Подавляющее большинство малых предпринимателей закончили вуз (69,7 %), из них 51,2 % граждан с высшим техническим образованием. Поскольку большинство предпринимателей старше 30 лет, примем во внимание, что они получали образование еще в Советском Союзе. Наибольшие проценты по типу занятости до открытия своего дела распределились следующим образом: инженеры и работники иных технических сфер – 29 %, служащие – 14,3 %. Это еще раз подтверждает мысль о том, что наличие образования, особенно технического, благоприятно влияет на возможность и решение россиян открыть собственное дело. Остальные сферы деятельности распределились таким образом: руководители – 11,7 %; рабочие – 9,3 %; экономисты – 7,7 %; учащиеся – 7 %; безработные – 7 %; военнослужащие – 4 %.

Недостаточный для проживания доход заставил большую часть респондентов (30 %) уйти в предпринимательство. Почти поровну поделили между собой проценты две следующие причины основать бизнес: недовольство предшествующими условиями труда и стремление к самостоятельности (28 %); желание самореализации на фоне выполнения неинтересной работы (25 %). Стоит отметить и группу «вынужденных» предпринимателей, пришедших в бизнес безработных, которыми двигала необходимость улучшить свое финансовое положение.

Почти все предприниматели организовывают бизнес «с нуля», т.е. регистрируют совершенно новые фирмы, компании и т.д. (98,3 %). Лишь 1,7 % образовались в результате дробления какого-либо предшествующего дела. Личные сбережения граждан – финансовая основа большинства предприятий, а также в открытии дела участие принимают средства родственников и друзей.

Кардинальных изменений в социально-экономической структуре за последние пять лет выявлено не было. Среди новых тенденций можно отметить почти полное исчерпание источника пополнения кадров инженерно-техническими работниками (ИТР), получившими образование при плановой экономике. Сейчас появляется все больше людей (и они все больше востребованы) с высшим экономическим образованием и опытом работы по найму. Они сознательно делают ставку на предпринимательство как путь строительства карьеры. Это и адаптация к изменениям в экономике, особенно к тем, которые ведут к ухудшению положения.

Развитие малых предприятий послужило росту использования Интернета, специального программного обеспечения, методик активного продвижения на рынке товаров и услуг.

На характер рынка труда большое влияние оказывает сфера оказания услуг. В 2007 г. 138 тыс. из 1137,4 тыс. предприятий малого бизнеса производило продукцию (12 %), все остальные оказывали услуги. Это связано с тем, что оказание услуг требует менее высокой подготовленности от работников, что породило и негативную тенденцию снижения требований к квалификации кадров. Однако трудящиеся готовы отказаться от получения и повышения уровня квалификации в обмен на высокий доход. Особенно эта модель поведения ярко видна в кризисное время.

Малый бизнес чувствителен к колебаниям конъюнктуры. В период спада устойчивость обеспечивает отбор персонала на неформальной основе, предпочтение отдается родственникам, друзьям и сослуживцам. При таком подходе обостряется проблема квалификации персонала. Руководители находят надежность работников более важной чертой, чем профессионализм. В кризисный период возрастает количество работников, трудящихся на условиях неполной или временной занятости [7, с. 29].

Поскольку разные регионы РФ сильно отличаются по экономическому развитию, их рынки труда не одинаковы по объему и структуре. Занятость в малом предпринимательстве практически прямо пропорциональна общей занятости в экономике федеральных округов. Таким образом, с уровнем развития региона связана и занятость на малых предприятиях. В большинстве регионов жизнь населения сосредоточена в городах, сельского населения значительно больше, чем городского, только в девяти регионах. Еще в девяти сельское население составляет большой процент, но не доминирует. Для них всех характерна низкая экономическая активность населения, хотя все они относятся к разным группам уровня занятости. Такая ситуация сложилась из-за того, что большинство имеет личные подсобные хозяйства и преимущественно занято в них. Это и является главной причиной низкой экономической активности населения, но зато способствует выживанию отдельных групп граждан.

В конце 2014 г. в Интернете был опубликован рейтинг регионов России по уровню качества жизни, составленный экспертами РИА «Рейтинг». Рейтинг строился с учетом показателей, фиксирующих фактическое состояние условий жизни и ситуацию в различных социальных сферах. В Саратовской области уровень жизни за год снизился на пять пунктов в целом по показателям. По большинству позиций Саратовская область весьма уступает своим соседям, особенно Самарской области. Наиболее сокрушительное поражение терпит регион в сравнении с соседями в вопросе развития предпринимательства. Возможности для развития в Самарской области оцениваются в 45,6 балла, в Саратовской области – всего лишь в 27,3 балла. Важным фактором развития малого предпринимательства является поддержка со стороны государства. Его основная задача в этом вопросе сводится к созданию институциональных условий, установлению правил, которые способствовали бы успешному развитию этому новому институту. В 1990-е гг. в правовой среде, в которой развивалось предпринимательство, постоянно происходили кардинальные изменения. Законодательство стало относительно стабильным после 2004 г. Оно еще требует доработок, но тем не менее дает базу для развития.

Обеспечение прав собственности является не менее важной задачей государства в вопросе поддержки малого бизнеса и рыночной экономики.

От реформы экономики значительно отстала реформа правоохранительной системы. К началу преобразований она не обладала подходящими инструментами и не наработала практику защиты частной собственности. В результате своего рода переворота в государственной системе появился класс владельцев госсобственности, ставшей частной.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос с целью определения основных проблем, которые тормозят предпринимательское развитие. Наибольшие трудности вызывает ситуация в поле судебно-правовой защиты. Благоприятным условием развития частного бизнеса лишь в семи из 80 регионов респонденты указали возможность решения спорных вопросов через судебно-правовую систему. Уверенность в возможности защитить законным путем свой бизнес вопреки интересам региональных властей имеют лишь 0,7 % российских предпринимателей. 68,8 % считают это невозможным или воспринимают эти шансы как минимальные. Напрашивается вывод: сообщество предпринимателей уверено, что коррупция препятствует возможности отстаивания прав собственников и бизнесменов в рамках правового поля через судебную систему.

В данный период в сфере предпринимательства занято 26 млн человек. Предположительно, что около 6 млн человек, работающих на индивидуальных предпринимателей по условиям временного найма, являются гражданами стран СНГ. Статистика не позволяет выделить точное количество иностранных граждан, трудящихся на малых предприятиях, но наличие рабочих мест, занятых ими, не ставится под сомнение. По этим данным можно рассчитать ориентировочное количество россиян, занятых в сфере предпринимательства. Эта цифра равна 20 млн человек, что составляет 26,4 % от экономически активного населения, или 14 % от общей его численности.

Если рассматривать предпринимательский климат в России в 2013 г., то ВЦИОМ провел всероссийский опрос. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах и 42 областях, краях, республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3–4 %. За последние четыре года россияне стали более негативно оценивать условия для развития частного предпринимательства в своем населенном пункте, плохими их считают 55 %. Большинство россиян, не имеющих собственного бизнеса, сообщают, что не планируют и в будущем обзаводится своим делом (72 %), в 2011 г. таких было 65 %. Относительное большинство тех, кто имеет опыт предпринимательской деятельности, оценивает его как удовлетворительный (47 %).

Мониторинг публикаций в социальных сетях проведен агентством «Социальные сети» в мае 2013 г. Мониторинг проведен с помощью открытых поисковых систем (Blogs.Yandex.ru) и собственного поискового механизма. Всего обнаружено 486 релевантных публикаций на заданную тему. Оценка возможностей для открытия и развития малого предпринимательства и малого бизнеса можно характеризовать как нейтральные (77 % сообщений). В рамках дискуссии о возможностях развития частного бизнеса пользователи социальных медиа чаще всего высказывали мнения о предпосылках и перспективах организации бизнеса (42 %). Также обсуждался личный опыт, и высказывалось желание организовать свой бизнес (24 и 23 % соответственно).

Всемирный банк опубликовал аналитический доклад «Ведение бизнеса в 2014 году». Российская Федерация за минувший год значительно улучшила

свои позиции и поднялась со 112-го на 92-е место в рейтинге (всего 189 мест). По степени благоприятности условий для предпринимательской деятельности страна занимает место между островным государством Барбадос (91-е место) и Сербией (93-е место). В целом Россия улучшила условия ведения бизнеса из десяти показателей, рассматриваемых в исследовании, при этом результаты нового доклада оказались для страны лучшими за всю историю наблюдений. Тем не менее впереди России в рейтинге по-прежнему находятся почти все хоть сколько-нибудь экономически развитые страны мира. Ключевые показатели РФ таковы. По показателю простоты регистрации бизнеса страна занимает 88-е место в мире, по показателю простоты регистрации прав собственности – 17-е место; по уровню кредитования – 109-е место; по уровню защиты инвесторов – 115-е место; по уровню налогообложения – 56-е место; по показателю легкости ведения международной торговли – 157-е место; по показателю простоты ликвидации предприятий – 55-е место; по показателю простоты подключения к системе электроснабжения – 117-е место; по показателю простоты получения разрешения на строительство – 178-е место.

Предпринимательское сообщество не может оставаться в стороне от актуальных проблем страны, которые напрямую затрагивают бизнес. Демографический кризис в современной России привел к длительной и устойчивой депопуляции населения. Начиная с 1992 г. в России ежегодно наблюдается убыль населения. По данным Росстата, за 17 лет (1992–2008 гг.) за счет естественной убыли мы потеряли около 13 млн человек. Инициированная Президентом и Правительством РФ демографическая политика улучшила ситуацию. Однако сохраняется естественная убыль населения (249,4 тыс. человек в 2009 г.). Грядущие изменения в возрастной структуре населения, обусловленные его предшествующим воспроизводством, неизбежно приведут к сокращению числа рождений и росту числа смертей, к росту демографической нагрузки на работающее население в ближайшей перспективе. По прогнозу Росстата, численность трудоспособного населения в ближайшие десять лет снизится с нынешних 86,1 млн человек почти на 7,7 млн человек. Демографическая нагрузка на трудоспособное население вырастет почти на 30 % – с 644 до 831 человека на тысячу человек.

В этой ситуации необходимо новая социально-демографическая политика на основе партнерства государства и социально ответственного бизнеса, направленная на рост рождаемости и поддержку семей с детьми. Госполитика поддержки семей с детьми позволила исправить демографическую ситуацию, но мы находимся только в начале пути. Совсем скоро мы столкнемся с последствиями так называемой «демографической ямы» из-за низкой рождаемости в 90-х гг. прошлого века. Нынешнее поколение пятнадцатилетних почти в два раза уступает поколению двадцатипятилетних. Это значит, что уже через несколько лет начнется серьезная конкуренция за молодые кадры, причем она затронет не только работодателя, но и окажет влияние на все сферы социально-экономической политики. Поскольку на одно и то же молодое поколение государство возлагает повышенное ожидание роста рождаемости и экономической активности, нужны специальные меры, стимулирующие совмещение профзанятости и воспитания детей, прежде всего для женщин, а также система услуг по уходу за детьми в возрасте до трех лет.

В этих условиях, на наш взгляд, должна быть создана возможность для бизнеса участвовать в развитии социальных услуг, что является одним из направлений социального предпринимательства. Сейчас на уровне федерального Правительства решается вопрос о выделении дополнительных средств на формирование сети муниципальных дошкольных учреждений. Всего на 2013–2016 гг. требуется 541 млрд рублей. Из них 281,5 – из федерального бюджета и 259,5 – из региональных. Но не проще ли создать условия для развития частного сектора в соцсфере при финансовом участии государства?

Опыт развития таких организаций в России показывает: одно место в частном учреждении обходится в 350 тыс. рублей, что почти вдвое дешевле, чем в госсекторе. Необходимо разрешить коммерческим организациям оказывать услуги дошкольного образования в качестве основного вида деятельности. Но ФЗ «Об образовании в РФ» (ст. 21) ограничивает их возможность, что затрудняет развитие этой сферы. Закон в нынешнем виде не позволяет компенсировать расходы негосударственных организаций и предпринимателей, предоставляющих услуги по уходу и присмотру за детьми, что сдерживает формирование благоприятных условий для совмещения родителями трудовой занятости и воспитания детей. Скорейшее решение этого вопроса будет способствовать улучшению демографической ситуации в регионах. Ведь, по оценкам экспертов, доступность социальных услуг для детей – один из главных факторов, способствующих росту рождаемости.

Гармонизация политики в области рождаемости и занятости чрезвычайно актуальна для России. По данным крупномасштабного социологического исследования [8, с. 233], женщины хотят совмещать материнство и занятость, готовы к рождению второго ребенка только при условии сохранения возможности работать в сфере оплачиваемой занятости. Фактор занятости конкурирует с материальным фактором на равных. Кроме того, уровень образования и профессиональный рост матери положительно влияет на рост и развитие детей [9, с. 55]. Следовательно, нужны такие меры, которые позволяли бы экономить время современной образованной и занятой женщины, успешно сочетать занятость и родительство. На наш взгляд, набор таких мер включает следующие компоненты: гибкие формы занятости на рынке труда, поддержку родительства (как материнства, так и отцовства), развитие системы государственных и частных услуг по уходу за ребенком. Таким образом, современная демографическая политика в развитых странах немыслима без гармонизации занятости и родительства. Однако ни один из перечисленных компонентов на сегодняшний день не является приоритетным направлением демографической политики России.

Проводя анализ роли органов власти субъектов Федерации в вопросе их институциональной вовлеченности, стоит брать во внимание, что одна из основных ролей местной администрации – это реализация политической воли центра. Таким образом, она выступает как агент Правительства в вопросе защиты прав граждан, в производстве и реализации общественного блага, необходимость и размер которого продиктованы общественным договором [7, с. 4]. Выступая двигателем единой социальной политики в сфере экономики, местные власти регионов призваны сохранять единство экономического пространства, реализуя при этом единые для всей страны принципы осуществления экономического развития [10, с. 17]. С другой стороны, местные

органы власти действуют в интересах жителей конкретного региона. Они обязаны действовать в интересах собственного населения. Для Российской Федерации свойственно обширное разнообразие субъектов Федерации, каждый из которых обладает своим колоритом и соответствующей спецификой. Таким образом, на уровне регионов местные ресурсы способствуют расширению некоторых экономических свобод для эффективного использования этих ресурсов с учетом условий их восстановления.

В странах с организацией по принципу федеративного разделения власти эта функция будет иметь одно из основополагающих значений, в первую очередь при реализации основных прав и свобод, решения споров, совершенствования общих правил взаимодействия, а также при производстве блага, основным из которых будет капитал человека [11, с. 20].

Можно выделить три группы регионов по наличию и специфике роли крупного предпринимательства при осуществлении социальных функций. В первую группу входят регионы с главенствующим положением крупного бизнеса, во вторую – с заметной его долей, в третью – без значительного присутствия крупного предпринимательства. Инвестиции, реализуемые в социальной сфере, в краткосрочном периоде являются дополнительными издержками и приводят к снижению конкурентоспособности компании. Такой путь избирают в основном «мощные» корпорации, обладающие большими резервами, стабильностью, значительными материальными ресурсами, конкурентными преимуществами. Наблюдается, что в тех регионах, где крупный бизнес играет ведущую роль, имеется высокая заработная плата, вопрос социальных проблем стоит не так остро. Бедные в них – это те группы населения, которые наиболее социально уязвимы. К ним относятся неполные и многодетные семьи, семьи с безработными членами, пенсионеры. Защитой этих граждан в данном случае должна заниматься региональная власть, которая имеет значительные доходы от налогов, которые она может и должна направлять на проведение социальной политики. В регионах со схожей ситуацией социальное партнерство не может быть основным инструментом. Максимальный результат от социального партнерства может быть в так называемых «срединных регионах», поскольку в них большая часть занятого населения относится к бедным. Крупные компании, холдинги в таких регионах, как правило, занимают значительное место, но не превалируют. Политика социального партнерства должна учитывать интересы крупного предпринимательства и наличие у него ресурсов, особенно в тех регионах, где наблюдается экспансия крупных бизнес-групп. В отстающих регионах крупный бизнес отсутствует или представлен в малом количестве. В этом случае забота о населении в рамках социальной защиты ложится на государство.

Современная модель отношений между властью и предпринимательством выражена в трех способах взаимодействия, в трех зонах: «белой», «черной» и «серой». «Белая» относится к формальной практике и заключена в административном и экономическом регулировании бизнеса: регистрация, лицензирование, контроль исполнения норм, проведение конкурсов по распределению госзаказов, управление налоговыми отношениями и пр. «Черная» область – это неформальные отношения криминального характера, в том числе коррупция. «Серая» зона включает в себя неформальные «сборы» с предпринимательства, непосредственно не связанные с коррупцией, а также

торг с властью [12, с. 178]. Именно в «серой» зоне социально-экономическое партнерство власти и предпринимательства проявляет негативные черты. Власть, действуя вопреки законодательству, строит партнерские отношения на основе своих публичных функций. Предпринимательство, стремясь выжить, участвует в дофинансировании и пытается вынудить властные органы предоставить лучшие условия для ведения деятельности. При этом обе стороны стремятся сосуществовать на общей территории [13, с. 28].

Требования власти к предпринимательству в неформальном секторе в виде материальных вливаний, которые должны идти на поддержание территорий, могут закрепляться с помощью нижеуказанных способов:

– Заключение соглашений о сотрудничестве. По внешнему выражению такие договоры являют собой партнерские отношения, но фактически они закрепляют за крупными компаниями одностороннюю ответственность. К тому же такого рода соглашения означают, что бизнесмены готовы сотрудничать с властями, содействуя установлению и сохранению благоприятного климата для их компаний.

– Учреждение различных фондов для проведения дополнительных отчислений, которые аккумулируют квазианалоговые платежи бизнеса, не фиксируемые законом. Такие фонды учреждены на территории многих образований [14, с. 125].

– Прямое финансирование предпринимательством социальных проектов, которые именуются «организованным спонсорством» или «спонсорской помощью». В отличие от предыдущего типа сборов, эти носят целевой характер. В данном случае «взносы» выражаются преимущественно в натуральной форме. Этот механизм работает по следующей схеме. Представители органов власти распределяют между бизнесменами запланированные расходы. Гарантия поступления этих средств обеспечивается различными неформальными стимулами или угрозами. К предпринимателям, которые не желают сотрудничать, применяются прямые и косвенные санкции: установление дополнительных преград, сознательное затягивание сроков в принятии решений, полезных для данного предпринимателя, увеличение количества и степени тщательности проверок и т.п. [15, с. 112]. Один из самых распространенных приемов – давление на бизнес через контрольные органы.

В результате взаимодействия с бизнесом власть в значительной степени решает вопрос социальной напряженности в обществе, подобное сотрудничество приводит к росту дохода регионального бюджета. Для бизнеса выполняется важная часть развития – рост инвестиционной привлекательности, создание налоговых послаблений и лояльности со стороны власти. В итоге развивается человеческий капитал определенной территории, поскольку бизнес обеспечивает рабочие места, тем самым снижая уровень безработицы, что, в свою очередь, повышает материальный уровень граждан.

При этом и власти, и предпринимательству необходимо выполнять определенные функции. Для региональной власти это гарантированная защита прав гражданина и личности и формирование единой политики развития региона для создания общественного блага. Для бизнеса это будет выражено в материальных вложениях в развитие инфраструктуры и участие в социально значимых проектах.

Список литературы

1. **Летов, О. В.** Этос предпринимательства / О. В. Летов. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – 38 с.
2. **Вавилов, О. О.** Предпринимательство как социальный институт / О. О. Вавилов // Регионология. – 2007. – № 3. – С. 190–196.
3. **Васянин, М. С.** Ценности предпринимательского слоя современной России / М. С. Васянин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2.
4. **Дыльнова, З. М.** Проблемы развития регионального предпринимательства в современном российском обществе (на примере Саратовской области) / З. М. Дыльнова, Ю. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 96–102.
5. **Кошарная, Г. Б.** Социальная ответственность субъектов предпринимательства: история и современность / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 100–108.
6. **Паульман, В. Ф.** Системный анализ экономического кризиса / В. Ф. Паульман // Банковское дело. – 2012. – № 2. – С. 6–11.
7. **Глисин, Ф.** Малые предприятия в условиях кризиса (по результатам опросов руководителей малых предприятий) / Ф. Глисин // Экономист. – 2009. – № 7. – С. 28–42.
8. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. – М. : НИСП, 2007. – Вып. 1. – С. 232–244.
9. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования / под ред. М. Н. Римашевской. – М. : Наука, 2009. – 272 с.
10. Бизнес и власть – на пути социального партнерства // Аргументы и факты на Дону. – 2009. – № 12. – С. 4.
11. **Благов, Ю. Е.** Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление / Ю. Е. Благов // Российский журнал менеджмента. – 2004. – Т. 2, № 3. – С. 17–34.
12. **Бондаренко, Е. Ю.** Региональные стратегии частногосударственного партнерства: мировой опыт и российская практика / Е. Ю. Бондаренко. – М. : Научная книга, 2008. – 204 с.
13. **Казаков, М. Ю.** Государственная поддержка предпринимательства: региональный аспект / М. Ю. Казаков // Молодые гвардии Ставрополья : сб. науч. тр. – Ставрополь : АГРУС, 2005. – С. 178–181.
14. Споры о бедности // Социальное обеспечение. – 2005. – № 5. – С. 28.
15. **Садков, В.** О модели социального партнерства в регионах России / В. Садков // Общество и экономика. – 2007. – № 4. – С. 125.

References

1. Letov O. V. *Etos predprinimatel'stva* [Ethos of entrepreneurship]. Moscow: INION RAN, 1995, 38 p.
2. Vavilov O. O. *Regionologiya* [Regional studies]. 2007, no. 3, pp. 190–196.
3. Vasyanin M. S. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 2.
4. Dyl'nova Z. M., Semenova Yu. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 3, pp. 96–102.
5. Kosharnaya G. B. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 1, pp. 100–108.
6. Paul'man V. F. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2012, no. 2, pp. 6–11.

7. Glisin F. *Ekonomist* [Economist]. 2009, no. 7, pp. 28–42.
8. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and children, men and women in families and society]. Ed. by T. M. Maleva, O. V. Sinyavskaya. Moscow: NISP, 2007, iss. 1, pp. 232–244.
9. *Gendernye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve. Opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya* [Gender stereotypes in changing society. Complex social research experience]. Ed. by M. N. Rimashevskaya. Moscow: Nauka, 2009, 272 p.
10. *Argumenty i fakty na Donu* [Arguments and Facts on Don]. 2009, no. 12, p. 4.
11. Blagov Yu. E. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian journal of management]. 2004, vol. 2, no. 3, pp. 17–34.
12. Bondarenko E. Yu. *Regional'nye strategii chastnogosudarstvennogo partnerstva: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika* [Regional strategies of business-state partnership: world experience and Russian practice]. Moscow: Nauchnaya kniga, 2008, 204 p.
13. Kazakov M. Yu. *Molodye gvardii Stavropol'ya: sb. nauch. tr.* [Young guards of Stavropol region: collected papers]. Stavropol: AGRUS, 2005, pp. 178–181.
14. *Sotsial'noe obespechenie* [Social welfare]. 2005, no. 5, p. 28.
15. Sadkov V. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics]. 2007, no. 4, p. 125.

Семенова Юлия Александровна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Semenova Yuliya Aleksandrovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of sociology of communications and management, Chernyshevsky State University of Saratov
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: semenofa@gmail.com

УДК 316.334

Семенова, Ю. А.

Взаимодействие институтов власти и предпринимательских структур / Ю. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 86–96.

УДК 316.346

Е. В. Щанина, Н. В. Корж

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Анализ процессов, происходящих в современном российском обществе, дает право говорить о том, что современность обострила до максимума проблемы солидарности, гуманности, человечности, справедливости. В этой связи важность и значимость изучения социального доверия заключается в том, что оно на современном этапе выступает основой солидарности, функциональности и консолидации общества. Цель статьи – исследование уровня социального доверия людей пожилого возраста в социальном пространстве современного российского общества.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе результатов проведенного в 2015 г. социологического исследования в рамках работы над научно-исследовательским проектом РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382а. Основными методами исследования были анкетный опрос, фокус-группы.

Результаты. Исследование социального доверия людей пожилого возраста в современном российском обществе позволило выявить, что для данной социальной группы доверие основано на знании социального партнера, взаимном уважении и взаимовыгодном сотрудничестве на основе общих целей, ценностей и интересов.

Выводы. Анализ социального доверия людей пожилого возраста позволил сделать вывод о том, что пожилые люди наиболее доверяют близким и знакомым людям.

Ключевые слова: пожилые люди, социальное доверие, межличностное доверие, консолидация общества.

E. V. Shchanina, N. V. Korzh

SOCIAL TRUST OF ELDERLY PEOPLE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract.

Background. The analysis of processes, taking place in the modern Russian society, allows to assert that modern times have aggrevated the problems of solidarity, humanity, humaneness, justice to the peak. In this connection, the importance of studying social trust lies in the fact that at the modern stage it appears to be the base of solidarity, functionality and consolidation of society. The aim of the article is to research the level of social trust of elderly people as a part of the social space of the modern Russian society.

Materials and methods. The research tasks were realized on the basis of the results of a sociological research, carried out in 2015 in the framework of a RHSF

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382а.

research project “Consolidation of various social groups in polyethnic rprovinces of the Volga region on the basis of intercultural norm and uniform value priorities in modern Russian conditions”, project № 15-03-00382a. The main research methods were surveying, focus-groups.

Results. The research of social trust of elderly people in the modern Russian society has revealed the fact that social trust of the said social group is based on knowledge of a social partner, mutual respect and mutually beneficial cooperation, based on common goals, values and interests.

Conclusions. The analysis of social trust of elderly people allows to conclude that elderly trust closest people and acquaintances.

Key words: elderly people, social trust, interpersonal trust, consolidation of society.

Доверие – феномен сложный, неоднозначный, от которого зависит успешность функционирования общества в целом. Доверие связано с явлениями, находящимися в компетенции человеческого познания. Доверие, существуя во внутриличностном пространстве, проявляет себя в пространстве межличностного, межгруппового взаимодействия, связывая тем самым человека с обществом. Доверяют тому, кого знают или думают, что знают, если уверены в его порядочности и доброжелательности. В социологии доверие рассматривается как базовая характеристика межличностных отношений и как социальный ресурс индивида.

Социальное доверие обладает способностью консолидировать социальные группы и общности различного масштаба. Оценка состояния доверия в социуме позволяет определить имеющийся в нем потенциал консолидации.

В своем исследовании мы придерживаемся аналитической схемы доверия, разработанной П. Штомпкой, который выделил такие типы доверия, как личное (контактное и виртуальное доверие); категориальное (доверие к представителям различного возраста, пола, расы, образования); позиционное (доверие социальным ролям); групповое (доверие конкретной группе); институциональное (доверие социальным институтам и процедурам); коммерческое (доверие фирмам, производителям, продукции); системное (доверие социальным системам, порядкам, режимам) [1].

В рамках работы над научно-исследовательским проектом РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России» (проект № 15-03-00382а) в 2015 г. было проведено исследование, одним из аспектов которого явилось изучение доверия и недоверия в больших социальных группах. В ходе исследования было опрошено по квотной выборке 1350 человек (в том числе 501 человек в возрасте старше 55 лет), проживающих в Пензенской и Ульяновской областях. С целью выявления уровня межличностного доверия нами было предложено респондентам ответить на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?», хотя не все социологи считают подобную формулировку корректной. Так, Г. Л. Кертман в своих трудах отмечает, что принципиальное согласие с утверждением «Большинству людей можно доверять» еще не свидетельствует о наличии у индивида установки на доверие по отношению к другому, а тем более о предрасположенности к тому, чтобы на практике вести себя сообразно названной установке. Согласно этому мнению, индикатор дает представление о наличии в ценностно-нормативной структу-

ре общества определенных элементов, которые могут служить только лишь предпосылками межличностного доверия [2]. Однако мы считаем, что ответы на этот вопрос позволяют оценить склонность людей к доверию и, исходя из этого, сформировать представление об уровне межличностного доверия в обществе.

В ходе исследования было выявлено, что 6,7 % респондентов полагают, что большинству людей точно можно доверять; 34,8 % считают, что большинству людей скорее можно доверять; 35,5 % отметили, что большинству людей скорее нельзя доверять; а 10,7 % уверены, что большинству людей точно нельзя доверять. Можно сделать вывод о том, что респонденты в отношениях с людьми ведут себя осторожно, т.е. испытывают чувство тревожности, недоверия. Остальные 6,2 % респондентов затруднились или воздержались от ответа (рис. 1).

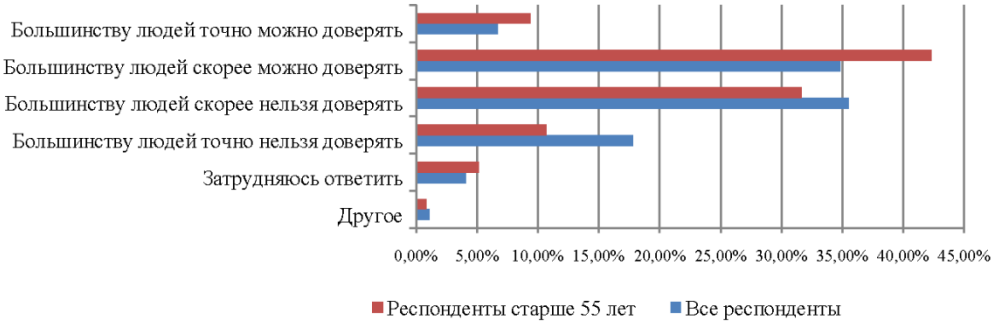

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» (в процентах от числа опрошенных, n = 1350)

Далее, исходя из цели исследования, которая заключалась в изучении доверия и недоверия в больших социальных группах, нами были выделены три группы: молодежь, люди среднего возраста и пожилые люди. Особый научный интерес для нас представляет группа пожилых людей.

Социальная группа пожилых людей характеризуется половозрастными характеристиками, конкретным социальным статусом и социально-экономическим положением. Но это не означает, что все пожилые люди объединены в целостную социальную общность и взаимодействуют как единое социальное образование. Пожилые люди являются также членами различных социальных групп – малых и больших, первичных и вторичных, формальных и неформальных, в том числе состоящих только из пожилых людей. Хотя процесс и темпы старения носят индивидуальный характер, в обществе четко определена граница пожилого возраста, в роли которой выступает пенсионный возраст, т.е. под социальным слоем пожилых людей понимается совокупность индивидов в возрасте 55 лет и старше у женщин и 60 лет и старше у мужчин. Следует особо подчеркнуть, что по своей структуре социальная группа пожилых людей неоднородна, ее положение связано с устойчивым закреплением за ней специфических экономических, социальных и правовых статусов, главной отличительной ее чертой выступает богатейший жизненный опыт [3].

Анализ уровня доверия показал, что самые доверчивые – это пожилые люди, а самые недоверчивые – это респонденты в возрасте от 18 до 34 лет (рис. 2).

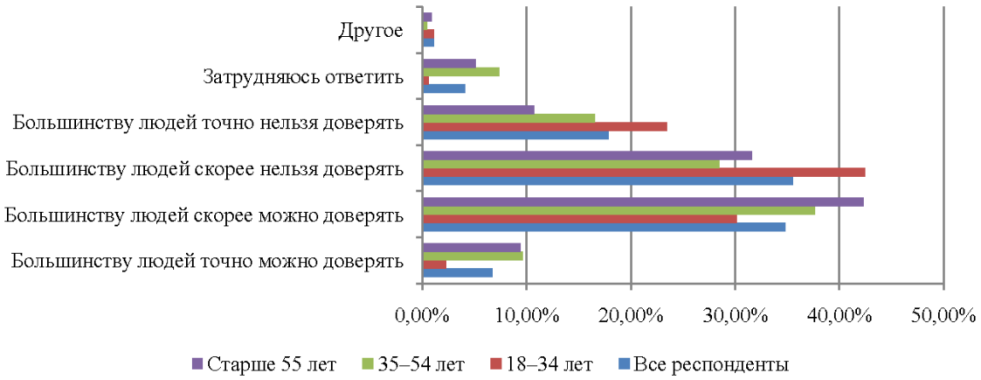

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» в зависимости от возраста (в процентах от числа опрошенных, *n* = 1350)

Несмотря на то что представители возрастной группы старше 55 лет оказались наиболее доверчивыми, среди них велика доля тех, кто точно уверен, что большинству людей нельзя доверять (10,7 % респондентов), и тех, кто считает, что большинству людей скорее нельзя доверять (31,6 % респондентов). То есть люди пожилого возраста, обладающие большим жизненным опытом, опытом выживания в кризисных, трансформационных условиях, опирающиеся на собственные механизмы регулирования и самоорганизации, демонстрируют рассудительный, сдержанный взгляд на проблему межличностного доверия. Основными причинами такого отношения к людям, которые их окружают, и обществу, как отмечали сами респонденты в ходе проведенных фокус-групп, являются криминализация общества, преступность, доминирование в обществе ценностей выгоды, материального успеха, утрата обществом ясных ценностных ориентиров, кризис морали, высокий уровень социальной поляризации в обществе, низкая эффективность представителей государства, с которыми регулярно взаимодействуют.

Важным индикатором при изучении доверия и консолидации общества является солидарность. Как показали результаты исследования, 36,8 % респондентов уверены, что в нашей стране среди людей больше несогласия и разобщенности; 32,2 % считают, что в нашей стране среди людей больше согласия и сплоченности; а 27,1 % не смогли определиться. Респонденты старшей возрастной группы более оптимистично в сравнении с другими возрастными группами характеризуют современное российское общество (рис. 3). Так, 36,6 % отметили, что в российском обществе царит согласие и сплоченность; 31,5 % полагают, что нашему обществу присуща разобщенность и несогласие, однако велика доля тех, кто у кого вызвал затруднение ответ на данный вопрос. То есть это показывает и уровень атомизации граждан и степень недоверия друг другу[1]. Наиболее выражено это в возрастной группе от 18 до 34 лет (рис. 3).

[1] Согласно английскому социологу З. Бауману, атомизация состоит в том, что общество дробится на отдельных индивидуумов, которые поддерживают между собой минимальный уровень общения, социальные связи также характеризуются слабостью.

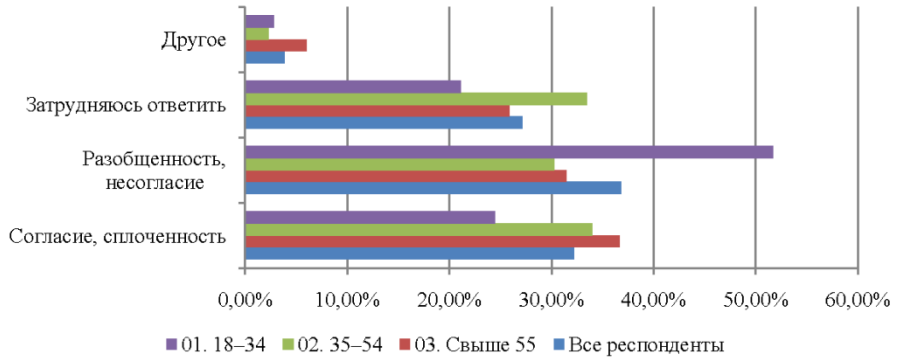

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, чем характеризуется современное российское общество?» в зависимости от возраста респондентов (в процентах от числа опрошенных, *n* = 1350)

Одним из важнейших факторов институционального доверия является качество законов, их неисполнение. Как показали результаты исследования, независимо от возраста респонденты считают, что законы, конечно, надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти. Однако более глубокий анализ позволил сделать вывод о том, что среди тех, кто поставил необходимость соблюдения законов в зависимость от соблюдения законов представителями власти, большинство представителей молодежи; среди тех, кто считает, что закон надо соблюдать, несмотря ни на что, большинство респондентов в возрасте от 35 до 54 лет; чувство справедливости характерно в большей степени для людей пожилого возраста. В большинстве своем люди пожилого возраста так же, как и молодежь, согласны соблюдать закон, несмотря ни на что, но при условии, что представители органов власти будут делать то же самое (49,6 % респондентов) (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к закону?» в зависимости от возраста (в процентах от числа опрошенных, *n* = 1350)

Респондент В. И., муж., 64 года:

«У нас законов много, а исполняется третья часть. Все безнаказанно. Наказываются только нищие, а богатые нет».

Респондент Н. И., жен., 58 лет:

«Законы в нашей стране не работают. Все законы, которые делаются, они делаются под себя».

Таким образом, результаты исследования показали наличие критических настроений у большинства людей в возрасте старше 55 лет. Пожилых людей раздражает явная неспособность власти провести заявленные преобразования, фантастический размах воровства и коррупции, система круговой поруки и безнаказанность должностных лиц разного ранга.

Результаты исследования показали, что представители старшей возрастной группы в значительной степени доверяют Правительству Российской Федерации (20 % респондентов полностью доверяют, 45,1 % скорее доверяют), нежели представителям региональной (16,2 % респондентов полностью не доверяют, 37 % скорее не доверяют) и местной власти (21,3 % респондентов полностью не доверяют, 34,5 % скорее не доверяют). Причина данной ситуации, как отмечают сами респонденты, кроется в отсутствии нормального взаимодействия между органами региональной, местной власти и городскими сообществами, слабости местных властей в решении местных проблем, низкая эффективность представителей государства, с которыми регулярно взаимодействуют граждане.

Также в ходе исследования выявлен низкий уровень доверия у пожилых людей к средствам массовой информации (полностью доверяют 7,7 % респондентов, скорее доверяют 33,6 % респондентов, скорее не доверяют 31,5 % респондентов, точно не доверяют 20,9 %, не смогли определить свой уровень доверия 6,4 % респондентов). Мы считаем, что люди пенсионного возраста, имея богатый жизненный опыт, связывают данный факт с тем, что финансово средства массовой информации зависят от учредителя, они не всегда могут объективно представить и интерпретировать факты и события. Поэтому только когда СМИ станут независимыми при обсуждении социально значимых вопросов, связующим звеном в диалоге между различными социальными группами, только тогда они будут способны стимулировать гражданскую и социальную активность и способствовать консолидации российского общества.

Результаты фокус-групп в возрастной группе старше 55 лет показали, что когда речь шла о доверии к власти, то пожилые люди высказывались негативно, демонстрируя низкий уровень доверия. В их высказываниях постоянно звучало, что «власть выражает интересы чиновников и олигархов».

Респондент С. О., жен., 69 лет:

«В последнее десятилетие в России фактически прекратилось обновление политической элиты, власть сосредоточена в руках замкнутой группы лиц, принадлежащих к высшим слоям государственных чиновников и олигархам, чьи интересы она поддерживает, лоббирует, что вполне логично. Им до простого народа и дела нет – успеть бы свои вопросы протолкнуть».

Однако на вопрос о доверии к Президенту РФ В. В. Путину были получены следующие мнения: «доверяем», «уважаем», «доверяю Путину как личности, остальным не верю». Следовательно, можно констатировать наличие в современном обществе ситуации амбивалентности, т.е. одновременного существования доверия и недоверия – недоверия к власти и в то же время доверия к Президенту РФ как к личности.

Респондент М. В., муж., 72 года:

«Вот даже последние события на 70 лет Победы – бессмертные полки. А народ это понимает как пиар-ход. Ведь когда праздник проходит, на-

ступают будни. И все, как будто ничего не было. Забыты пенсионеры, забыты участники войны. И законы ведь не работают. Вот такого зла сейчас большая часть, несмотря на то, что все Путина поддерживают. За Путиным мы пока идем, ведь не известно, кто может прийти к власти».

Анализ результатов исследования в отношении доверия и недоверия к власти и социальным институтам в больших социальных группах свидетельствует о следующем:

1. Самый высокий уровень доверия выявлен по отношению Правительству РФ (66,6 % респондентов). Представители всех социальных групп показали достаточно высокий уровень доверия к Правительству РФ, в свою очередь, наибольший уровень доверия продемонстрировали представители среднего возраста (73,5 %). По всей выборки уровень доверия у представителей пожилого возраста составил 65 %, а среди молодежи, хотя она и продемонстрировала достаточно высокий уровень доверия к Правительству РФ, в сравнении с другими возрастными группами он оказался наименьшим (60 %).

2. На втором месте по уровню доверия оказалось доверие к судьям (50,8 %). Практически в равной степени молодежь и люди среднего возраста доверяют судьям (55,6 и 56,7 % соответственно). Однако люди пожилого возраста не склонны доверять им (49,8 % респондентов высказались недоверие).

3. В отношении доверия к представителям региональной и местной власти представители всех возрастных групп выразили недоверие. Следует обратить внимание на то, что уровень недоверия к представителям местной власти (53,9 %) превышает уровень недоверия к представителям региональной власти (50 %). Наиболее ярко это выражено у представителей среднего возраста (51,6 и 45,2 %).

4. В отношении доверия к средствам массовой информации респонденты всех социальных групп в равной степени высказали недоверие (53,2 % в целом по выборке).

На уровне институционального доверия отражается уровень межличностного доверия в обществе (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Насколько в целом Вы доверяете…?» (в процентах от числа, *n* = 1350)

Варианты ответов	Насколько в целом Вы доверяете…									
	Коллегам по работе		Членам Вашей семьи		Людям своей национальности		Друзьям		Соседям	
	Все респонденты	В том числе старше 55 лет	Все респонденты	В том числе старше 55 лет	Все респонденты	В том числе старше 55 лет	Все респонденты	В том числе старше 55 лет	Все респонденты	В том числе старше 55 лет
Доверяю	77,5 %	73,6 %	96,6 %	97,5 %	70,2 %	72,8 %	91,4 %	92,3 %	58,9 %	65,5 %
Не доверяю	15,0 %	13,7 %	2,10 %	1,7 %	18 %	14,5 %	5,5 %	5,1 %	31,6 %	26,8 %
Затрудняюсь ответить	7,6 %	12,8 %	1,4 %	0,9 %	11,8 %	12,8 %	3,2 %	2,6 %	9,6 %	7,7 %

Как видно из результатов исследования, большинство респондентов старше 55 лет (а именно 97,5 %) безоговорочно доверяют членам своей семьи. Они уверены, что доверие поддерживает существование семьи, если оно исчезает и его место занимает подозрительность, то семья распадается. Следовательно, можно говорить, что доверие основано на семейных ценностях.

На втором месте по уровню доверия у респондентов старше 55 лет находится доверие к друзьям (92,3 %). На третьем месте доверие к коллегам по работе (73,6 %), однако данный показатель ниже, чем по выборке в целом, что говорит о том, что люди пожилого возраста менее доверчивы к коллегам по работе в сравнении с другими социальными группами. Причиной более низкого уровня доверия к коллегам по работе в данной возрастной группе по сравнению с другим может быть то, что именно в данный период многие завершают свою трудовую деятельность и тем самым снижается число контактов с бывшими коллегами по работе. На четвертом месте находится доверие к людям своей национальности (72,8 % респондентов доверяют людям своей национальности). Мы связываем довольно высокий уровень доверия к людям своей национальности с последними политическими и экономическими событиями.

Респондент А. В., жен., 60 лет:

«Дело в том, что Россия всегда объединялась только при угрозе внешнего врага, что сейчас и присутствует. Все сплотились вокруг Путина…»

На пятом месте доверие к соседям (65,5 % респондентов доверяют своим соседям).

Таким образом, люди старшего поколения ассоциируют доверие с уверенностью, защищенностью, с теплом со стороны окружающих и близких людей, с друзьями, с возможностью сохранения тайны, пониманием друг друга, со способностью бескорыстно помогать близким и знакомым людям. Следовательно, в данной социальной группе доверие основано на взаимном уважении и взаимовыгодном сотрудничестве, на основе общих целей, ценностей и интересов. В связи с этим у пожилых людей ярко выражено межличностное доверие между близкими и знакомыми людьми.

Список литературы

1. **Sztompka, Piotr.** Trust: a sociological theory / Piotr Sztompka. – Cambridge : Cambridge University press, 1999. – 214 p.
2. **Кертман, Г.** Межличностное доверие в России / Г. Кертман // Социальная реальность. – 2006. – № 4. – С. 7–24.
3. **Щанина, Е. В.** Интеграция пожилых людей в современный социум / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 150–162.

References

1. Sztompka Piotr. *Trust: a sociological theory*. Cambridge: Cambridge University press, 1999, 214 p.
2. Kertman G. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality]. 2006, no. 4, pp. 7–24.
3. Shchanina E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1 (33), pp. 150–162.

Щанина Екатерина Владимировна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: shchanina@mail.ru

Shchanina Ekaterina Vladimirovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Корж Наталья Владимировна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: natalya.korzh@mail.ru

Korzh Natal'ya Vladimirovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.346
Щанина, Е. В.
Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе / Е. В. Щанина, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 97–105.

УДК 316

О. В. Ионова

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ДОСУГА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация.

Актуальность и цели. На протяжении XX в. существовал упрощенный подход к понятию «досуг». Его отождествляли с рекреацией, преобладали представления о том, что досуг – это второстепенный элемент образа жизни, что время досуга молодое поколение проводит в асоциальных компаниях. Это привело к тому, что возникли потребность теоретического осмысления проблем досуга и реальная практическая необходимость в социологическом исследовании досуга как значимой сферы жизнедеятельности современной российской молодежи.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа публикаций российских социологов по проблеме организации досуга студенческой молодежи. Отдельное внимание уделяется наиболее распространенному в молодежной среде досугу, проводимому с помощью Интернета.

Результаты. На основе анализа проведенного исследования выявлены предпочтения студенческой молодежи в сфере досуга в зависимости от пола, возраста и материального благополучия.

Выводы. Анализ основных предпочтений студенческой молодежи в сфере проведения досуга выявил основные предпочтения, а также проблемы, которые они способны за собой повлечь. Поэтому для преодоления проблем, связанных с ухудшением морального и физического здоровья населения, необходимо применение ряда мер. На основе проведенного анализа делается вывод, что необходимо с помощью СМИ развивать и поддерживать интерес студенческой молодежи к активному образу жизни.

Ключевые слова: досуг, студенческая молодежь, досуг современной молодежи, Интернет, Интернет в структуре досуга.

O. V. Ionova

MODERN LEISURE ACTIVITIES OF STUDENT YOUTH

Abstract.

Background. In the XXth century there existed a simplified approach to the notion “leisure”. It was associated with recreation; there prevailed such an understanding of leisure as a secondary element of a life style, which young people spend in asocial companies. It has led to a need of theoretical comprehension of leisure issues and to a real practical need of a sociological research of leisure as an important sphere of life of modern Russian youth.

Materials and methods. The research tasks were realized by means of the analysis of publications by Russian sociologists on the issue of leisure organization student youth. Special attention was paid to the most popular spare time of young people – the Internet.

Results. The analysis of the research carried out has revealed leisure preferences of student youth depending on gender, age and material welfare.

Conclusions. The analysis of main leisure preferences of student youth has revealed the main preferences as well as problems they could lead to. Therefore, in or-

der to resolve problems, associated with deterioration of moral and physical health of population, it is necessary to take certain measures. The analysis is followed by a conclusion about a necessity of using mass media for development and maintenance of student youth's interest in an active life style.

Key words: leisure, student youth, leisure of student youth, the Internet, the Internet in the leisure structure.

В любом обществе досуг является неотъемлемым компонентом образа жизни. Социальная значимость этой сферы жизнедеятельности в последние десятилетия заметно возросла. Проблемы и задачи, решаемые сегодня в сфере досуга студенческой молодежи, настолько масштабны, широки и многообразны в своей социальной направленности, что это позволяет подходить к досугу как к значимой части социальной системы, во многом определяющей содержание и характер всех других сфер общественного развития.

Досуг предоставляет большие возможности для формирования нравственных ориентиров как отдельной личности, так и различных социальных групп современного общества. Досуговая сфера активно влияет на общественное сознание, формируя в нем ценности, одобряемые обществом и, как правило, им же поощряемые; она располагает безграничными возможностями для реализации многообразных духовных потребностей общества и каждой личности в отдельности. В современном досуге присутствуют моменты творчества, когда человек из субъекта потребления превращается в субъект созидания.

Студенческая молодежь представляет особую социальную группу, наиболее восприимчивую к инновациям в сфере досуга, на которую повлияли радикальные социально-экономические изменения в России. Досуг оказывает различное по своей направленности влияние на формирование и реализацию индивидуального потенциала каждого молодого человека. Поэтому основным направлением в работе с молодежью становится сфера досуга, которая существенным образом влияет на становление личности каждого молодого человека. Именно сфера досуга предоставляет молодым людям практическую возможность выступать в качестве свободных личностей, в ее рамках формируется значительная часть личностного потенциала, которая реализуется затем в процессе жизнедеятельности. Происходящая трансформация ценностных ориентаций россиян, массовое появление в стране новых информационных технологий, глобализация процессов передачи информации выступают объективным основанием инновационных процессов в сфере досуга.

Изменения в содержании базовых и инструментальных ценностей студенческой молодежи, ее направленности на ценности личной жизни, а не на успехи в профессиональной деятельности, исчезновение ориентации только на труд привели к тому, что современные молодые люди стали все более сочетать отдых с образованием. Сдвиги в объеме и структуре свободного времени позволяют перейти к новой структуре ценностей, в которой доминирующими ценностями молодых россиян становится стремление к самореализации и индивидуально-личностному развитию человека во время досуговой деятельности.

Бурное развитие информационных технологий заложило основу для формирования общества совершенно нового типа – информационного обще-

ства, где средства массовой коммуникации оказывают значительное влияние на различные сферы общественной жизни, в том числе и на досуг каждого ее участника [1, с. 274].

Студенческая молодежь отличается высоким уровнем интеллектуального потенциала, что создает предпосылки для активной досуговой деятельности. В то же время досуг студенческой молодежи существенно отличается от досуга других социальных групп в силу специфических потребностей и присущих ей социально-психологических особенностей: «молодежного сознания», повышенной эмоциональности восприятия и реакции. Условия жизнедеятельности студентов, такие как уровень дохода, социальное происхождение и наличие свободного времени, также оказывают существенное влияние на специфику и основные виды проведения досуга.

Досуговые предпочтения студенческой молодежи во многом определяют такие факторы, как пол, возраст, материальное благополучие.

С целью исследования досуга студенческой молодежи в 2015 г. автором было проведено социологическое исследование среди студентов вузов г. Пензы. Было опрошено 864 человека.

Результаты проведенного исследования (рис. 1) свидетельствуют, что большая часть студенческой молодежи предпочитает проводить свободное время, общаясь с друзьями (семьей) (82,3 %). Среди наиболее популярных видов досуга – занятия физкультурой и спортом (49,4 %). При этом среди девушек занятиям физкультурой и спортом отдают предпочтение 36,3 %, а среди юношей – 66,6 %. Отдых и расслабление предпочитают 49,8 %; проводят время перед телевизором и компьютером 44,2 %; имеют хобби и занимаются дома (вышиванием, фотографированием, моделированием и т.д.) 24,1 %; занятия творчеством и художественной самодеятельностью выбирают 20,7 %; посещают культурные мероприятия 20,9 %.

Среди нечасто выбираемых вариантов стало «посещение развлекательных центров, клубов, кафе и дискотек» (3,3 %). Этот вариант выбрали студенты, указавшие средний уровень своего материального достатка и выше среднего. Среди тех, кто предпочитает проводить свободное время, посещая политические организации, собрания, митинги, а также церковь, другие религиозные собрания, оказались те, чей уровень материального благополучия крайне низок. Но при этом девушки чаще, чем юноши, указывают среди своих предпочтений в проведении досуга посещение культурных мероприятий, занятия творчеством, художественной самодеятельностью и наличие домашнего хобби.

Так как нами были опрошены студенты первого–пятого курсов, возрастные отличия среди респондентов незначительны, поэтому разница в предпочтениях проведения досуга не столь ярко выражена. Однако можно проследить небольшие изменения, которые имеют прямое отношение к особенностям процесса обучения в университете. Студенты, обучающиеся на первом курсе, обладая большим количеством свободного времени, значительно чаще уделяют его творчеству и художественной самодеятельности. Студенты вторых курсов предпочитают проводить время активно, выбирая занятия спортом и посещение развлекательных центров. Студенты третьего курса чаще остальных посещают культурные мероприятия. Студенты четвертого и пято-

го курсов уделяют больше внимания общению с друзьями и семьей, а также чтению газет, журналов и книг, кроме того, как правило, студенты старших курсов устраиваются на работу (рис. 2).

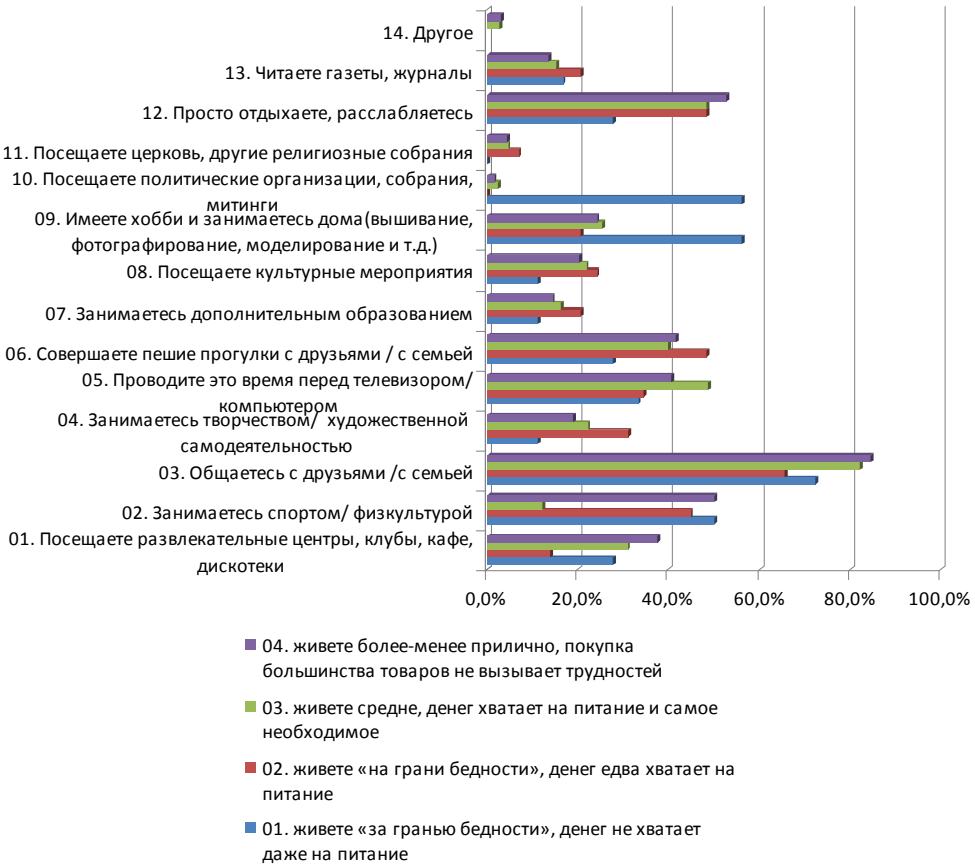

Рис. 1. Основные виды досуга студенческой молодежи в зависимости от материального благополучия

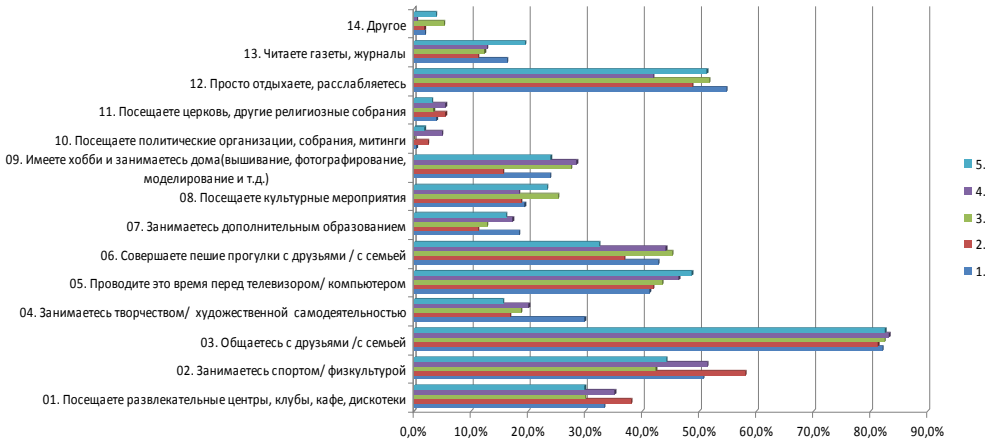

Рис. 2. Основные виды досуга студенческой молодежи в зависимости от курса

По результатам исследования можно сделать вывод, что в молодежной среде сохранились привычные особенности проведения досуга за общением, но нельзя не обратить внимание на изменение способов общения, большая часть которого происходит с помощью современных технологий: мобильных устройств, сети Интернет.

Большое место в структуре досуга молодежи занимает Интернет. Формирование сети Интернет связано с процессами глобализации, все возрастающим влиянием различных факторов международного значения, в том числе культурного и информационного обмена, что, в свою очередь, является одной из предпосылок изменения социокультурной ситуации в сфере молодежного досуга.

Такой вид досуга, как Интернет, относится к пассивному виду досуга и выполняет прежде всего функцию:

– поддержания социальной солидарности, сплоченность людей разных социальных статусов на основе общих интересов;

– реабилитации, восстановления израсходованных сил в ходе трудовой и бытовой жизнедеятельности, так как данный процесс не требует особых затрат сил и энергии.

Виртуальная реальность, охватывая незначительный период в истории российского общества, оказывает большое влияние на образ жизни, мышление, внутренний мир, культуру и духовность современной студенческой молодежи. Все больше молодежи предпочитает проводить свой досуг в сети Интернет.

Следует отметить, что за последнее десятилетие Интернет стал существенно насыщеннее и доступнее. В настоящее время Интернет как вид досуговой деятельности организуется не только дома. Создано огромное количество устройств, способных в любое время и в любом месте обеспечить доступ в сеть Интернет. При этом Интернет предлагает огромное количество различных сервисов, интересных для студенческой молодежи. Доступность данного вида времяпрепровождения, несомненно, оказывает влияние на изменение в сфере досуга студенческой молодежи.

С одной стороны, Интернет предоставляет безграничные возможности для развития личности, получения новой информации, культурного развития, а с другой, при неправильном использовании может оказывать разрушительное действие как для личности, так и для организма в целом. Для молодого человека, личность которого находится в стадии активного формирования, эти возможности представляются интересными, хотя и не бесспорными. Так, негативным последствием чрезмерного использования сети является информационная перегрузка. В обществе появилась интернет-зависимость, порождающая психосоциальную депривацию, приводящую к недостаточному удовлетворению информационно-коммуникативных и других видов потребностей и, как следствие, к деформации или качественным изменениям личностных, социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей [2, с. 123].

Интернет способен удовлетворить такие потребности молодежи, как потребность в знаниях, потребность в общении, потребность в развлечениях, потребность в информации.

Общение в сети Интернет привлекательно для молодежи тем, что оно является анонимным и молодой человек может экспериментировать со своей личностью, создавать виртуальный образ сообразно своим желаниям. Этот образ не всегда соответствует реальности. Это мир, где молодой человек может избавиться от близкого человека нажатием одной клавиши, где в одно мгновение можно уничтожить свой профиль, заменив его на более приемлемый, привлекает молодежь, которая стремится стать «ведущими» ими же придуманной реальности. Интернет существенно влияет на усвоение социальных норм, формирование ценностных ориентаций, является зачастую системой неформального образования и просвещения [3, с. 27].

В сети Интернет молодой человек чувствует себя гораздо раскованнее в связи со спецификой средств общения, но, скрывая свои недостатки и комплексы, он не только не избавляется от них, а, наоборот, усугубляет их в реальной жизни. Зачастую такие люди теряют способность к общению с окружающими, умение правильно и четко формулировать свои мысли. То есть появляются неумение решать проблемы в реальной жизни, неспособность принимать самостоятельно решения.

Развлечения в сети Интернет представлены весьма многообразно: просмотр телепередач, кино, видеоклипов, прослушивание музыки, просмотр спортивных трансляций, компьютерные игры, развлекательные видеоролики и анекдоты – всегда доступны вне зависимости от времени суток. Вероятно, именно это так привлекает студенческую молодежь. Каждый может выбрать то, что ему наиболее интересно.

Интернет переполнен разнообразной информацией: новинки в мире техники, литературы, кино, музыки и моды, мировые, политические и светские новости. Молодежь может получить ответ на любой интересующий вопрос, ознакомиться с мнениями и получить отзывы по любой теме. Однако необходимо понимать, что не вся информация в Интернете является достоверной, зачастую это могут быть умышленные подложные факты, несущие в себе информационно-террористический смысл. Такая информация в сочетании с отрешением от реальности способна посеять подавленность в подсознании пользователей. В этом и состоит основная опасность бесконтрольного проведения досуга при помощи Интернета.

На сегодняшний день необходимо создать медиаобразовательную среду, которая будет способна удовлетворить запросы современной аудитории, а российские СМК должны быть инструментом механизма сбалансированности интересов личности, общества и государства [4, с. 58].

Рассматриваемый нами вид досуга также несет огромную угрозу для молодой личности с неустоявшимися моральными ценностями. Интернет всегда переполнен рекламой, зачастую несущей пагубное влияние на неокрепшую психику молодежи. Навязываемый СМИ образ жизни формирует потребности, которые совершенно не соотносятся с реальными возможностями, демонстрируют недостижимый образ жизни, стиль, которому хотелось бы подражать. Для многих молодых людей эта реклама становится руководством к действию, стимулируя преступность и суициды [5, с. 137].

Кроме того, выполняя основные функции, данный вид досуга исключает двигательную активность – наиболее важную функцию для молодого организма, наносит огромный вред физическому здоровью. При длительном

пребывании за компьютером страдает в первую очередь зрение, искривляется позвоночник, нарушается система питания.

На сегодняшний день Интернет прочно вошел в жизнь студенческой молодежи. Поэтому необходимо учить студентов правильно использовать его явные преимущества, контролировать время, проводимое за компьютером, осуществлять контроль за предоставляемой информацией и разработать систему мер наказания за неадекватные действия в сети Интернет на государственном уровне. Многочисленные исследования доказывают, что российский сегмент Интернета чрезвычайно привлекателен для различных видов киберпреступлений. Согласно данным Фонда интернет-наблюдений примерно 82,5 % всех отслеживаемых сайтов с нелегальным контентом размещались на хостинговых площадках провайдеров США и России [6, с. 43].

В результате проведенного нами исследования можно сделать вывод, что современная студенческая молодежь по-прежнему отдает предпочтение проведению досуга за общением. Но произошли глобальные изменения в формах и способах общения: все большее количество молодежи предпочитает общаться в сети Интернет. В отличие от предыдущих поколений, молодежь все меньше проводит время, общаясь на свежем воздухе, что оказывает негативное влияние на физическое состояние молодых людей и ведет к снижению уровня физической активности и ухудшению уровня здоровья населения. В связи с этим необходимо проводить государственную политику по формированию медиаграмотности населения, которая должна не только включать в себя умение работать на компьютерах, но и развивать способность к восприятию, оценке, анализу и созданию медиатекстов, к пониманию политического и социокультурного контекстов, овладевать умением четко формулировать свои запросы и претензии медиасообществу.

Необходимо формировать и поддерживать при помощи СМИ в молодежной среде интерес к спортивно-массовым мероприятиям не только как к способу получения физических нагрузок, необходимых молодому организму, но и как к современному способу общения. Примером тому является волонтерское движение на Олимпийских играх в Сочи в 2014 г.

Список литературы

1. **Букин, В. П.** Социальная ответственность СМИ в контексте модернизационных процессов в регионе / В. П. Букин, А. В. Осташков, С. И. Неделько, В. Н. Ретинская // Регионология. – 2010. – № 4. – С. 274–280.
2. **Владимирова, Т. В.** Сетевые коммуникации как источник информационных угроз / Т. В. Владимирова // Социологические исследования. – 2011. – № 5. – С. 123–129.
3. **Бурмистрова, А. С.** Организация досуга молодежи / А. С. Бурмистрова // Профессиональное образование. Столица. – 2011. – № 6.
4. **Коломиец, В. П.** Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе / В. П. Коломиец // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 58–66.
5. **Мудрик, А. В.** Психология и воспитание / А. В. Мудрик. – М., 2006.
6. **Новикова, И. И.** Стратегия информационного развития и национальная безопасность России / И. И. Новикова // Власть. – 2009. – № 2. – С. 43–45.

References

1. Bukin V. P., Ostashkov A. V., Nedel'ko S. I., Retinskaya V. N. *Regionologiya* [Regional studies]. 2010, no. 4, pp. 274–280.

2. Vladimirova T. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2011, no. 5, pp. 123–129.
3. Burmistrova A. S. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa* [Professional education. The Capital]. 2011, no. 6.
4. Kolomiets V. P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2010, no. 1, pp. 58–66.
5. Mudrik A. V. *Psikhologiya i vospitanie* [Psychology and teaching]. Moscow, 2006.
6. Novikova I. I. *Vlast'* [The authority]. 2009, no. 2, pp. 43–45.

Ионова Ольга Владимировна
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Ionova Ol'ga Vladimirovna
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: olgakomissarova@mail.ru

УДК 316
Ионова, О. В.
Современные виды досуга студенческой молодежи / О. В. Ионова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 106–113.

УДК 330.341, 330.313

П. Ю. Макаров

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Углубление кризисных процессов, связанных с системными проблемами, накопившимися в экономике России, обусловливает актуальность поиска устойчивых источников экономического роста, к числу которых следует отнести интеллектуальный капитал. В свою очередь, эффективное управление интеллектуальным капиталом в системе общественного воспроизводства невозможно без понимания факторов его формирования. В этой связи целью работы является выявление и систематизация факторов формирования интеллектуального капитала региона.

Материалы и методы. Достижение заявленной цели обеспечивается путем сочетания результатов логико-теоретического и эмпирического (количественных исследований и изучения опыта управления) анализа вопросов формирования интеллектуального капитала. В качестве критериев систематизации факторов формирования интеллектуального капитала региона предложено группирование на основе системного подхода к пониманию интеллектуального капитала (внешние и внутренние факторы) и на основе его свойств как интерспецифического ресурса регионального развития (генерирующие и формообразующие).

Результаты. Предложена базовая модель воспроизводства интеллектуального капитала в экономике, уточнены взаимосвязи между его компонентами. Выявлены и структурированы основные факторы формирования интеллектуального капитала региона. Определены перспективные направления дальнейших исследований в этой области.

Выводы. Проведенное исследование позволяет утверждать наличие определенной совокупности основных факторов формирования интеллектуального капитала региона, через воздействие на которые возможно управление процессами его воспроизводства.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, факторы формирования, регион.

P. Yu. Makarov

FACTORS OF REGIONAL INTELLECTUAL CAPITAL FORMATION

Abstract.

Background. Searching for new sources of economic growth, such as intellectual capital, becomes rather urgent due to intensified crisis processes caused by system problems accumulated in the Russian economy. Effective intellectual capital management on the regional level is impossible without clear understanding of its formation factors. In this regard, revealing of regional intellectual capital formation factors

could be substantiated as an important direction of intellectual capital management studies.

Materials and methods. The research tasks were achieved by means of combining the results of a logical-theoretical and empirical (quantitative research and study of the current regional IC management practice) analysis of intellectual capital formation issues. The criteria for systematization of regional intellectual capital formation factors have been proposed on the basis of a systematic approach to intellectual capital understanding (external and internal factors) and on the basis of its properties as an interspecific resource of regional development (generating and shaping factors).

Results. The author has proposed a basic model of intellectual capital reproduction and specified the relationship between its components. The main factors of regional intellectual capital formation have been identified and classified. Prospective directions for further research in this area have been suggested.

Conclusions. The study results allow to assert the presence of a specific set of key factors of regional intellectual capital formation, through which it is possible to manage the process of its reproduction.

Key words: intellectual capital, formation factors, region.

Формирование интеллектуального капитала региона как задача управления

Эффективное развитие Российской Федерации, регионы которой весьма разнородны по экономическому и географическому признаку, возможно только в контексте регионального развития. Экономика регионов во все большей степени подвергается влиянию новых социально-экономических тенденций, порождающих рост конкуренции между ними [1]. Это обусловливает необходимость системного изучения региональной экономики и выдвигает на первый план конкурентоспособность продукции регионов, а также инновации, ее определяющие. Как следствие, повышается роль региональных систем генерирования, обмена и использования знаний. Развитие страны в долгосрочной перспективе определяется ее способностью к созданию инноваций, а создание инноваций, в свою очередь, в значительной мере зависит от эффективности управления знаниями. Все это создает потребность в моделях и методах, позволяющих управлять интеллектуальным капиталом региона.

Исследования интеллектуального капитала регионов активизировались в начале 2000-х гг. и к настоящему времени имеют достаточно обширную географию, включая как развитые, так и развивающиеся страны. Рассматривая интеллектуальный капитал региона как объект управления, уместно полагать, что на макроэкономическом уровне он распределен между действующими в регионе субъектами или является результатом их совместной деятельности. Соответственно, затруднительным становится вести речь о каком-либо прямом воздействии. В этой связи под управлением интеллектуальным капиталом региона можно понимать принятие управленческих решений, целью которых является приведение состояния интеллектуального капитала в соответствие с потребностями региональной социально-экономической системы за счет активизации процессов его формирования и возобновления.

Подобное целенаправленное формирование интеллектуального капитала региона является сложным процессом, управление которым требует соответствующей научной проработки. Одним из важных направлений исследо-

ваний в таком случае становится выявление и систематизация факторов, влияющих на формирование интеллектуального капитала, так как через воздействие на них и возможно осуществление обозначенной выше цели управления интеллектуальным капиталом.

Группы факторов формирования интеллектуального капитала региона

Опираясь на определение термина «фактор», можно сказать, что фактор формирования интеллектуального капитала региона – это причина его появления, определяющая его характер или отдельные черты. Данное определение тем не менее можно дополнить, рассмотрев с точки зрения различных аспектов изучения интеллектуального капитала.

Рассматривая термин «интеллектуальный капитал» как метафору для обозначения некоторой системы ресурсов, объединенных по признаку их «неосязаемости» и относящихся к работе интеллектуального характера (другие часто используемые термины – нематериальные ресурсы, интеллектуальные ресурсы), можно выделить как минимум два направления его анализа: интеллектуальный капитал как система ресурсов и интеллектуальный капитал как ресурс социально-экономического развития.

Первое предлагаемое направление анализа интеллектуального капитала – это его системные свойства. Собственно, одним из преимуществ категории интеллектуального капитала как способа описания нематериальных ресурсов как раз и является то, что здесь подразумевается не однородный ресурс, а динамическая система ресурсов, что лучше отражает реальное положение дел и делает более удобным применение данной категории в вопросах управления.

Для рассмотрения интеллектуального капитала как системы уместным представляется подход, предлагаемый Й. Руусом и соавторами, согласно которому любая социально-экономическая система располагает ресурсами, которые можно разделить на пять видов: денежные, материальные и три вида ресурсов, в совокупности называемых интеллектуальным капиталом [2]. К этим ресурсам относится следующий состав элементов:

1) человеческий капитал – знания, навыки, компетенции и связи людей, т.е. все ресурсы системы, напрямую связанные с человеческим фактором;

2) структурный капитал – формализованные знания, коммуникации, базы данных, интеллектуальная собственность, иначе говоря, информация и все, что способствует ее хранению и передаче;

3) отношенческий капитал – отношения системы с внешней средой, рассматриваемые как часть ее совокупного капитала.

Рассматривая интеллектуальный капитал как систему нематериальных ресурсов, участвующих в процессе общественного воспроизводства, можно говорить о наличии внешних и внутренних факторов его формирования. Соответственно, первые оказывают влияние извне системы интеллектуального капитала, а вторые сами являются частью этой системы.

Интеллектуальный капитал при этом понимается нами не только как логическая надстройка над человеческим капиталом и иными компонентами, но как категория, отражающая динамику и синергию их взаимодействия, так как в реальности любая наблюдаемая инициатива, затрагивающая человеческий капитал региона, неизбежно затрагивает и другие указанные элементы,

что позволяет утверждать наличие объективной связи между ними, которая и охватывается категорией интеллектуального капитала.

В этом случае становится возможным рассматривать его как ресурс регионального развития. Тогда уместным будет полагать, что наряду с общепризнанными свойствами знаний как ресурса (неаддитивность, неосязаемость, возрастающая предельная отдача, неотчуждаемость [2]) интеллектуальный капитал может быть охарактеризован как интерспецифический ресурс. В соответствии с классификацией трех типов ресурсов, описанных О. Уильямсоном, можно предполагать, что лишь незначительная часть интеллектуального капитала является общими ресурсами, ценными независимо от нахождения в той или иной системе (организации, регионе и т.п.). Большая его часть представляется либо специфическим ресурсом, имеющим бо́льшую ценность для конкретной системы, чем для остальных, либо же интерспецифическим ресурсом, имеющим максимальную ценность в данной конкретной системе. Согласно интерспецифическому характеру интеллектуального капитала, факторы его формирования следует разделить на две группы: факторы, генерирующие интеллектуальный капитал, и факторы формообразующие, от которых зависит, какую форму интеллектуальный капитал примет в данной социально-экономической системе.

Состав факторов формирования интеллектуального капитала региона

Приходится констатировать сравнительно небольшое число работ, акцентирующих внимание именно на факторах формирования интеллектуального капитала региона. Гораздо чаще акцент делается на роль самого интеллектуального капитала как фактора экономического роста, что, впрочем, обусловлено сравнительно небольшим сроком существования данной категории и вытекающей из этого приоритетностью обоснования ее состоятельности как объекта изучения.

При этом количественный анализ затруднен отсутствием общепризнанной методики оценки интеллектуального капитала (что затрудняет его оценку) и многоаспектностью самой этой категории (что затрудняет обеспечение достоверности интерпретации выводов оценки). В силу сказанного приводимые далее выводы о факторах основываются на сравнительном анализе трех групп работ, основные из которых приведены в списке литературы:

1) работы, посвященные количественной оценке интеллектуального капитала [3–6]. В данных работах факторы формирования интеллектуального капитала часто служат основой для построения системы его оценки. (Так, например, система образования не является человеческим капиталом, но определенно способствует его формированию; или имидж региона – это не его отношенческий капитал, но если имидж положителен, то выгодных отношений с внешней средой можно ожидать с большей вероятностью и т.д. Соответственно, оценивая эти факторы, получают косвенную оценку интеллектуального капитала);

2) работы, посвященные теоретическому анализу вопросов управления интеллектуальным капиталом региона и уделяющие в этой связи внимание факторам его формирования [2, 7–9];

3) отчеты, отражающие результаты практических инициатив по управлению интеллектуальным капиталом региона и содержащие выводы о том, на

что нужно воздействовать в целях управления интеллектуальным капиталом [10–12].

Для систематизации внутренних факторов формирования интеллектуального капитала обобщим известные данные о взаимодействии элементов интеллектуального капитала и его динамики, построив абстрактно-логическую модель его воспроизводства (рис. 1), которая позволяет выделить два вида зависимостей:

1. Воздействие на элемент. Один из элементов интеллектуального капитала является фактором формирования другого: человеческий капитал способствует генерированию структурного, структурный – отношенческого и человеческого.

2. Воздействие на связь. Один из элементов интеллектуального капитала является фактором, воздействующим на эффект другого элемента. Такая связь наблюдается по отношению к воздействию интеллектуального капитала на внешнюю среду и не затрагивает взаимосвязей внутри системы интеллектуального капитала.

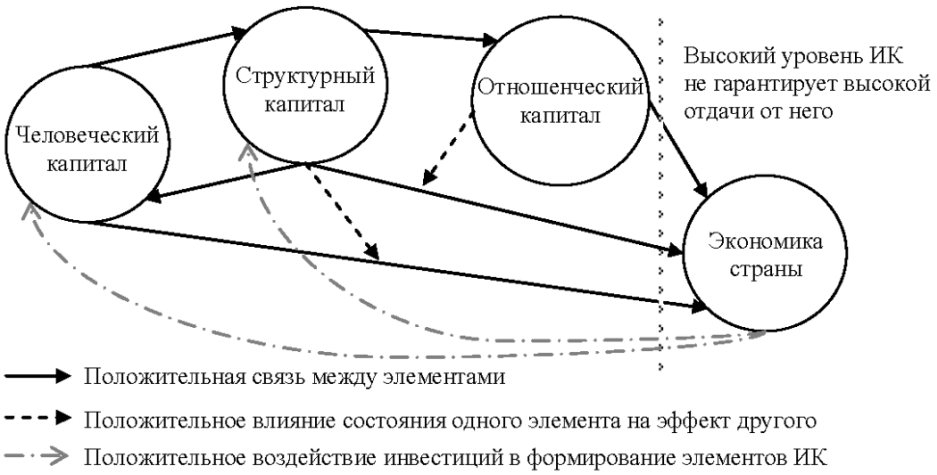

Рис. 1. Модель воспроизводства интеллектуального капитала региона [5, 6]

Здесь следует заметить, что многие теоретические работы [9, 13] предполагают полную взаимообусловленность элементов интеллектуального капитала, когда каждый из трех компонентов является фактором формирования других. Рассматривая эту гипотезу в контексте предлагаемой модели, представляется уместным полагать наличие воздействий на связи и между элементами интеллектуального капитала, например, отношенческий капитал сам по себе почти не генерирует человеческого (формируя его в форме привлечения квалифицированных кадров извне), но, скорее всего, способствует более эффективной его генерации.

Тем не менее более объективным является учет в модели немногих работ, содержащих количественные оценки, дающие дополнительное обоснование, помимо логико-теоретического. Поэтому, ввиду отсутствия иных оснований, все же не будем включать в схему дополнительных связей, а отношенческий капитал – в число факторов формирования интеллектуального капитала. Получаемый таким образом вывод согласуется с ранними опреде-

лениями интеллектуального капитала как особой совокупности человеческого и структурного капиталов [9]. Действительно, внутри системы интеллектуального капитала его воспроизводство обеспечивается в основном за счет ресурсов человеческого и структурного капиталов.

Внешние факторы формирования интеллектуального капитала представлены в приведенной выше модели в обобщенной форме – в виде инвестиций в формирование элементов интеллектуального капитала. Однако инвестиции в рамках данной работы предлагается не рассматривать как фактор формирования интеллектуального капитала, поскольку более важным представляется вопрос: во что именно следует инвестировать? С этой точки зрения инвестиции являются средством активизации того или иного фактора формирования интеллектуального капитала.

Составляя перечень внешних факторов формирования интеллектуального капитала, целесообразным представляется рассматривать их в разрезе его элементов. Примечателен тот факт, что, несмотря на многообразие подходов к определению интеллектуального капитала, методов его оценки и управления им, наблюдается достаточно высокая согласованность по поводу факторов его формирования, которые в целом сводимы к весьма небольшому перечню (табл. 1).

Таблица 1

Перечень внешних факторов формирования интеллектуального капитала

Элемент	Факторы
Человеческий капитал	– Работа системы образования; – уровень социального благополучия
Структурный капитал	– Уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); – работа научно-исследовательских структур; – институциональная среда*; – культурные установки населения
Отношенческий капитал	– Культурные установки населения; – сложившийся имидж региона

* Использовано собирательное название для упоминаемых разными авторами факторов, которые в обобщенном виде соответствуют понятию институциональной среды как совокупности основополагающих политических, социальных и юридических правил, образующих базис для производства, обмена и распределения.

Основываясь на полученном списке, отметим следующее:

1. Указанные факторы не являются равнозначными. Часть из них рассматривается как приоритетная. Так, в практических работах по управлению интеллектуальным капиталом региона основные усилия сосредотачиваются на развитии системы образования и институциональной среды [10]. Часть просто принимается к сведению, например, культурные установки населения или имидж региона учитываются при оценке (зачастую имея незначительный вес в итоговой оценке), но не находят отражения в практических инициативах.

2. Многие факторы носят многоаспектный характер. Так, например, культурные установки населения могут рассматриваться с позиций доверия и теории социального капитала [6], с позиций концепции Г. Хофстеде [3].

3. Факторы в большинстве своем носят системный характер и могут быть декомпозированы на составляющие, что зачастую и наблюдается в практике управления и оценки. Например, работа системы образования разбивается на подсистемы школьного, высшего и послевузовского образования, уровень развития ИКТ рассматривается в разрезе подсистем мобильной связи, сети Интернет и т.д.

4. Если рассматривать факторы по элементам, на формирование которых они влияют, то список факторов формирования отношенческого капитала меньше и включает слабо поддающиеся влиянию факторы (культурные установки, сложившийся имидж и отношения). Возвращаясь к представленной выше на рис. 1 схеме, можно отметить, что нет подтвержденной связи между «инвестициями в отношения» и конечным результатом. Такая ситуация объяснима теоретическим положением о том, что отношенческий капитал во многом находится под контролем внешней среды, а не самой системы-носителя интеллектуального капитала [2].

Определив состав внутренних и внешних факторов формирования интеллектуального капитала, рассмотрим их с другой выделенной нами перспективы. Деление на генерирующие и формообразующие факторы не является сложной задачей, так как достаточно очевидно, какие из них способны генерировать что-либо, а какие оказывают влияние скорее как среда, в которой происходит генерация. В качестве примера можно привести факторы «работа системы образования» и «уровень социального благополучия»: система образования, по многим оценкам, является ключевым фактором становления человеческого капитала (генерирующий фактор), но от социального благополучия не в последнюю очередь зависит, интегрируется ли новообразованный человеческий капитал в систему интеллектуального капитала региона и процессы его воспроизводства или нет (формообразующий фактор). В противном случае человеческий капитал может либо не найти реализации (в случае острой социальной напряженности, дискриминации и т.п.), либо покинуть регион в форме оттока кадров. Аналогичным образом можно утверждать и о структурном капитале на примере его наиболее очевидной части – интеллектуальной собственности, которая может стать результатом работы человеческого капитала в научно-исследовательских структурах (генерирующий фактор), но не участвовать в процессах воспроизводства интеллектуального капитала по причине неподходящей институциональной среды (формообразующий). Рассуждая таким образом, получаем следующую структуру факторов (табл. 2).

Таблица 2

Генерирующие и формообразующие факторы формирования интеллектуального капитала региона

	Генерирующие	**Формообразующие**
Внутренние	– Человеческий капитал; – структурный капитал	–
Внешние	– Работа системы образования; – работа научно-исследовательских структур	– Уровень социального благополучия; – обеспеченность ИКТ; – институциональная среда; – культурные установки населения

Полученный результат представляется закономерным и ожидаемым: деление оказалось применимо только к факторам, внешним по отношению к системе интеллектуального капитала. Подобное положение согласуется с гипотезой о том, что элементы интеллектуального капитала могут трансформироваться друг в друга в зависимости от политики управления им и логики создаваемой с помощью него ценности [2], т.е. являются его генерирующими факторами. В целом с точки зрения управления интеллектуального капитала данное разделение видится полезным, так как дает основу для формирования сбалансированной политики в области интеллектуального капитала, учитывающей все особенности его формирования.

Перспективы и выводы

Полученный перечень, очевидно, не является исчерпывающим. Так, предлагаемую классификацию можно дополнить, добавив перспективу управляемости и выделить управляемые факторы, поддающиеся управленческому воздействию, и ситуационные, которые можно только принять, но не изменить. Данная перспектива не была рассмотрена в рамках статьи, так как, по нашему мнению, управляемые и ситуационные факторы будут различаться в зависимости от возможностей системы-носителя интеллектуального капитала и рассматриваемого периода управления: например, культурные установки и институциональная среда могут рассматриваться как ситуационный фактор в краткосрочной и частично управляемый в долгосрочной перспективе. Соответственно, факторы невозможно классифицировать с данной перспективы «в общем виде», но ее представляется важным иметь в виду при выработке управленческих решений по поводу интеллектуального капитала конкретного региона.

Дополнения могут касаться и состава факторов. Например, в качестве внешнего формообразующего фактора представляется уместным рассматривать структуру региональной экономики, от которой во многом будет зависеть, в каких формах реализуется интеллектуальный капитал. Аналогично можно классифицировать и другие классические факторы PEST-анализа внешней среды. Отсутствие перечисленных факторов в рассмотренном выше перечне обусловлено акцентом данной работы на факторы, выявляемые именно в практике управления интеллектуальным капиталом и характерные для нее.

В числе перспективных вопросов, связанных с факторами формирования интеллектуального капитала, интерес представляет и динамический аспект, включающий изменение роли тех или иных факторов в зависимости от этапа жизненного цикла интеллектуального капитала.

Обозначенные выше вопросы выходят за рамки данной работы и представляют предмет дальнейших исследований в этой области. Подводя итог, можно заключить, что полученные результаты позволяют говорить о наличии идентифицируемых факторов формирования интеллектуального капитала, что дает возможность обосновать базовую модель его воспроизводства и сформировать упорядоченный перечень факторов его формирования.

Список литературы

1. **Гранберг, А. Г.** Региональный аспект экономической конкурентоспособности / А. Г. Гранберг // Конкурентоспособность и модернизация экономики : в 2 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – Кн. 1. – С. 173–174.

2. **Руус, Й.** Интеллектуальный капитал: практика управления / Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрем. – СПб. : Высшая школа менеджмента, 2010. – 436 с.
3. **Товстига, Дж.** Практика использования интеллектуального капитала: сравнительное исследование четырех регионов / Дж. Товстига, Е. Тулугурова // Менеджмент инноваций. – 2013. – № 1 (21). – С. 38–48.
4. **Andriessen, D.** The Intellectual Capital of the European Union 2008: Measuring the Lisbon Strategy for Growth and Jobs / D. Andriessen, C. Stam // Electronic Journal of Knowledge Management. – 2008. – Vol. 7, № 4. – P. 489–500.
5. **Bontis, N.** National Intellectual Capital Index: a UN initiative for the Arab region / N. Bontis // Journal of Intellectual Capital. – 2004. – № 1. – P. 13–39.
6. **Weziak, D.** Measurement of National Intellectual Capital: Application to EU Countries / D. Weziak // IRISS Working Paper. – 2007. – № 13. – URL: http://ideas.repec.org/p/irs/iriswp/2007-13.html
7. **Дайнеко, Е. Ю.** Воспроизводство интеллектуального капитала в экономике, основанной на знаниях / Е. Ю. Дайнеко, В. Г. Дайнеко // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2013. – Т. 9, № 4. – С. 150–154.
8. **Федотов, С. И.** Управление интеллектуальным капиталом в регионе / С. И. Федотов // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2011. – № 25. – С. 108–113.
9. **Эдвинссон, Л.** Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях / Л. Эдвинссон. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 247 с.
10. **Nagel, C.** Regionale Wissensbilanz Ortenaukreis / C. Nagel, S. Mauch. – URL: http://www.nagel-kollegen.de/sites/default/files/Wissenbilanz_Ortenau.pdf
11. **Johansson, B.** Intellectual Capital Report for the Kista Cluster / B. Johansson [et al.]. – URL: http://edoc.difu.de/edoc.php?id=MCY2U54P
12. **Viedma, J. M.** CICBS: a methodology and a framework for measuring and managing intellectual capital of cities. A practical application in the city of Mataro / J. M. Viedma // Knowledge Management Research & Practice. – № 2. – 2004. – P. 13–23.
13. **Комаров, С. В.** Понятие, структура и взаимодействие элементов интеллектуального капитала / С. В. Комаров, А. Н. Мухаметшин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2013. – Т. 7, № 3. – С. 93–100.

References

1. Granberg A. G. *Konkurentosposobnost' i modernizatsiya ekonomiki: v 2 kn.* [Competitiveness and modernization of economy: in 2 books]. Moscow: Izdatel'skiy dom GU VShE, 2004, bk. 1, pp. 173–174.
2. Ruus Y., Payk S., Fernstrem L. *Intellektual'nyy kapital: praktika upravleniya* [Intellectual capital: management practice]. Saint-Petersburg: Vysshaya shkola menedzhmenta, 2010, 436 p.
3. Tovstiga Dzh., Tulugurova E. *Menedzhment innovatsiy* [Innovation management]. 2013, no. 1 (21), pp. 38–48.
4. Andriessen D., Stam C. *Electronic Journal of Knowledge Management*. 2008, vol. 7, no. 4, pp. 489–500.
5. Bontis N. *Journal of Intellectual Capital*. 2004, no. 1, pp. 13–39.
6. Weziak D. *IRISS Working Paper*. 2007, no. 13. Available at: http://ideas.repec.org/p/irs/iriswp/2007-13.html
7. Dayneko E. Yu., Dayneko V. G. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State Technical University]. 2013, vol. 9, no. 4, pp. 150–154.
8. Fedotov S. I. *Sborniki konferentsiy NITs «Sotsiosfera»* [Conference proceedings of “Sotsiosphera” scientific publishing center]. 2011, no. 25, pp. 108–113.
9. Edvinsson L. *Korporativnaya dolgota. Navigatsiya v ekonomike, osnovannoy na znaniyakh* [Corporate longitude. Navigation in knosledge-based economies]. Moscow: INFRA-M, 2005, 247 p.

10. Nagel C., Mauch S. *Regionale Wissensbilanz Ortenaukreis*. Available at: http://www.nagel-kollegen.de/sites/default/files/Wissenbilanz_Ortenau.pdf
11. Johansson B. et al. *Intellectual Capital Report for the Kista Cluster*. Available at: http://edoc.difu.de/edoc.php?id=MCY2U54P
12. Viedma J. M. *Knowledge Management Research & Practice*. 2004, no. 2, pp. 13–23.
13. Komarov S. V., Mukhametshin A. N. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of South-Ural State University. Series: Economics and management]. 2013, vol. 7, no. 3, pp. 93–100.

Макаров Павел Юрьевич
кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а)

Makarov Pavel Yurievich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of management, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(59a Gorkogo street, Vladimir, Russia)

E-mail: makarovpu@ya.ru

УДК 330.341, 330.313

Макаров, П. Ю.

Факторы формирования интеллектуального капитала региона / П. Ю. Макаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 114–123.

УДК 338.516.4

Н. Г. Остроухова

РЫНКИ ОТРАСЛЕЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие энергетических отраслей и рыночных отношений в них обеспечивает стабильную основу для функционирования других видов экономической деятельности, а также энергетическую независимость и безопасность государства. Цель работы – определить приоритетные направления развития рынков энергии и энергоносителей в России с учетом влияющих на их состояние факторов.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные Росстата о средних ценах производителей и приобретения на основные виды энергоресурсов, об объемах добычи (генерации) и реализации энергии и энергоносителей на внутренних рынках, финансовая отчетность ПАО «Газпром», ОАО «НК «Роснефть», ОАО «РусГидро», материалы ОАО «Системный оператор Единой энергетической системы», BP Statistical Review of World Energy, Министерства энергетики России, отчетность Всемирного Банка и Банка России. Исследование, по результатам которого написана статья, проведено с помощью экономического анализа, исторического и логического методов.

Результаты. Исследованы особенности функционирования отечественных рынков энергии и энергоносителей: модель, действующий механизм ценообразования и тенденции развития.

Выводы. Значительная часть истории топливно-энергетического комплекса, соответственно, и процессов распределения энергоресурсов в России пришлась на годы плановой экономики. Отдельные элементы подхода к ценообразованию на энергоресурсы, сформировавшегося в то время, существуют и сегодня. Кроме того, на современную конъюнктуру рынков угля, нефти, природного газа и электроэнергии оказывают влияние внутренние и внешние политические события, состояние мировой и национальной экономики, уровень развития науки и техники в стране и в энергетических отраслях.

Ключевые слова: рынок нефти, рынок природного газа, рынок угля, рынок электроэнергии, ценообразование на энергоресурсы, цены на нефть, механизм ценообразования в энергетике.

N. G. Ostroukhova

MARKETS OF THE RUSSIAN FUEL AND ENERGY SECTOR: STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

Abstract.

Background. Development of energy industries and market relations therein provides a stable basis for other economic activities, and also provides energy independence and security of the state. The purpose of the research is to determine development priorities of energy markets and energy resources in Russia, taking into account factors that influence their condition.

Materials and methods. The research materials included the Rosstat data on average producers' prices and acquisition prices of main types of energy resources, on the volume of production (generation) and implementation of energy services in domestic markets, the financial statements of PJSC “Gazprom”, OJSK «NK “Ros-

neft"», OJSC "RusHydro", materials of OJSC "System Operator of Unified Energy System", BP Statistical Review of World Energy, the Ministry of Energy of Russia, reports of the World Bank and the Bank of Russia. The research was carried out using an economic analysis, historical and logical methods.

Results. The author studied functioning features of national energy markets and energy resources: the model, the existing mechanism of pricing and development trends.

Conclusions. A significant part of the history of the fuel and energy sector and the process of distribution of energy resources in Russia came in the years of the planned economy. Certain elements of the energy pricing approach formed at the time, still exist nowadays. In addition, the current state of markets of coal, oil, natural gas and power markets effects the internal and external political developments, the state of the global and national economy, the level of development of science and technology in the country and the energy industries.

Key words: oil market, natural gas market, coal market , electricity market, energy pricing, oil prices, pricing mechanism in the energy sector.

Введение

Значение топливно-энергетического комплекса для российской экономики рассмотрено в работах [1–3]. При этом акцент в большей степени делается на вклад в формирование бюджета поступлений от экспорта энергоресурсов и налогов, выплачиваемых предприятиями энергетических отраслей. При этом мало внимания уделяется роли ТЭК в развитии других отраслей и комплексов экономики, непроизводственной сферы.

Рассматривая энергетические отрасли как основу национальной экономики и стратегической безопасности государства, следует особое внимание уделять тому, как происходит распределение продукции и услуг ТЭК среди различных групп потребителей.

С переходом к рыночной экономике в России появились рынки угля, нефти и газа, но из-за отсутствия организационного опыта, их функционирование не всегда эффективно.

Начинающийся в настоящее время шестой технологический уклад [4] приведет не только к существенным изменениям в структуре большинства национальных экономик, но и к смене основного энергоносителя – углеводородного топлива.

Смена энергоносителя как основы всех производственных процессов, а также изменение условий хозяйствования при запланированном Правительством России переходе от сырьевой к инновационной модели развития требуют коренных преобразований в отраслях энергетики. Осуществление преобразований невозможно только за счет собственных средств предприятий или государственного финансирования, ключевым источником должны стать отечественные и зарубежные инвестиции. Создать в отраслях ТЭК благоприятный инвестиционный климат можно только при наличии эффективного рыночного механизма в них.

1. Рынок угля в России

Угольная отрасль – одна из старейших отраслей российского ТЭК, с которой он и начал свою историю. До середины прошлого столетия данный вид топлива преобладал в топливно-энергетическом балансе страны, а с 70-х гг.

началось резкое сокращение объемов его добычи и использования в электроэнергетике, что было связано с «газовой паузой». В 90-е гг. часть предприятий была закрыта из-за неэффективности работы, оставшиеся – приватизированы. Угольная промышленность – единственная на сегодняшний день отрасль российского ТЭК, где все предприятия находятся в частной собственности.

В результате проведенной реструктуризации отрасли созданы все условия для развития совершенного рынка. Однако такового до сих пор нет. В 2008 г. отмечались случаи нарушения антимонопольного законодательства в отрасли [5], проявляющиеся в необоснованном завышении цен на продукцию. Этот факт потребовал государственного вмешательства в процесс ценообразования установления предельного верхнего уровня цен на уголь.

Ценообразование до этого времени происходило на основе взаимодействия спроса и предложения, без участия государства. В результате на уголь устанавливалась цена, превышающая затраты на его производство (рис. 1).

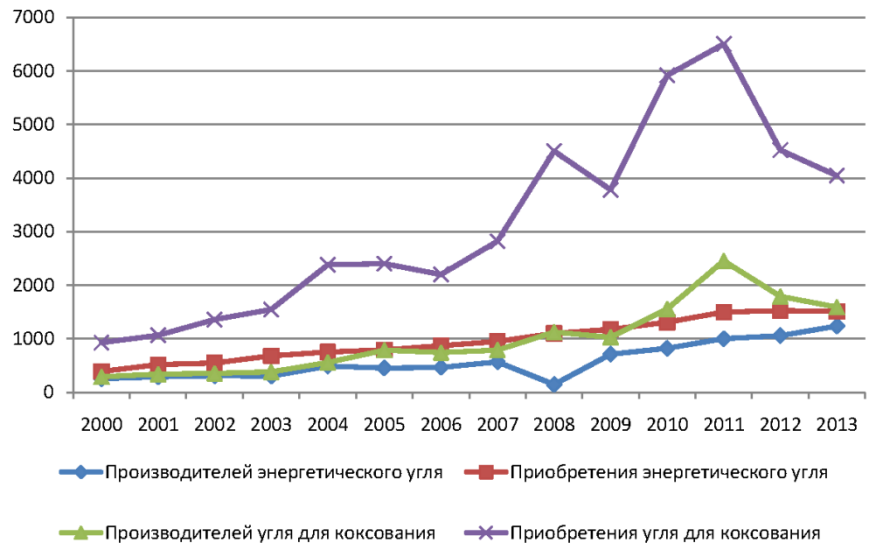

Рис. 1. Средние цены на рынке угля России[1], руб./т

Из рис. 1 видно, что с 2000 г. цена потребления превышает цену производства для энергетических углей и углей для коксования. Это указывает на наличие прибыли на внутреннем рынке, что и послужило причиной нарушения антимонопольного законодательства.

На цену угля оказывает существенное влияние стоимость перевозки (зависимость от железнодорожных тарифов) и затраты на добычу.

На российском рынке энергоресурсов энергетическому углю составляет конкуренцию природный газ как по экологическим характеристикам, так и по

[1] Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 01.05.2015).

цене [6]. Последнее объясняется меньшими издержками на добычу и транспортировку природного газа по сравнению с углем.

Однако увеличение объемов реализации угля на внутреннем рынке и его доли в энергобалансе страны обеспечивает национальной экономике стабильность в отношении уровня мировых цен на нефть.

2. Рынок нефти в России

Следующий после угля по времени введения в топливно-энергетический баланс энергоноситель – нефть. Четвертый технологический уклад, связанный с созданием и широким распространением двигателей внутреннего сгорания, сделал этот вид топлива наиболее популярным в середине прошлого века.

В России нефть стали добывать в конце XIX в., постепенно объем добычи увеличился и достиг своего максимума к концу XX в. На развитие отрасли наибольшее влияние оказал мировой энергетический кризис 1973 г., в результате которого российская экономика стала зависимой от экспорта нефти. На развитие внутреннего рынка нефти также большее влияние оказала «газовая пауза».

На рис. 2 показано, что за последние 14 лет при практически двукратном увеличении добычи нефти в стране ее поставки на внутренний рынок выросли менее чем на половину. Добываемых объемов и запасов сырой нефти в Росси достаточно и для удовлетворения собственных потребностей, и для продажи на мировых рынках.

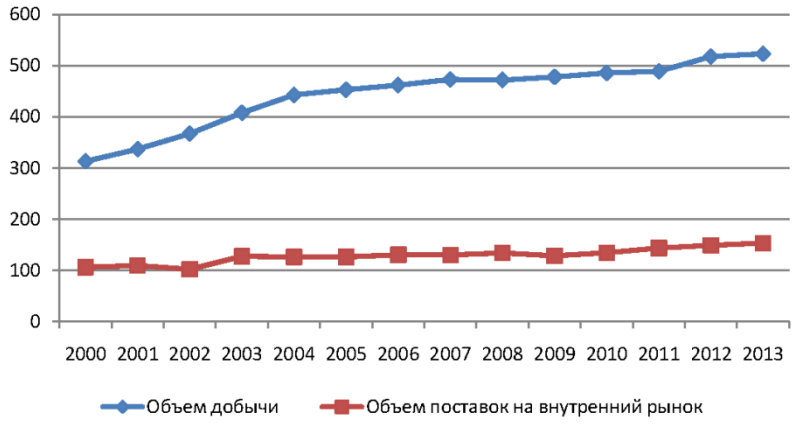

Рис. 2. Объемы добычи и потребления нефти в России[1], млн тонн

Согласно данным Минэнерго РФ на 01.01.2015 добычей нефти и газового конденсата в России занимаются 292 организации, из них: 107 организа-

[1] Экспорт Российской Федерации сырой нефти за 2000–2015 годы // Официальный сайт Банка России. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/crude_oil.htm&pid=svs&sid=vt1 (дата обращения: 01.05.2015); Официальный сайт Всемирного банка. – URL: http://data.worldbank.org/russian (дата обращения: 01.05.2015); BP Statistical Review of World Energy. June 2014 // BP (официальный сайт). – URL: http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html (дата обращения: 15.02.2015).

ций входят в структуру десяти вертикально интегрированных компаний (ВИНК), три оператора СРП (предприятия, работающие на условиях соглашений о разделе продукции), 182 независимые добывающие компании, не входящие в структуру ВИНК[1].

Российский рынок нефти можно охарактеризовать как олигополию.

Одной из крупнейших компаний, занимающихся добычей, геологоразведочными работами (ГРР), переработкой и реализацией нефти и газового конденсата, является ОАО «НК «Роснефть». Эта компания в 2013 г. обеспечила 38,9 % от общероссийской добычи, 34 % в экспорте нефти, 28,5 % в нефтепереработке[2].

Цены на нефть и нефтепродукты на российском рынке были подконтрольны государству до 1995 г. Они были значительно ниже мировых цен на указанные товары аналогичного качества. В 1995 г. правительство отменило государственный контроль за ценообразованием на нефтяном рынке.

На долю ВИНК приходится порядка 87 % добычи нефти, что объясняет установление в отрасли нефтедобычи корпоративного трансфертного ценообразования [6]. На свободном от ВИНК секторе рынка реализуется менее 20 % сырой нефти. На основе соотношения спроса и предложения на нем формируется цена на нефть и нефтепродукты для российских потребителей.

Уровень цен на российскую нефть на внутреннем рынке ниже мировых приблизительно в два раза, однако он обеспечивает доход нефтедобывающим компаниям (рис. 3). Превышение цены производства над ценой приобретения за анализируемый период наблюдалось только в 2008 г.

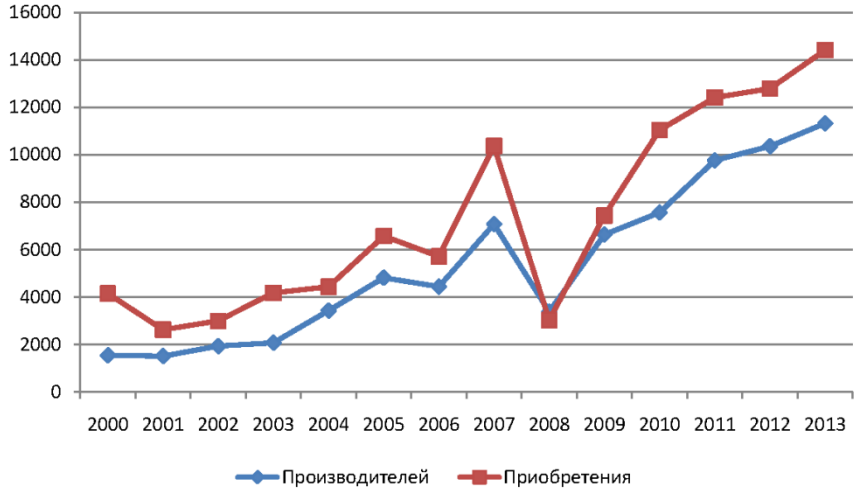

Рис. 3. Средние цены на нефть на внутреннем рынке[3], руб. за тонну

[1] Нефтяной комплекс РФ // Официальный сайт Министерства Энергетики РФ. – URL: http://www.minenergo.gov.ru/activity/oilgas/ (дата обращения: 15.10.15).

[2] ОАО «НК «Роснефть» Консолидированная финансовая отчетность 31 декабря 2013 г. // Официальный сайт ОАО «НК «Роснефть». – URL: http://www.rosneft.ru/attach/0/02/90/Rosneft_FS_2013_RUS_SIGNED_FINAL.pdf (дата обращения: 18.01.2015).

[3] Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 01.05.2015).

3. Рынок природного газа в России

Еще одним значимым энергоресурсом в структуре топливно-энергетического баланса России является природный газ. Согласно данным Министерства энергетики РФ на 01.01.2015 добычей природного и попутного нефтяного газа занимались 266 предприятий, из которых 91 – структурные подразделения нефтяных ВИНК, 16 принадлежат Газпрому, две – НОВАТЭКу, три оператора СРП, а 154 являются независимыми добывающими компаниями[1].

На рис. 4 видно, что за 2000–2013 гг. добыча газа в России увеличилась на 14,38 %. Тенденция роста добычи не была равномерной: на нее оказали влияние мировой экономический кризис 2008 г., проблемы во взаимоотношениях с транзитными странами, экономические проблемы стран-импортеров. В анализируемом периоде также возросло внутреннее потребление, причем большими темпами, чем добыча.

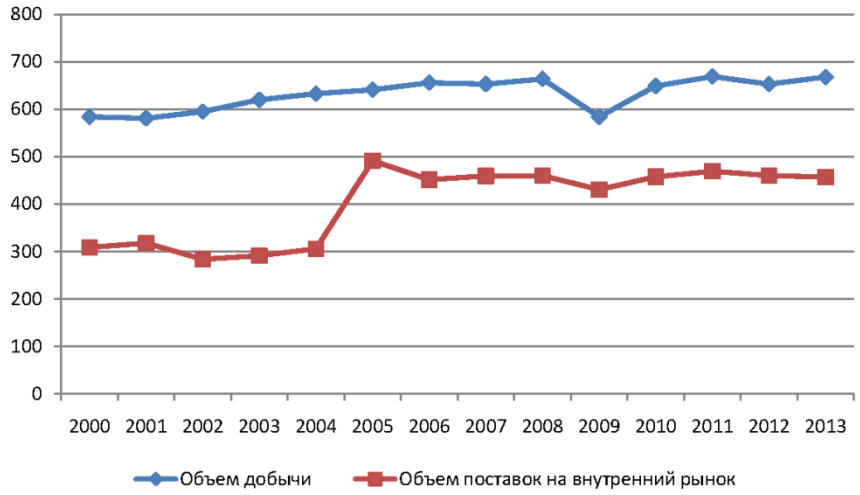

Рис. 4. Объемы добычи и потребления природного газа в России[2], млрд куб. м

Российский газовый рынок имеет двухсекторную модель: регулируемый и нерегулируемый рынки. Более 70 % поставок на регулируемом рынке приходится на ПАО «Газпром», кроме того, группа компаний обладает абсолютной монополией на транспортировку газа и его экспорт[3].

Крупнейшими конкурентами ПАО «Газпром» на российском рынке являются компании ОАО «НОВАТЭК», ОАО «НК «Роснефть» и ОАО «ЛУКОЙЛ». Эти производители поставляют свою продукцию на нерегули-

[1] Газовый комплекс // Официальный сайт Министерства энергетики РФ. – URL: http://www.minenergo.gov.ru/activity/gas/ (дата обращения: 15.10.15).

[2] Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 01.05.2015); О Газпроме // Официальный сайт ОАО Газпром. – URL: http://www.gazprom.ru/about/ (дата обращения: 14.01.15).

[3] О Газпроме // Официальный сайт ОАО Газпром. – URL: http://www.gazprom.ru/about/ (дата обращения: 14.01.15).

руемый рынок, где обладают большим конкурентным преимуществом. Основными потребителями газа независимых производителей являются промышленные предприятия, расположенные вблизи мест добычи (Иркутская, Костромская, Новосибирская, Свердловская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Пермский край).

Территориальный фактор в разделении рынка между ПАО «Газпром» и его конкурентами можно объяснить отсутствием у независимых производителей до недавнего времени доступа к газотранспортной системе.

Проводимая правительством политика либерализации отрасли способствует укреплению позиций независимых производителей газа на отечественном рынке. Сохраняется наметившаяся в 2005 г. тенденция снижения удельного веса ПАО «Газпром» в структуре добываемого природного газа в России [7].

Российский рынок природного газа можно охарактеризовать как олигополию, за исключением сегмента транспортировки, который является полностью монополизированным.

Основными потребителями природного газа в России являются электроэнергетика, металлургия, нефтехимическая промышленность. На долю населения и ЖКХ приходится менее 30 %.

Величина спроса на природный газ на внутреннем рынке за 2000–2013 гг. выросла на 48,15 % (рис. 4). Однако рост не имел устойчивой тенденции ввиду политических и экономических событий. Резкое изменение объемов потребления на внутреннем рынке можно объяснить проводимой государством политикой либерализации цен.

В начале 2000-х гг. структура продаж газа на российском и зарубежных рынках характеризовалась диспаритетом цен. Убыток от деятельности компании-экспортера на отечественном рынке покрывался за счет поступлений из зарубежья. Неэффективными были и цены на газ для потребителей из стран бывшего Советского Союза.

Начиная с 2000-х гг. правительством по инициативе ПАО «Газпром» разрабатывается программа либерализации российского рынка газа, в результате которой установится равная доходность на внутреннем и внешнем рынках. Планируется переход к свободному ценообразованию на внутреннем рынке на основе обоснованных затрат и нормы прибыли, отказ от перекрестного субсидирования.

Изначально либерализацию газового рынка планировали закончить к 2011 г., однако кризисные явления в мировой и отечественной экономике вынудили государство принять ряд постановлений, ограничивающих рост цен.

В рамках либерализации российского рынка газа планируется организовать торговлю газом на товарных биржах, а также через торговые системы – электронные площадки.

По решению Правительства Российской Федерации в 2006–2008 гг. был проведен эксперимент: ПАО «Газпром» продавал газ на электронной торговой площадке по не регулируемым государством ценам. Эксперимент дал положительные результаты, подтвердив эффективность такой формы взаимодействия продавца и покупателя.

Цена для отечественных потребителей с 2000 по 2013 г. увеличилась более чем в 13 раз (рис. 5). Таким образом, с помощью реформирования про-

цесса ценообразования решаются проблемы диспаритета цен на внутреннем и внешнем рынках природного газа и превышения себестоимости над ценой, которые актуализировались в результате «газовой паузы» и стали наиболее значимыми во время кризиса 1998 г.

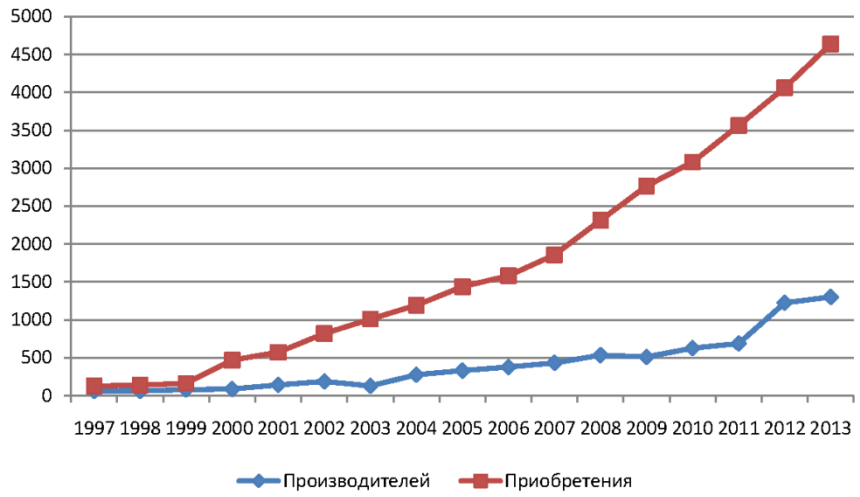

Рис. 5. Средние цены на природный газ на внутреннем рынке[1], руб./1000 куб. м

Пользуясь своим монопольным положением, ПАО «Газпром» устанавливает нормативные уровни рентабельности для добывающих предприятий, в то время как государство определяет отпускные цены на природный газ, при этом не вмешиваясь во внутреннюю систему трансфертного ценообразования. ПАО «Газпром» в процессе внутреннего ценообразования в некотором смысле заменяет органы государственного управления [6].

4. Рынок электроэнергии в России

ЕЭС России состоит из 69 региональных энергосистем, образующих семь объединенных энергетических систем: Востока, Сибири, Урала, Средней Волги, Юга, Центра и Северо-Запада. В состав российского электроэнергетического комплекса входит около 700 электростанций мощностью свыше 5 МВт. Установленная мощность электростанций ЕЭС России в 2014 г. равнялась 232 451,81 МВт. В сетевом хозяйстве ЕЭС России более 10 700 линий электропередачи напряжением 110–1150 кВт[2].

Наиболее крупной компанией на рынке гидрогенерации России является ОАО «РусГидро». В состав общества входят более 70 объектов, в том числе Саяно-Шушенская ГЭС, самая новая и современная в России Богучанская ГЭС. Установленная мощность ОАО «РусГидро» в 2013 г. составила

[1] Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 01.05.2015).

[2] ЕЭС России // Официальный сайт ОАО «Системный оператор Единой энергетической системы». – URL: http://so-ups.ru/index.php?id=ees (дата обращения: 17.10.15).

24 669,25 МВт, количество произведенной обществом электроэнергии – 124 144 млн кВт·ч[1].

В стране реализуется полный цикл технологии ядерной электроэнергетики. По данным Министерства энергетики, в настоящее время в России работает десять АЭС установленной мощностью 23,2 ГВт.

В целях сохранения и усиления национальной безопасности все гражданские и военные ядерные активы доверены в управление Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

Из всех отраслей российского ТЭК электроэнергетика является наиболее обновленной: в 2011 г. завершилось реформирование рынка электроэнергии и мощности. Реализованные реформы во многом изменили структуру отрасли: были упразднены многие вертикально интегрированные компании, а потенциально-конкурентные функции переданы отдельным организациям для большей либерализации рынка. Для более эффективного ценообразования произошло отделение цены электроэнергии от цены резервируемой мощности.

С 2011 г. вся электроэнергия продается по свободным ценам, установленным на основе спроса и предложения. На рис. 6 видно, что до 2007 г. цена на электроэнергию для покупателей на внутреннем рынке была ниже цены продавцов, что лишало энергетические компании значительной части доходов. Рынок электроэнергии в России можно охарактеризовать как стремящийся к совершенному состоянию.

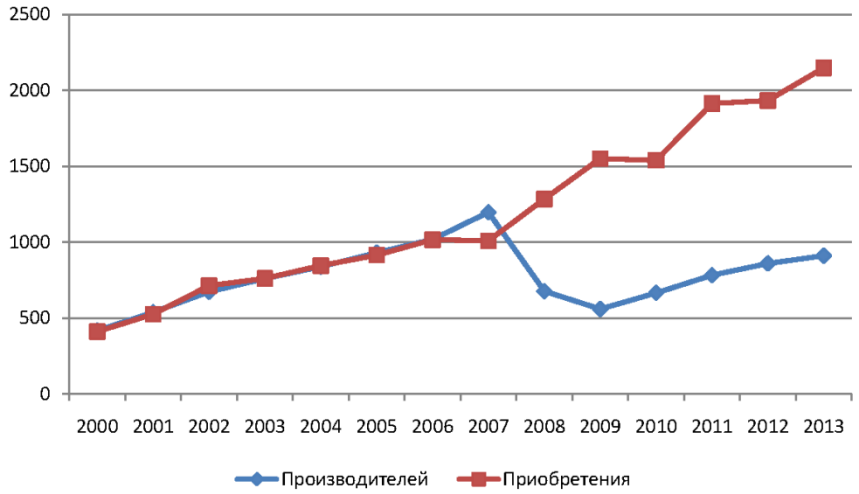

Рис. 6. Средние цены на электроэнергию на российском рынке[2], руб. за 1000 кВт · ч

[1] Годовой отчет открытого акционерного общества «Федеральная гидрогенерирующая компания – РусГидро» за 2013 год // Официальный сайт ОАО «РусГидро». – URL: http://www.rushydro.ru/upload/iblock/4ec/RusHydro_26-06.pdf (дата обращения: 01.01.2015).

[2] Российский статистический ежегодник // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 01.05.2015).

Поставщиками электроэнергии на оптовом рынке являются генерирующие компании и импортеры, покупателями – сбытовые компании, экспортеры и конечные потребители.

5. Перспективы развития российских рынков энергоресурсов

Современное состояние рынков энергоресурсов в России является следствием влияния ряда политических и экономических событий, решений правительства (энергетический кризис 1973 г., «газовая пауза», экономический кризис 1998 г. и т.д.). Сформировавшимся в настоящее время является рынок электроэнергии и мощности. Рынки нефти, угля и природного газа находятся в стадии реформирования и либерализации, поэтому невозможно говорить о действующих на них механизмах ценообразования. Основной трудностью на пути проведения реформ является наличие естественных монополий в отраслях энергетики, а также значение товара (энергии и энергоносителей) для национальной экономики и безопасности страны.

На основании проведенного анализа состояния и функционирования российских рынков энергоресурсов можно определить приоритетные направления их развития:

– развитие условий для неценовой конкуренции;

– формирование эффективных механизмов ценообразования, обеспечивающих компаниям стабильную прибыль;

– развитие электронного бизнеса за счет электронных торговых площадок и бирж;

– использование средств автоматизации для контроля исполнения обязательств по заключенным договорам;

– создание единого информационного пространства на каждом рынке.

Список литературы

1. **Остроухова, Н. Г.** Современное стояние и ключевые тенденции развития мировых энергетических рынков: последствия для России / Н. Г. Остроухова // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2015. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 23–35.
2. **Остроухова, Н. Г.** Взгляд на проблемы российского топливно-энергетического комплекса через призму его становления и развития / Н. Г. Остроухова // Проблемы экономики, организации и управления в России и мире : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Уварина. – Прага : WORLD PRESS s.r.o., 2015. – С. 155–158.
3. **Остроухова, Н. Г.** Конкуренция на отраслевых рынках российского топливно-энергетического комплекса / Н. Г. Остроухова // Повышение управленческого, экономического, социального и инновационно-технического потенциала предприятий, отраслей и народно-хозяйственных комплексов : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГСА. – Пенза : РИО ПГСХА, 2015. – С. 52–55.
4. **Горшенин, В.** Шестой технологический уклад: вызовы для России / В. Горшенин // Бизнес-ключ. – 2010. – № 3–4 (40–41). – С. 22–24.
5. **Бродский, В. А.** Метод расчета относительной ценности угольного сырья в задачах совершенствования ценообразования на российских рынках коксующихся углей / В. А. Бродский, Е. В. Бродская // Уголь. – 2009. – Апрель. – С. 41–44.
6. **Колпакова, И.** Концептуальные подходы к выработке государственной политики цен в отраслях топливно-энергетического комплекса РФ / И. Колпакова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 5. – С. 139–149.

7. **Остроухова, Н. Г.** Совершенствование инструментов управления системой планово-предупредительных ремонтов на предприятиях топливно-энергетического комплекса : моногр. / Н. Г. Остроухова. – Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2013. – 120 с.

References

1. Ostroukhova N. G. *Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of NSU. Series: Socio-economic sciences]. 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 23–35.
2. Ostroukhova N. G. *Problemy ekonomiki, organizatsii i upravleniya v Rossii i mire: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Economic, organizational and management issues in Russia and the world: proceedings of VIII International scientific and practical conference]. Praga: WORLD PRESS s.r.o., 2015, pp. 155–158.
3. Ostroukhova N. G. *Povyshenie upravlencheskogo, ekonomicheskogo, sotsial'nogo i innovatsionno-tekhnicheskogo potentsiala predpriyatiy, otrasley i narodno-khozyaystvennykh kompleksov: sb. st. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Improvement of managerial, economic, social and innovative-engineering potential of enterprises, branches and national economy sectors: proceedings of VII International scientific and practical conference]. Penza: RIO PGSKhA, 2015, pp. 52–55.
4. Gorshenin V. *Biznes-klyuch* [Business-key]. 2010, no. 3–4 (40–41), pp. 22–24.
5. Brodskiy V. A., Brodskaya E. V. *Ugol'* [Coal]. 2009, April, pp. 41–44.
6. Kolpakova I. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2013, no. 5, pp. 139–149.
7. Ostroukhova N. G. *Sovershenstvovanie instrumentov upravleniya sistemoy planovo-predupreditel'nykh remontov na predpriyatiyakh toplivno-energeticheskogo kompleksa: monogr.* [Improvement of managerial tools for scheduled-preventive maintenance systems at enterprises of the fuel-energy sector]. Samara: Samar. gos. tekhn. un-t, 2013, 120 p.

Остроухова Наталья Григорьевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, филиал Самарского государственного технического университета в г. Сызрани
(Россия, Самарская область, г. Сызрань, ул. Советская, 45)

Ostroukhova Natal'ya Grigor'evna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics, Syzran Branch of Samara State Technical University
(45 Sovetskaya street, Syzran, Samara region, Russia)

E-mail: ostroukhova86@yandex.ru

УДК 338.516.4

Остроухова, Н. Г.

Рынки отраслей топливно-энергетического комплекса России: состояние и тенденции развития / Н. Г. Остроухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 124–134.

УДК 338

А. В. Шопырин, Л. Н. Семеркова, Н. В. Свиридова

АНАЛИЗ И ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА»

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время из-за трудной экономической ситуации наблюдается замедление или падение объемов в разрезе сфер экономической деятельности дотационных регионов. Сложившаяся ситуация требует разработки новых методик анализа и планирования различных сфер экономической деятельности (в частности, сферы «Обрабатывающие производства») с учетом показателей региона. Цель работы – проанализировать уровень развития сферы «Обрабатывающие производства» в Приволжском федеральном округе и предложить методику сравнительного планирования для разработки плана по развитию сфер деятельности.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа показателей развития сферы деятельности «Обрабатывающие производства». Базой исследования послужили статистические данные по Приволжскому федеральному округу.

Результаты. Выявлено, что сфера экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в большинстве регионов Приволжского федерального округа находится на среднем или высоком уровне развития, но фактическая добавленная стоимость различна как в объемах, так и долях.

Выводы. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что устойчивое экономическое развитие сферы экономической деятельности «Обрабатывающие производства» – это процесс непрерывных изменений, происходящих в функционировании организации и сопровождаемых улучшением показателей экономического роста и эффективности деятельности, в том числе за счет использования инновационной деятельности, обеспечивающей долгосрочную перспективу экономического развития.

Ключевые слова: санкции, гармонизация, сфера деятельности, сравнительное планирование, импортозамещение, машиностроение, анализ.

A. V. Shopyrin, L. N. Semerkova, N. V. Sviridova

DEVELOPMENT ANALYSIS AND PLANNING OF THE “MANUFACTURING” ECONOMIC AREA

Abstract.

Background. Due to a difficult economic situation nowadays, there is a slowdown or decline of volumes in cross-sectional areas of economic activity in subsidized regions. This situation requires development of new methods of analysis and planning in various spheres of economic activity (in particular, the “Manufacturing” area), taking into account region’s performance. The purpose of the work is to analyze the level of development of the “Manufacturing” sphere in the Volga Federal District and offer a comparative methodology for planning, to elaborate a plan for development of activities.

Materials and methods. The research tasks were implemented by analyzing the performance of the “Manufacturing” area. The study was based on statistics on the Volga Federal District.

Results. It has been found that the “Manufacturing” economic area in most regions of the Volga Federal District is at an average or high level of development, but the actual value added differs in amounts and proportions.

Conclusions. According to the results of the study it can be concluded that stable economic development of the “Manufacturing” area is a process of continuous change in organizations’ functioning, accompanied by improved economic growth and performance, including through the use of innovative activities, providing – long-term economic development.

Key words: sanctions, harmonization, activity area, comparative planning, import substitution, mechanical engineering, analysis.

В условиях введения санкций в отношении экономики России и возникших проблем импортозамещения материалов, оборудования и запасных частей, используемых в деятельности организаций машиностроения, являющегося ведущей сферой деятельности обрабатывающих производств в России, снизились темпы их экономического развития.

Сложившаяся ситуация может повлиять, с одной стороны, на сохранение и улучшение позиций части российских организаций на рынке (или его сегменте), повышение их конкурентоспособности, а с другой стороны, замедление развития в целом по всей сфере машиностроения из-за длительного периода использования импортных комплектующих и материалов.

Вступил в силу Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», который нацелен на повышение конкурентоспособности российской индустрии и развитие импортозамещения. Важная роль в законе отводится фондам развития промышленности, которые будут оказывать финансовую и иную поддержку промышленным предприятиям [1].

В регионах принимаются государственные программы областей «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на 2015–2017 годы». Цель программ – синхронизация федеральных и региональных мер поддержки в сфере промышленности для обеспечения устойчивых темпов роста объемов производства и реализации промышленной продукции, создания благоприятного инвестиционного климата, повышения конкурентоспособности и устойчивости базовых отраслей промышленности. Кроме того, в ряде регионов утверждены планы мероприятий по содействию импортозамещению на 2015–2017 гг.

Региональная экономическая политика направлена на развитие сфер экономической деятельности.

В современных условиях развитие сфер экономической деятельности должно включать следующие этапы:

1) преодоление фазы застоя в развитии;

2) наличие положительной динамики в развитии и стремление к стабильному уровню;

3) достижение стабильного уровня как решение задачи-минимум (при положительной динамике роста показателей);

4) превышение стабильного уровня как решение задачи-максимум.

В условиях современной экономики достижение организациями в своем экономическом развитии стабильного уровня и сохранение своих позиций на рынке за определенный период времени характеризуется устойчивостью.

Сохранение позиции организации на стабильном уровне длительное время характеризует также развитие и потенциальную конкурентоспособность.

Предлагаемое сравнительное планирование может быть реализовано на уровне региона и сфер экономической деятельности.

От правильной организации сравнительного планирования устойчивого развития предприятий машиностроения на уровне сферы деятельности может зависеть развитие секторов экономики в дотационном регионе, а также конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность в целом самого региона.

Сравнительное планирование в регионах может осуществляться на уровне сферы деятельности. Термин «сфера деятельности» применяется в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД 2).

В качестве примера приведем сопоставимую сферу экономической деятельности машиностроения – класс 28 «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки», определенную в ОКВЭД 2 и КДЕС (ред. 2) [2]:

С. ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА:

– 28. Производство машин и оборудования, не включенных в другие категории.

– 28.1. Производство машин общего назначения.

28.11. Производство двигателей и турбин, кроме авиационных, автомобильных и мотоциклетных двигателей.

28.12. Производство гидравлического оборудования.

28.13. Производство прочих насосов и компрессоров.

28.14. Производство прочих кранов и вентилей.

28.15. Производство подшипников, шестеренок, элементов зубчатых передач и приводов.

В связи с гармонизацией названных выше классификаторов и очевидным их применением в анализе деятельности организаций логично предложить использование подклассов в сравнительном планировании устойчивого развития организаций и сфер деятельности.

Развитие регионов зависит не только от самого факта применения, например высоких технологий в отдельных организациях машиностроения, но и от того, как эти организации работают, каковы масштабы их деятельности, получают ли они достаточный объем добавленной стоимости, в том числе прибыли.

В России преобладает число дотационных регионов. Приоритетным показателем сравнительного планирования устойчивого экономического развития организаций в дотационных регионах на уровне сферы экономической деятельности должна стать добавленная стоимость. Аргументами в пользу выбора данного показателя могут быть следующие:

1. Добавленная стоимость – основной показатель развития региона – валовый региональный продукт (ВРП).

2. В дотационных регионах основную долю в консолидированных бюджетах составляет налог на доходы физических лиц (НДФЛ), а не налог на прибыль, поэтому показатель прибыли может недостаточно отражать тенденции развития на уровне региона и сферы экономической деятельности.

3. Данные, формирующие показатель «Добавленная стоимость» организаций по сферам экономической деятельности, в которых они функциони-

руют, могут определять и представлять территориальные органы статистики в Министерства экономики дотационных регионов.

Организации сферы экономической деятельности (класса 28) «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» формируют добавленную стоимость не только этой сферы деятельности, но и воздействуют на развитие смежных сфер (например, нефтегазовая промышленность, атомная энергетика и др.). В свою очередь, существование и развитие сферы деятельности машиностроения зависит от устойчивого развития организаций и влияет на их конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность.

Создаваемые условия по снижению отрицательного влияния на деятельность организаций введенных санкций могут повлиять и на развитие конкурентоспособности организаций, функционирующих в такой сфере экономики, как машиностроение. Учитывая мощный ресурсный потенциал экономики России и, соответственно, сфер экономической деятельности, можно ожидать усиление конкуренции российских организаций не только на внутреннем рынке, но и на международном уровне.

Очевидно, что развитие приоритетных сфер экономической деятельности, в частности машиностроения, в дотационных регионах возможно за счет повышения конкурентоспособности организаций. В свою очередь, каждый регион вносит свой вклад на национальном уровне.

Одним из важных этапов сравнительного планирования является анализ показателей как на уровне региона, так и на уровне сферы экономической деятельности.

На основе приведенных данных (табл. 1–3) можно провести сравнительный анализ уровня экономического развития регионов в Приволжском федеральном округе, определить их позиции в определенных группах и построить целевой рейтинг.

Таблица 1

Данные о ВРП по субъектам РФ, входящим в состав Приволжского федерального округа, по данным Федеральной службы государственной статистики за 2013 г.

Приволжский федеральный округ	**ВРП, млн руб.**	**Доля ВРП в общем объеме округа, %**
Республика Башкортостан	1 266 983,0	14,78 %
Республика Марий Эл	124 400,2	1,45 %
Республика Мордовия	149 331,7	1,74 %
Республика Татарстан	1 547 151,7	18,05 %
Удмуртская Республика	404 833,7	4,72 %
Чувашская Республика	224 447,6	2,62 %
Пермский край	893 409,8	10,42 %
Кировская область	224 726,5	2,62 %
Нижегородская область	925 832,9	10,80 %
Оренбургская область	709 523,7	8,28 %
Пензенская область	270 854,1	3,16 %
Самарская область	1 040 713,5	12,14 %
Саратовская область	528 676,4	6,17 %
Ульяновская область	260 340,6	3,04 %

Предлагаются следующие интервалы группировок для составления целевого рейтинга по доле ВРП в общем объеме на примере регионов Приволжского федерального округа (табл. 2).

Таблица 2

Интервалы группировок

Группа регионов	Дифференциация уровней ВРП	Диапазон, %
1. Регионы-доноры и регионы с потенциалом доноров	Регионы с высоким уровнем ВРП	12 и выше
2. Дотационные регионы	Регионы со средним уровнем ВРП	От 5 до 12
	Регионы с низким уровнем ВРП	Менее 5

Таблица 3

Первичная группировка и целевой рейтинг регионов Приволжского федерального округа по доле ВРП

Категория группы	Группа регионов	Интервал группировок, %	Доля ВРП, в процентах к округу	Целевой рейтинг регионов	
1	Регионы с высоким уровнем ВРП	Свыше 12	18,05	1	Республика Татарстан
			14,78	2	Республика Башкортостан
			12,14	3	Самарская область
2	Дотационные регионы со средним уровнем ВРП	5–12	10,8	1	Нижегородская область
			10,42	2	Пермский край
			8,28	3	Оренбургская область
			6,17	4	Саратовская область
3	Дотационные регионы с низким уровнем ВРП	Менее 5	4,72	1	Удмуртская республика
			3,16	2	Пензенская область
			3,04	3	Ульяновская область
			2,62	4	Кировская область
				5	Чувашская республика
			1,74	6	Республика Мордовия
			1,45	7	Республика Марий Эл

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что уровень социально-экономического развития среди регионов Приволжского округа очень дифференцирован. В приведенной ниже табл. 4 представлен целевой рейтинг по уровню развития сферы деятельности в регионах Приволжского федерального округа по данным Росстата.

По статистическим данным за 2013 г., регионов с низкой долей добавленной стоимости сферы «Обрабатывающие производства» в ВРП до 10 % нет.

Результаты исследования и целевой рейтинг, приведенные в табл. 4, показывают, что сфера экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в большинстве регионов Приволжского федерального округа находится на среднем или высоком уровне развития, но фактическая добавленная стоимость различна как в объемах, так и долях.

Таблица 4

Целевые рейтинги регионов Приволжского федерального округа по уровню развития сферы «Обрабатывающие производства» [3]

Подгруппа регионов	Добавленная стоимость сферы деятельности «Обрабатывающие производства», млн руб.	Доля добавленной стоимости сферы деятельности в ВРП региона, %	Место в подгруппе
Регионы с высокой долей добавленной стоимости сферы деятельности «Обрабатывающие производства» в ВРП региона (25 % и выше)			
Регионы-доноры и регионы с потенциалом доноров			
Республика Башкортостан	458 647,85	36,20	1
Самарская область	260 178,38	25,00	2
Дотационные регионы со средним уровнем ВРП			
Пермский край	270 703,17	30,30	1
Нижегородская область	273 120,71	29,50	2
Регионы с недостаточно высокой долей добавленной стоимости сферы «Обрабатывающие производства» в ВРП региона (от 15 до 25 %)			
Регионы-доноры и регионы с потенциалом доноров			
Республика Татарстан	280 034,46	18,10	1
Дотационные регионы со средним уровнем ВРП			
Саратовская область	103 091,90	19,50	1
Дотационные регионы с низким уровнем ВРП			
Республика Марий Эл	30 726,85	24,70 %	1
Кировская область	55 057,99	24,50 %	2
Чувашская Республика	54 989,66	24,50 %	3
Республика Мордовия	33 599,63	22,50 %	4
Ульяновская область	57 535,27	22,10 %	5
Пензенская область	56 879,36	21,00 %	6
Удмуртская Республика	72 465,23	17,90 %	7
Регионы со средней долей добавленной стоимости сферы «Обрабатывающие производства» в ВРП региона (от 10 до 15 %)			
Оренбургская область	83 014,27	11,70 %	1

Следует также отметить, что, несмотря на средний уровень развития сферы в большинстве регионах, их конкурентоспособность на уровне округа продолжает оставаться на низком уровне по причине низкой доли ВРП исследуемых регионов.

При определении места региона можно производить корректировку показателя «Доля добавленной стоимости сферы “Обрабатывающие производства” в ВРП региона» с учетом значимости экономических показателей региона в округе.

Группировки регионов могут осуществляться не только на уровне регионов, в частности Приволжского федерального округа, но и в целом по России, а также по разным сферам экономической деятельности.

Таким образом, для развития приоритетных сфер экономической деятельности в дотационных регионах необходимо внедрить новые методические подходы к сравнительному планированию.

Для решения данной проблемы необходима система консолидированных (обобщающих) рейтингов сфер экономической деятельности.

На мезоуровне планирование развития приоритетных сфер экономической деятельности следует рассматривать в дотационных регионах, учитывая различия в региональном экономическом развитии сфер деятельности, которые сохраняются на протяжении многих лет, обусловливая региональные диспропорции. Поэтому для сравнительного планирования и анализа развития сфер экономической деятельности предлагается составлять консолидированные рейтинги на уровне регионов, в основе которых могут быть целевые рейтинги.

Проблемы сравнительного планирования устойчивого развития приоритетных сфер экономической деятельности пока еще мало исследованы, несмотря на то что они могут быть чрезвычайно полезны при прогнозировании и оценке экономического развития и конкурентоспособности дотационных регионов. Соответственно, и показатели как в сравнительном планировании, так и в сравнительном анализе устойчивого развития сфер деятельности должны применяться в консолидированных динамических рейтингах.

Преимущества консолидированных рейтингов в сравнительном планировании состоят в соблюдении условий сопоставимости проведения сравнений при любом числе организаций, фактически относящихся к определенным сферам экономической деятельности, достижении широкого охвата организаций, получении наиболее точных прогнозов.

Методика построения консолидированных динамических рейтингов базируется на использовании целевых индексов и их пороговых значениях.

Вычислительные значения консолидированных динамических рейтингов устойчивого развития сфер экономической деятельности можно сравнить в динамике и для разных сфер деятельности в регионах.

Очевидно, что роль и значение как сравнительного планирования, так и сравнительного анализа организаций существенно возрастает для информационного обеспечения региональных органов власти. При этом возможности сравнительного планирования и анализа на различных уровнях реализуются не полностью. Предполагается, что внедрение новых методик сравнительного планирования будет содействовать совершенствованию аналитической работы в областях.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что устойчивое экономическое развитие как регионов, так и сфер экономической деятельности – это процесс непрерывных изменений, происходящих в функционировании организации и сопровождаемых улучшением показателей экономического роста и эффективности деятельности, в том числе за счет использования инновационной деятельности, обеспечивающей долгосрочную перспективу экономического развития.

Список литературы

1. URL: http://ria.ru/economy/20141231/1041033809.html#ixzz3dasDr5vm.
2. URL: http://ec.europa.eu/
3. URL: http://www.gks.ru/
4. URL: http://mineconomic.pnzreg.ru/Ukaz_596

References

1. Available at: http://ria.ru/economy/20141231/1041033809.html#ixzz3dasDr5vm.
2. Available at: http://ec.europa.eu/
3. Available at: http://www.gks.ru/
4. Available at: http://mineconomic.pnzreg.ru/Ukaz_596

Шопырин Александр Владимирович
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: shopyrin@list.ru

Shopyrin Alexander Vladimirovich
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Семеркова Любовь Николаевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга, коммерции и сферы обслуживания, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: penzamarketing@mail.ru

Semerkova Lubov Nikolaevna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of marketing, commerce and services, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Свиридова Нина Владимировна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, налогообложения и аудита, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sviridovanv@rambler.ru

Sviridova Nina Vladimirovna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of accounting, taxation and audit, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338

Шопырин, А. В.

Анализ и планирование развития сферы экономической деятельности «Обрабатывающие производства» / А. В. Шопырин, Л. Н. Семеркова, Н. В. Свиридова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 135–142.

УДК 334

И. А. Юрасов, В. В. Бондаренко, М. А. Танина, В. А. Юдина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕОБРАЖАЮЩИХ ИНВЕСТИЦИЙ В СФЕРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕТЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность работы заключается в необходимости совершенствования территориального общественного самоуправления в регионах Российской Федерации, использовании инновационных компьютерных сетей для совершенствования управления территориями. Местное самоуправление повысит свою эффективность благодаря использованию механизма совмещенных ценностей, учитывающих как социальный, так и экономический аспекты, которые будут внедряться в территориальное сообщество посредством информационно-коммуникативной инфраструктуры. Целью научного исследования является концептуализация понятия и описание принципов создания технологий импакт-инвестирования (преобразующих инвестиций) в территориальном общественном самоуправлении (ТОС) и моделирование технологий совершенствования местного самоуправления в регионах.

Материалы и методы. Для достижения цели научного исследования использовались апробированные в научной практике методы системного, структурного, логического и сравнительного анализа, контент-анализа, анализа документов, первичных и вторичных социологических исследований, отражающих результаты социально-экономической, культурной и политической деятельности местных сообществ. Также использовались массовый и экспертный опросы членов ТОС (массовый n = 350 человек, экспертный опрос n = 25 человек), общенаучные принципы анализа социальных явлений и специализированные компьютерные программы для обработки статистической информации, социологическое воображение, методы структурного и факторного анализа, метод прогнозирования развития ТОС.

Результаты. Проведенный анализ концептуальных подходов к формированию понятий «преображающие инвестиции», «модель развития системы ТОС в регионах России», «совмещенная ценность местного самоуправления», «сетевое управление территорией» позволил по-новому взглянуть на проблему местного самоуправления, в которой существует множество нерешенных задач, связанных, главным образом, с пассивностью местного населения. В процессе исследования было сформулировано определение, учитывающее характеристики и составные элементы преображающих инвестиций, а также разработана модель системы импакт-инвестирования в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления.

Выводы. Понятие «преображающие инвестиции» связано с социальной ответственностью предприятий и организаций перед обществом. Преображающие инвестиции (импакт-инвестиции) представляют собой вложения денежных средств в компании и фонды с целью достижения значимых социальных, экологических результатов в дополнение к финансовой отдаче, при этом первостепенной целью является достижение положительных социальных эффек-

[1] Публикация подготовлена по результатам выполненного исследования в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00116.

тов и результатов. Ключевой момент, который реализует концепция преображающих инвестиций, – это стремление к прибыли, совместимой с пользой для общества, решением экологических проблем и социальной справедливостью.

Ключевые слова: преображающие инвестиции, территориальное общественное самоуправление, совмещенная ценность местного самоуправления, сетевое управление территорией.

I. A. Yurasov, V. V. Bondarenko, M. A. Tanina, V. A. Yudina

CONCEPTUALISATION OF A NOTION OF CHANGING INVESTMENTS IN THE SPHERE OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT ON THE BASIS OF TERRITORIAL NETWORK MANAGEMENT MODELLING

Abstract.

Background. The present work appears to be relevant due to a need of improvement of territorial public self-government in regions of the Russian Federation, usage of innovative computer networks for improvement of territorial management improvement. Local governments will be able to increase efficiency, using a mechanism of combined values that considers both social and economic aspects, which will be implemented into territorial communities by means of the information and communicative infrastructure. The purpose of the research is to conceptualize a notion, to describe principles of creation of technologies of impact-investment (changing investments) in territorial public self-governments (TPSG) and to model imrpovement technologies for local governments in regions.

Materials and methods. The research tasks were implemented using the methods approved in scientific practice: a system, structural, logical and comparative analysis, a content-analysis, analysis of documents, primary and secondary sociological researches reflecting results of socio-economic, cultural and political activities of local communities. The authors also conducted mass and expert polls of TPSG members (mass poll n = 350 people, expert poll n = 25 people), used general scientific principles of social phenomena analysis and specialized computer programs for statistical information processing, sociological imagination, methods of structural and factorial analysis, a method of TPSG development forecasting.

Results. The carried-out analysis of conceptual approaches to formation of concepts of «changing investments», «a model of TPSG system development in regions of Russia», «combined value of local government», «territorial network management» allows to view the problem of local government from a new perspective, in which there is a set of unresolved tasks connected, mainly, with passivity of local population. In the course of research the authors have formulated a definition, taking into account characteristics and components of changing investments, and developed the model of impact-investment system in development of the information and communicative infrastructure of a network of territorial public self-government.

Conclusions. The concept «changing investments» is connected with social responsibility of enterprises and organizations to the society. The changing investments (impact-investments) represent investments of money in companies and funds to achieve significant social, ecological results in addition to financial return, thus the paramount purpose is achievement of positive social effects and results. The key aspect of the concept of changing investments is an aspiration to profit in combination with benefits for society, solution of environmental problems and social justice.

Key words: changing investments, territorial public self-government, combined value of local government, territorial network management.

Развитие местного самоуправления в настоящее время является одной из важнейших задач стратегического развития Российской Федерации. Законодательное регулирование местного самоуправления определено в Конституции Российской Федерации, Федеральных законах: от 28.08.1995 № 154-ФЗ, от 21.07.2005 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления»; от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»; от 21 июля 2005 г. № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов МО» и др.

В системе территориального общественного самоуправления существует множество проблем: сложность внедрения экономических программ, недостаточный квалификационный и лидерский уровень руководителей, слабая нормативная база. Согласно многочисленным экспертным опросам, статистическим данным, развитие всего местного самоуправления в целом и системы территориального общественного самоуправления (ТОС) в частности зависит от энтузиазма отдельных лидеров и большинства населения. Согласно российским и международным принципам муниципального права, важным аспектом эффективности системы территориального общественного самоуправления является социальная, политическая и экономическая активность местной общины. Именно слабая активность на территориях муниципалитетов негативно влияет на активность местного самоуправления. Использование инновационных механизмов импакт-инвестрования с его совмещенной ценностью, учитывающей как социальный, так и экономический аспекты, поможет дать толчок развитию местного самоуправления.

Современное развитие России сопровождается возникновением сложных проблем формирования новых отношений между гражданским обществом, его факторами и государством. Особую роль в данном случае играет развитие такой структурной единицы, фактора развития и социального института гражданского общества, как территориальное общественное самоуправление [1, с. 33].

Под моделью местного самоуправления авторами исследования понимается система горизонтальных и вертикальных взаимосвязей между субъектами самоуправления, закрепленная, как правило, законодательно, а под организационной формой – реализация правовой модели на практике с учетом исторических особенностей, национальных традиций, политических интересов и экономических возможностей местных сообществ.

При этом под общественным самоуправлением понимается проявление общественной активности граждан, формы коллективного объединения людей, посредством которых они осуществляют собственные инициативы, добровольно и безвозмездно участвуют в решении конкретных дел местных сообществ. Общественное самоуправление представляет собой систему общественной деятельности и управления общественными делами, построенную на основе самоорганизации, самодеятельности и саморегулирования[1]. Это форма самоорганизации и самодеятельности жителей для самостоятельного,

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) (ред. от 29.06.2015). – URL: http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/

под свою ответственность, осуществления собственных инициатив и общих интересов.

Анализ теоретико-методологических основ развития территориального общественного самоуправления показывает, что данная проблема анализировалась в общественных науках в рамках социологии, философии, истории и юриспруденции. Социальные основы, формирующие основу территориального общественного самоуправление в России, авторами предлагается структурировать в модель, которая приведена на рис. 1.

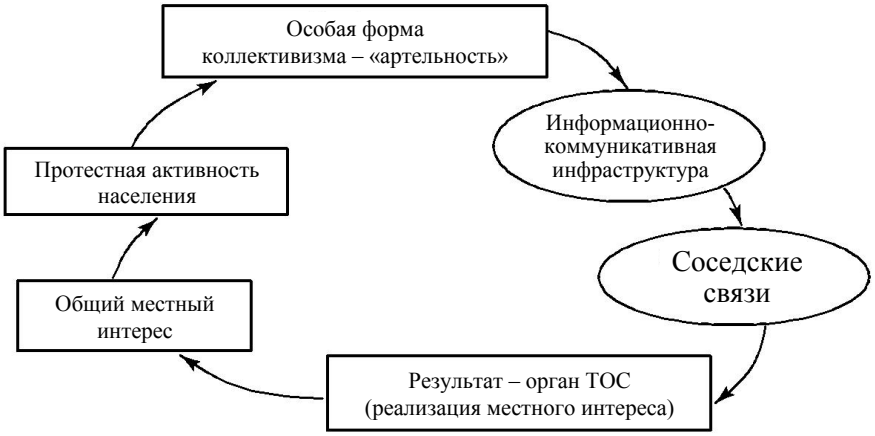

Рис. 1. Модель формирования территориального общественного самоуправления в регионах Российской Федерации

Формирование территориального общественного самоуправления в регионах Российской Федерации базируется на общих интересах местного сообщества, затем возникает протестная активность населения, которая может выражаться в определенной форме коллективизма. Посредством информационно-коммуникативной инфраструктуры и соседских связей формируется орган территориального общественного самоуправления, реализующий интересы местного сообщества.

Таким образом, социальной основой российского местного самоуправления является уникальная социальная структура, местное, организованное «снизу» самими гражданами сообщество [2, с. 5]. Главными факторами его являются неформальная организация, наличие местного интереса, протестная активность, соседские связи, основанные на региональном и местном интересе. Самоорганизация в решении социально-экономических проблем строится на принципах «артельности». Под этим феноменом понимается особая форма российской общинности, способствующей самоорганизации, в основе которой лежит базовая цивилизационная ценность российского народа – социальный коллективизм.

Для получение информации о перспективе развития территориального общественного самоуправления в 2015 г. было проведено исследование, направленное на изучение существующей ситуации в территориальном общественном самоуправлении и выявление факторов развития технологий импакт-инвестирования в ТОС на примере Пензенского региона. В качестве ключевого метода исследования был использован экспертный опрос. Эксперты (25 человек) были сформированы из руководителей высшего и среднего звена

товариществ собственников жилья (ТСЖ), являющихся самыми распространенными органами ТОС г. Пензы. Также был проведен массовый анкетный опрос 350 жителей многоквартирных домов г. Пензы с формой управления «товарищество собственников жилья».

На рис. 2 представлено мнение жителей г. Пензы по поводу необходимости развития ТОС и ТСЖ.

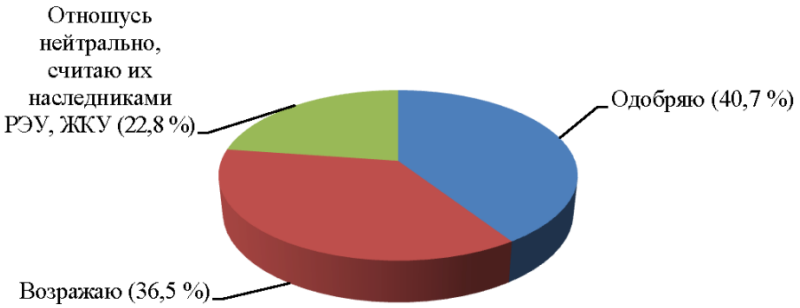

Рис. 2. Мнение жителей г. Пензы по поводу необходимости развития ТОС и ТСЖ (в процентах от числа ответивших, n = 350)

Как видно из результатов опроса, большая часть населения г. Пензы одобряет развитие ТОС и ТСЖ (40,7 % опрошенных), однако 36,5 % возражают против развития ТОС и ТСЖ, а 22,8 % относятся к данному процессу нейтрально. Таким образом, не существует однозначного отношения к территориальному общественному самоуправлению. Большинство относится к нему весьма скептически.

На вопрос «Какая оптимальная форма управления может быть на местах?» 61,5 % респондентов отметили в качестве оптимальной формы управления на местах ТОСы и ТСЖ. Это говорит о постепенном признании населением городов важности таких форм самоуправления на местах, как ТОС и ТСЖ, и о развитии самостоятельности и ответственности российского городского населения.

Мнение исследователей о росте уровня самостоятельности, самосознания местного населения и о снижении патерналистских ожиданий подтверждают результаты анализа ответов на вопрос о том, кто должен создавать общественные организации на местах. Большинство респондентов (69,2 %) сошлись на мнении, что само население при поддержке органов местного самоуправления должно создавать такие организации (рис. 3).

По мнению экспертов, оптимальной формой управления на местах является администрация района (мнение 49,0 %). Данной форме, по результатам опроса, незначительно уступают формы территориального общественного самоуправления: товарищество собственников жилья (45,1 %) и уличные комитеты (35,3 %).

По нашему мнению, выбор таких форм организации местного самоуправления вызван тем, что они в первую очередь реализуют важный местный интерес – координацию управления жилищно-коммунальным комплексом, поддержание управления жилищным фондом на должном уровне. Для наглядности на рис. 4 приводятся отдельно результаты ответов депутатов и специалистов администрации, которым было предложено выбрать не более трех вариантов ответа.

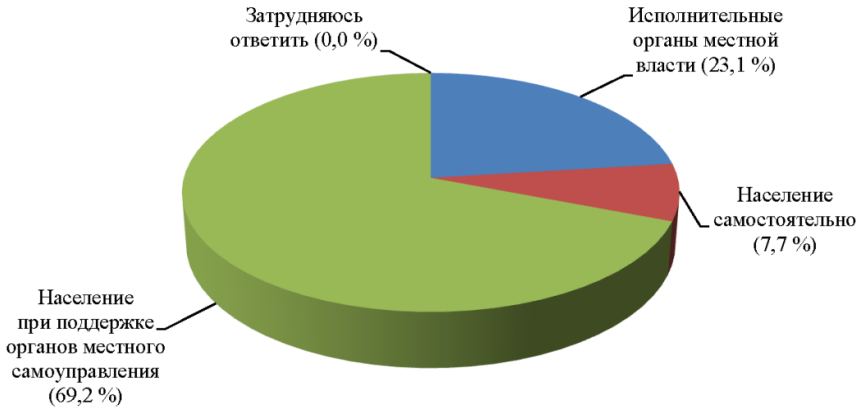

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто должен создавать общественные организации на территории микрорайона, квартала?»

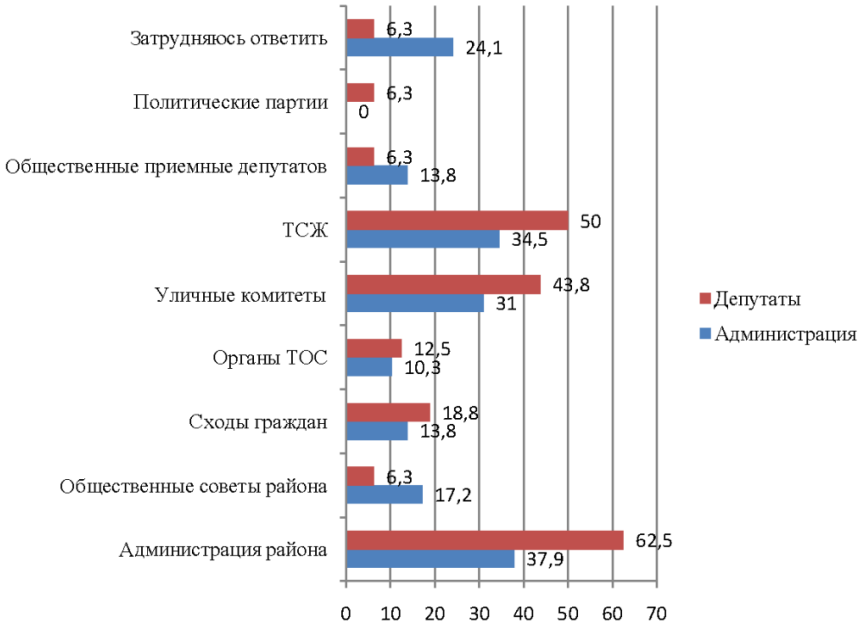

Рис. 4. Распределение ответов экспертов на вопрос «Каковы, по Вашему мнению, оптимальные формы управления на местах?» (в процентах от числа ответивших, $n = 274$)

Принятие управленческого решения невозможно без учета общественного мнения. Его тесная связь с интересами жителей приводит к достижению компромиссов интересов, повышению уровня доверия к власти и подлинному социальному партнерству. В то же время отметим, что увеличение числа участников при принятии решений имеет отрицательные особенности – усложнение процесса принятия решений и дополнительные материальные затраты.

На рис. 5 представлено мнение экспертов об управлении муниципальным образованием.

Данные опроса показали, что 53,8 % респондентов считают управление в муниципалитете результатом согласования внутренних позиций власти с горожанами.

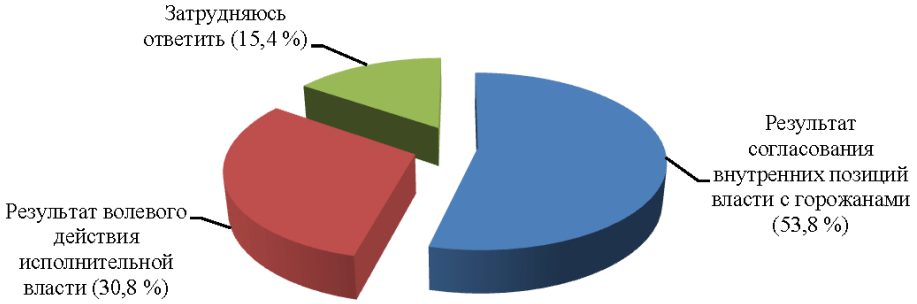

Рис. 5. Распределение ответов респондентов
на вопрос об управлении в муниципальном образовании

В ходе анализа мнения жителей г. Пензы по определению основных приоритетных местных проблем, которыми должны заниматься органы местного самоуправления, были получены следующие результаты: большинство жителей считают, что муниципальные органы власти занимаются не теми проблемами, которые в первую очередь интересны местному сообществу; 99 % жителей волнует плохое состояние внутридворовых территорий; 76 % отметили в качестве важной проблемы отсутствие горячего водоснабжения; 48 % – плохое состояние жилого фонда.

Местные же органы власти выделяют в качестве основных проблем благоустройство территорий (49 %) и восстановление детских площадок (55 %).

Анализ результатов данного опроса показывает, что наблюдается несовпадение в пожеланиях горожан с направлением работы органов власти. Это подтверждают и другие исследования 2010–2015 гг. 47 % из числа опрошенных жителей считают, что чиновники при принятии решений плохо понимают реалии жизни [3, с. 23].

Положительные примеры развития территориального общественного самоуправления в кластерных регионах показывают, что многие проблемы развития местного самоуправления успешно решаются самими людьми на местном уровне. 53,8 % респондентов согласны с тем, что благосостояние жителей муниципального образования зависит одновременно от самих жителей и от федеральных органов власти.

Также опрос, проведенный в 2015 г. среди экспертов и членов ТСЖ в г. Пензе, показал, что проблемами развития муниципалитета являются низкий уровень доходов граждан (100 %), рост цен на услуги ЖКХ (76,9 %), проблемы благоустройства, чистоты территории (46,2 %), экологические проблемы (46,2 %).

В табл. 1 приводится мнение экспертов по вопросу организации и финансирования работы органов территориального общественного самоуправления.

По мнению экспертов, органы территориального общественного самоуправления в Пензенской области должны создаваться населением при поддержке органов местного самоуправления (самый распространенный ответ – мнение 72,5 % экспертов).

На вопрос «Какую социальную активность проявляет население в решении проблем территории проживания?» 49,0 % опрошенных ответили, что «низкую», 31,4 % – «умеренную», и лишь 3,9 % – «высокую». При этом ак-

тивность горожан в решении проблем территории проживания проявляется в форме жалоб и прошений (84,3 % экспертов отмечают письменные обращения в администрацию, 39,2 % – в Думу). Данная активность иждивенческая, она направлена на то, чтобы другие субъекты (власть, бизнес и др.) решали проблемы горожан.

Таблица 1

Возможные пути развития организации и финансирования органов территориального общественного самоуправления (в процентах от числа ответивших экспертов, *n* = 25)

Вопрос	Вариант ответа	%
1. Кто должен создавать общественные организации на территории микрорайона, квартала?	– Население при поддержке органов местного самоуправления	72,5
	– население самостоятельно	23,5
	– исполнительные органы местной власти	2,0
	– затрудняюсь ответить	2,0
	Итого	100
2. На каких основаниях должна осуществляться работа в органах территориального общественного самоуправления?	– На основе самообеспечения	36,0
	– на общественных началах	25,8
	– финансироваться из городского бюджета	16,3
	– затрудняюсь ответить	21,9
	Итого	100

В основном причинами низкой активности являются безразличие к общим делам (так считают 58,8 % экспертов), неверие в возможность оказывать влияние на решения властей (мнение 47,1 % экспертов), привычка надеяться на действия властей (35,3 %). Экспертам в опросе предлагалось выбрать две из приведенных причин, препятствующих «низовой» активности местного населения.

При этом уровень доверия федеральным органам власти составляет 53,8 %, уровень доверия администрации района – 38,2 %, в то же время уровень доверия к активным жителям территории составляет 46,2 %, что говорит о росте доверия между людьми внутри местных общин. Это является весьма важным условием развития территориального общественного самоуправления на местах и обнадеживающим фактором успешной социализации преображающих инвестиций.

Доверие является основой «низовых» неформальных экономических и социальных отношений в обществе. Оно складывается в результате общности интересов и ценностей, является определенным ресурсом общества – социальным капиталом.

По-разному влияет на активность в участии в территориальном общественном самоуправлении уровень дохода.

Анализируя результаты опроса, приходим к выводу, что число «новых собственников» составляет 43 %. По нашему мнению, именно товарищества собственников жилья из новых собственников станут опорой развития территориального общественного самоуправления. Согласно опросу доход 21–29 тыс. рублей на одного члена семьи является средним для «новых соб-

ственников». Люди, доход которых составляет данную сумму, имеют больше времени и желания участвовать в местном самоуправлении.

К группе респондентов с доходом 21–29 тыс. рублей (49 %) относятся респонденты, которые сами заработали средства на приобретение жилья («собственные средства») и при дополнительной поддержке родственников – «средства близких родственников». К группе с доходом 30–50 тыс. рублей (36 %) относятся респонденты, которые приобрели жилье на «собственные средства».

Слишком низкий доход на члена семьи тормозит развитие территориального общественного самоуправления, так же как и слишком высокий. Люди с высокими доходами делегируют свои полномочия по управлению в товариществе собственников жилья (ТСЖ) членам своей семьи. Отметим, что среди управленцев ТСЖ преобладают пенсионеры (68 %), которые приобрели квартиры на средства детей и другие средства.

На основании анализа данных первичных социологических исследований нами предлагаются инструменты развития местного самоуправления как средств, облегчающих реализацию комплексных социальных процессов. Ими являются:

1) поддержка социальной активности новых собственников через сетевые социально-коммуникативные и социально-педагогические технологии;

2) совершенствование структуры управления;

3) достижение уровня диалога между участниками территориального общественного самоуправления.

Поддержку социальной активности новых собственников следует осуществлять, используя сетевые социально-коммуникативные и социально-педагогические технологии.

Важным инструментом развития является оптимизация управленческой структуры. Здесь органы территориального общественного самоуправления выступают мостиком между органами власти и социально активными гражданами.

Главная характеристика технологий импакт-инвестинга подразумевает, что финансовые активы инвестируются в компании, в местное сообщество, фонды и организации, деятельность которых позитивно влияет или будет влиять на развитие социального и экологического потенциала и при этом будет являться источником прибыли. Главная цель состоит в том, что вместо идеи «инвестор – кузнец денег» предлагается концепция «инвестор – творец перемен».

Импакт-инвестирование отличается от благотворительности и от социально ответственных инвестиций. Благотворительность предполагает оказание безвозмездной помощи. Социально ответственные инвестиции подразумевают инвестирование в социально значимые и важные проекты [4, с. 1428]. Инвесторы импакт-инвестиций ставят целью развитие местного сообщества и получение доходности выше среднерыночного.

Для объективной оценки масштаба такого явления, как социальные инвестиции, необходима количественная диагностика соответствующих экономических индикаторов. Измерителями масштаба осуществляемых компаниями социальных инвестиций служат разновидности и модификации количественного индекса социальных инвестиций. При этом социальные инвестиции

трактуются как затраты на социальные мероприятия. Такой методологический прием позволяет дать примерную оценку объема социальных инвестиций, что придает изучаемому процессу количественную определенность.

Как правило, используется четыре разновидности количественного индекса социальных инвестиций, значения которых по России за 2014 г. приведены в табл. 2.

Таблица 2

Количественные индексы социальных инвестиций в России в 2014 г. [1]

Количественные индексы социальных инвестиций	**2014 г.**
Сумма социальных инвестиций (IA), млрд руб.	49,95
Величина социальных инвестиций на одного работника (IL), тыс. руб.	28,33
Отношение социальных инвестиций к валовым продажам (IS), %	1,96
Отношение социальных инвестиций к балансовой прибыли (IP), %	11,25

Данные по трем основополагающим количественным индексам социальных инвестиций для компаний частной и смешанной (с участием государства) форм собственности приведены в табл. 3.

Таблица 3

Индексы социальных инвестиций российских компаний разных форм собственности в 2014 г. [1]

Индексы социальных инвестиций	Форма собственности	
	Частная	Смешанная
Величина социальных инвестиций на одного работника (IL), руб.	28 890	27 770
Отношение социальных инвестиций к валовым продажам (IS), %	2,63	1,67
Отношение социальных инвестиций к балансовой прибыли (IP), %	54,07	7,99

Главный вывод, вытекающий из полученных оценок, состоит в том, что предприятия частной и смешанной форм собственности характеризуются практически равными удельными социальными инвестициями (IL) с небольшим перевесом (почти на 4 %) в пользу частных компаний.

Данный вывод подтверждается и сопоставлением других количественных индексов социальных инвестиций. В частности, отношение затрат на социальные программы к объему продаж (IS) у частных компаний была в полтора раза выше, чем у смешанных, а отношение социальных затрат к балансовой прибыли (IP) – в 6,8 раза. Таким образом, относительная социальная активность частного бизнеса существенно выше, чем смешанного бизнеса.

Таким образом, компании с государственным участием при чрезвычайно большом преимуществе в уровне прибыльности не реализуют это преимущество по линии социальных программ.

Более детализированная отраслевая классификация компаний вскрывает еще более глубокие различия в масштабах социальных программ (табл. 4).

Таблица 4

Индексы социальных инвестиций российских предприятий различных отраслей экономики за 2014 г. [5]

Отрасли экономики	Величина социальных инвестиций на одного работника (IL), тыс. руб.	Доля социальных инвестиций в валовых продажах (IS), %	Доля социальных инвестиций в балансовой прибыли (IP), %
1. Топливный комплекс	14,5	1,14	5,43
2. Цветная металлургия	20,3	2,73	53,54
3. Черная металлургия	70,7	5,05	26,40
4. Электроэнергетика	35,7	4,16	144,79
5. Лесная и лесоперерабатывающая промышленность	23,7	5,45	58,38
6. Машиностроение	21,5	3,54	85,77
7. Производство потребительских товаров и услуг	9,8	0,67	24,26
8. Химическая промышленность	91,5	11,89	216,30
9. Профессиональные услуги	12,1	1,38	50,77
10. Сервис	3,2	0,36	10,56
11. Телекоммуникации	20,3	1,57	8,34
12. Транспорт	96,4	1,62	36,87
13. Финансовый сектор	37,5	0,02	11,45

Так, коэффициент поляризации (относительный разрыв между максимальным и минимальным отраслевыми значениями) для удельного индекса социальных инвестиций (IL) составил 29,8 раза, для доли инвестиций в валовых продажах (IS) – 39,8 раза, а для доли инвестиций в балансовой прибыли (IP) – 33,0 раза. В валютном эквиваленте минимальная величина удельного индекса социальных инвестиций (IL) составила 109,7 долл. США, а максимальная – 3,3 тыс. долл. США. Последняя цифра говорит о том, что в ряде случаев издержки, которые несет отрасль по линии социальных мероприятий, действительно весьма значительны.

Устойчивые позиции отраслевых лидеров занимают транспортные компании, предприятия химической промышленности и черной металлургии, которые и выступают в роли основных «центров притяжения» социальных инвестиций. Все эти отрасли относятся к разряду «тяжелых» секторов экономики. Представители же «легких» отраслевых сегментов экономики (производство потребительских товаров, сервис, профессиональные услуги), наоборот, отличаются весьма скромными порциями социальных инвестиций.

Еще одной интересной особенностью современного этапа формирования социальных инвестиций в России является то, что на развитие местных сообществ пока ориентированы только финансовый сектор и производство потребительских услуг (табл. 5).

Таблица 5

Структура отраслевых социальных инвестиций в России по направлениям использования за 2014 г., % [5]

Отрасли экономики	Развитие персонала	Охрана здоровья	Ресурсо-сбережение	Добросовестная деловая практика	Развитие местного сообщества	Другое
1. Топливный комплекс	37,00	6,08	35,50	5,54	10,93	4,95
2. Цветная металлургия	36,44	15,53	37,79	2,24	7,00	1,00
3. Черная металлургия	47,37	7,01	32,07	1,38	10,50	1,67
4. Электроэнергетика	40,67	9,17	42,06	1,32	4,95	1,84
5. Лесная и лесоперерабатывающая промышленность	48,41	9,74	15,96	1,73	16,95	7,21
6. Машиностроение	61,78	6,83	5,55	15,57	9,06	1,21
7. Производство потребительских товаров и услуг	47,18	10,13	11,71	1,28	20,22	9,47
8. Химическая промышленность	42,98	11,23	35,17	1,20	5,54	3,88
9. Профессиональные услуги	49,08	45,10	0,60	5,22	0,00	0,00
10. Сервис	79,06	0,48	0,00	9,96	10,50	0,00
11. Телекоммуникации	70,00	10,86	0,46	1,98	3,14	13,57
12. Транспорт	58,47	33,06	2,95	1,53	2,86	1,13
13. Финансовый сектор	75,93	0,00	0,00	6,98	17,09	0,00
14. Торговля	59,00	10,60	17,70	0,00	12,70	0,00
15. Мультиотраслевые предприятия	31,73	13,82	18,61	0,93	20,91	14,00

Это вызвано тем, что данные компании в наибольшей степени используют различные технологии «продвижения» своего продукта на рынок, в связи с чем им приходится часто переходить к активному маркетингу и формированию благоприятной для своей деятельности социальной среды. Также процессы активной поддержки местных сообществ просматривается в работе многоотраслевых комплексов. Это связано, как правило, с выходом данных хозяйственных структур за пределы своих технологических особенностей и необходимостью решения задачи построения «своего» рынка.

По имеющимся косвенным признакам можно утверждать, что структура социальных инвестиций в перспективе будет меняться в сторону увеличения «внешних» направлений, так как укрепление «внутренних» направлений себя уже в значительной мере исчерпало.

В условиях экономического кризиса и западных санкций против экономики Российской Федерации технологии импакт-инвестирования становятся одним из инструментов, обеспечивающих поступательное развитие

современного российского городского пространства [1, с. 34]. Преображающие инвестиции способны дать существенный толчок не только количественному, но и качественному развитию отечественной экономики.

Авторы считают, что необходимо законодательно связать две формы самоуправления – территориальное общественное самоуправление и товарищество собственников жилья, исходя из того, что границы территорий органов территориального общественного самоуправления включают многоквартирные жилые дома товариществ собственников жилья. Дополнительно заметим, что развитие товариществ собственников жилья стимулирует ФЗ № 185. Данный закон можно использовать как хороший инструмент при внесении некоторых поправок и для развития территориального общественного самоуправления.

Отметим важность первоначального определения границ территориального общественного самоуправления для последующей его деятельности. Они должны учитывать:

– административные районы;

– территории избирательного округа;

– инженерные сети коммуникаций (например, тепловые сети от центральных тепловых пунктов);

– общественные места посещения и др.

Таким образом, любое определение границ местного сообщества должно учитывать те связи или общие интересы, которые представляют наибольшее значение для локального сообщества. Важным показателем установления границ территориального общественного самоуправления является возможность установления и поддержания соседских социальных связей.

Авторы исследования предлагают следующую концептуальную схему устройства местного самоуправления на основе сетевого управления территорией (рис. 6).

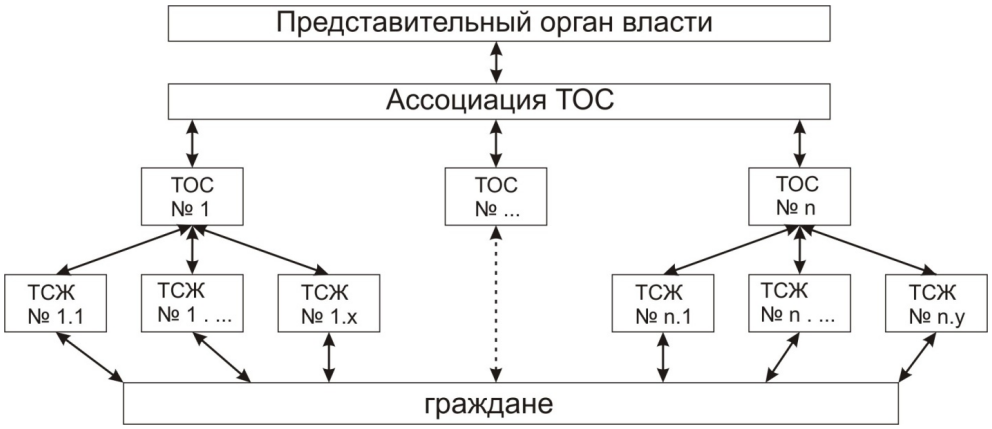

Рис. 6. Концептуальная схема устройства местного самоуправления города на основе сетевого управления территорией

Предлагается разделить объект управления (город) на территории: орган территориального общественного самоуправления № 1, ..., орган территориального общественного самоуправления № *n* (*n* – количество избира-

тельных округов города). Председатель правления органа территориального общественного самоуправления *n*-го избирательного округа (его территории) является помощником депутата или депутатом, непосредственно участвует в жизни представительного органа власти.

Правление каждого органа будет состоять из председателей товариществ собственников жилья. В товарищества объединяются от одного до нескольких домов по принципу присоединенной сети или близко расположенных зданий (п. 2 ст. 136 ЖК РФ[1]). В процессе создания органа территориального общественного самоуправления и товарищества собственников жилья будут выбраны старшие подъездов, домов. При этом не исключено, что товарищество собственников жилья заключит договор на обслуживание многоквартирного жилого дома с управляющей организацией и будет контролировать качество выполнения ею работ.

Для эффективного процесса функционирования в приведенной выше сетевой системе городского управления необходимо создание ассоциации органов территориального общественного самоуправления, которая будет способствовать собиранию и обобщению опыта их работы, распространению положительного опыта.

При этом для реализации предложенной схемы устройства местного самоуправления города на основе сетевого управления территорией необходимо использовать импакт-инвестиции в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры.

На рис. 7 представлена модель системы импакт-инвестирования в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления.

На систему импакт-инвестирования в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления воздействуют различные факторы внешней среды: экономические, нормативно-правовые, научно-технические, кадровые, демографические.

При этом система представляет собой субъекты импакт-инвестирования, которые используют источники инвестиций и воздействуют на объекты инвестирования.

В качестве объектов импакт-инвестиции в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления могут выступить:

1. Новые формы электронной коммуникации, основанные на использовании Интернета – голосовая почта, рассылка видеопосланий, IP-телефония, общение в форумах и социальных сетях и т.д. На этой основе уже сейчас создаются локальные сетевые сообщества, способные самоорганизовываться и быстро искать ответ на местные проблемы. Особенно это сетевое общение активизируется при наличии угрозы реализации местного интереса, когда возникает протестная активность населения.

2. Система управления обменом знаниями в виртуальной форме представляет собой процесс, в результате которого индивидуальные знания отдельного человека превращаются в общедоступные. В этом случае знания отдельного человека, члена товарищества собственников жилья, отчуждаются от их носителя и становятся нематериальным активом.

[1] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2014). – URL: http://www.jilkod.ru/

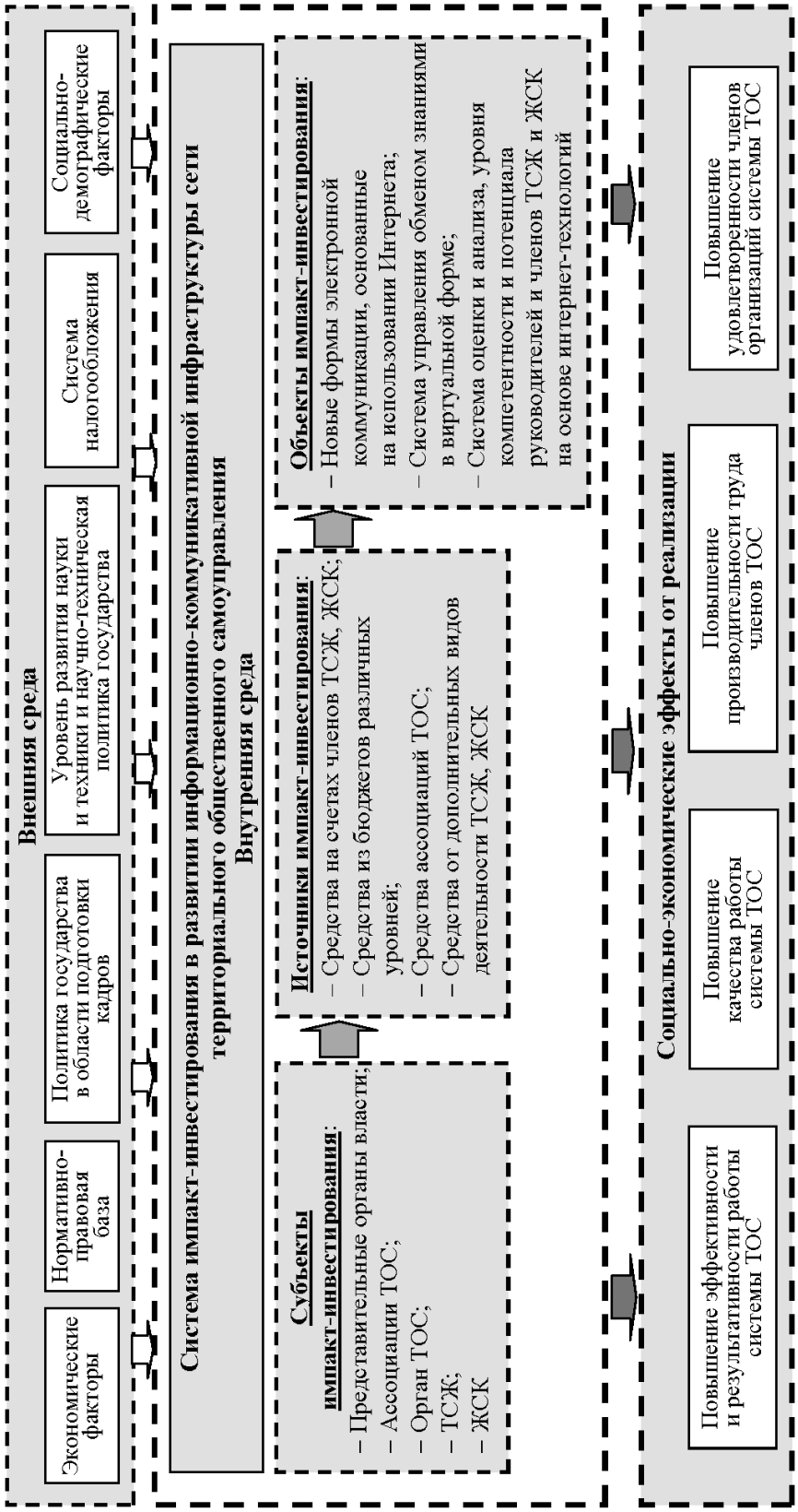

Рис. 7. Модель системы импакт-инвестирования в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления

При конструировании инновационной технологии управления знаниями следует учитывать следующие факторы: региональные особенности развития местного самоуправления, тип информации при конструировании того или иного процесса. Дальнейшим шагом должно стать создание карты движения информации при развертывании определенного процесса самоорганизации местного сообщества. При создании карты движения информации необходимо учитывать степень новизны и важности информации. Эта инновационная технология может быть осуществлена практически в процессе проектной работы, в ходе работы проектных групп над той или иной проблемой. Важным этапом структурирования этой социальной технологии является определение носителей указанных знаний, к которым следует отнести работников знаний. Как правило, работниками знания в процессе развития местного самоуправления становятся наиболее социально активные члены, новые собственники, члены товарищества собственников жилья.

3. Система оценки и анализа, уровня компетентности и потенциала руководителей и членов ТСЖ и ЖСК на основе использования компьютерных экспертных систем. Под экспертными системами понимаются особые компьютерные программы, моделирующие действие эксперта, человека при решении задач в какой-либо предметной области, основанной на составлении базы данных. Экспертные системы – это программные комплексы, аккумулирующие знания конкретных специалистов в конкретных предметных областях и тиражирующие их для менее квалифицированных пользователей. Основная разница между информационно-поисковыми и экспертными системами заключается в том, что первые осуществляют лишь поиск имеющейся в базе заданной информации, а вторые – еще и логическую переработку ее с целью получения новой информации.

Таким образом, концептуализация понятия преображающих инвестиций в сфере территориального общественного самоуправления позволила определить механизм импакт-инвестрования с его совмещенной ценностью, учитывающий как социальный, так и экономический аспекты, предполагающий выбор объектов инвестирования с учетом соблюдения социальных и этических требований, а инвестиции часто производятся в местные сообщества, и они предназначены не только для совершенствования корпоративной политики или практики, но и для решения конкретных социальных проблем территориального общественного самоуправления.

При этом реализация разработанной модели системы импакт-инвестирования в развитии информационно-коммуникативной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления позволит получить значительные положительные социальные эффекты: повышение эффективности, результативности и качества работы системы ТОС, повышение удовлетворенности членов организаций системы ТОС, решение социально значимых проблем местных сообществ.

Список литературы

1. **Бондаренко, В. В.** Планирование показателей нефинансовой отчетности с учетом отраслевой специфики / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, М. А. Танина // Финансовая политика инновационного развития России: проблемы и пути решения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 2014 г.). – Уфа : Аэтерна, 2014. – С. 33–36.

2. **Бондаренко, В. В.** Методы оценки эффективности социальной политики организации / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, М. А. Танина // Повышение управленческого, экономического, социального и инновационно-технического потенциала предприятий, отраслей и народнохозяйственных комплексов : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГСХА. – Пенза : РИО ПГСХА, 2014. – С. 3–10.
3. Восприятие гражданами своих социальных и политических прав, условий и реализации, роли гражданского общества в их обеспечении, а также мер по поддержке гражданского общества // Социологический атлас. – М., 2010. – 79 с.
4. **Anheier, H.** Social Investment / H. Anheier // International Encyclopedia of Civil Society / ed. by H. Anheier, S. Toepler. – 2010. – P. 1427–1429.
5. **Балацкий, Е. В.** Социальные инвестиции компаний: закономерности и парадоксы / Е. В. Балацкий // Капитал страны : федеральное интернет-издание. – URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/179654

References

1. Bondarenko V. V., Yudina V. A., Tanina M. A. *Finansovaya politika innovatsionnogo razvitiya Rossii: problemy i puti resheniya: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 2014 g.)* [Financial policy of innovative development of Russia: problems and solutions: proceedings of the All-Russia scientific and practical conference (Ufa, 2014)]. Ufa: Aeterna, 2014, pp. 33–36.
2. Bondarenko V. V., Yudina V. A., Tanina M. A. *Povyshenie upravlencheskogo, ekonomicheskogo, sotsial'nogo i innovatsionno-tekhnicheskogo potentsiala predpriyatiy, otrasley i narodnokhozyaystvennykh kompleksov: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Improvement of managerial, economic, social and innovative-engineering potential of enterprises, branches and national economy sectors]. Penza: RIO PGSKhA, 2014, pp. 3–10.
3. *Sotsiologicheskiy atlas* [Sociological atlas]. Moscow, 2010, 79 p.
4. Anheier H. *International Encyclopedia of Civil Society*. Ed. by H. Anheier, S. Toepler. 2010, pp. 1427–1429.
5. Balatskiy E. V. *Kapital strany: federal'noe internet-izdanie* [Country's capital: online publication]. Available at: http://kapital-rus.ru/articles/article/179654

Юрасов Игорь Алексеевич
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при правительстве РФ
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

Yurasov Igor Alekseevich
Doctor of sociological sciences, associate professor, professor of sub-department of informatics, mathematics and all humanities, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(33b Kalinina street, Penza, Russia)

E-mail: jurassow@mail.ru

Бондаренко Владимир Викторович
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и маркетинга, директор Пензенского филиала Финансового университета при правительстве РФ
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

Bondarenko Vladimir Viktorovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management and marketing, director of Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(33b Kalinina street, Penza, Russia)

E-mail: bond40@bk.ru

Танина Мария Алексеевна
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой менеджмента
и маркетинга, Пензенский филиал
Финансового университета
при правительстве РФ
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

Tanina Maria Alekseevna
Candidate of economic sciences, head
of sub-department of management
and marketing, Penza branch of the
Financial University under the
Government of the Russian Federation
(33b Kalinina street, Penza, Russia)

E-mail: margo10@inbox.ru

Юдина Вера Александровна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Пензенский филиал Финансового
университета при правительстве РФ
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

Yudina Vera Aleksandrovna
Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of management
and marketing, Penza branch of the
Financial University under the
Government of the Russian Federation
(33b Kalinina street, Penza, Russia)

E-mail: veraluzgina@ya.ru

УДК 334

Юрасов, И. А.

Концептуализация понятия преображающих инвестиций в сфере территориального общественного самоуправления на основе моделирования сетевого управления территорией / И. А. Юрасов, В. В. Бондаренко, М. А. Танина, В. А. Юдина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 143–160.

УДК 336.7

А. А. Андриянова, Л. С. Андриянова

СЦЕНАРИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье сформулирована проблема специфики денежно-кредитной стратегии Банка России как мегарегулятора в создании комфортной среды для предприятий и организаций всех отраслей экономики. В структурировании и анализе принципов в целом финансовой политики России в условиях нестабильной геополитической ситуации важнейшим элементом выступает дискутирование сценариев денежно-кредитной стратегии Банка России.

Материалы и методы. В работе применен нормативный анализ, который дал возможность на основе аргументов исследователей-специалистов по проблеме и нормативно-правовой и аналитической документации Банка России выделить наиболее перспективные суждения рекомендательного характера относительно денежно-кредитной стратегии, прокомментировать их.

Выводы. Неустойчивое развитие российской экономики порождает вопросы об эффективности реализации денежно-кредитной политики органами государственного регулирования и надзора. В этой связи актуальным становится оценка роли Банка России как мегарегулятора финансовой системы и поиск направлений по повышению роли ЦБ РФ в устойчивом развитии финансово-кредитной системы. Меры повышения ставки рефинансирования Центробанка России, снижение экспортных пошлин на сырьевые ресурсы не обеспечивают развития промышленного и сельскохозяйственного производства, а по-прежнему способствуют сокращению доли производства относительно расширения топливно-сырьевого экспорта. Такие меры входят в противоречие с курсом на импортозамещение и на использование возможности создать новую основу экономики.

Ключевые слова: Банк России, денежно-кредитная политика, макроэкономическое развитие.

A. A. Andrianova, L. S. Andrianova

MACROECONOMIC DEVELOPMENT SCENARIOS AND MONETARY POLICY OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA

Abstract.

Background. The paper formulates a problem of specificity of monetary policies of the Bank of Russia as a mega-regulator in creating a comfortable environment for businesses and organizations of all sectors of the economy. In structuring and analysis of principles of the financial policy of Russia in whole in an unstable geopolitical situation the most important element is discussing of scenarios of the monetary policy of the Bank of Russia.

Materials and methods. In the research the authors applied a normative analysis, which made it possible, on the basis of arguments by researchers-experts on the issue and normative-legal and analytical documentation of the bank of Russia, to identify the most promising propositions of advisory nature concerning the monetary strategy, and to comment on them.

Conclusions. Unsustainable development of the Russian economy raises questions about effectiveness of monetary policy implementation by the governmental bodies of regulation and supervision. In this context, assessment of a role of the Bank of Russia as a mega-regulator of the financial system becomes relevant, as well as searching for directions to enhance the role of the Central Bank in sustainable development of the financial and credit system. Measures to increase the refinancing rate of the Central Bank of Russia, reduction of export duties on raw materials do not provide development of industrial and agricultural production, and continue to contribute to reduction of the share of production for expansion of fuel and commodity exports. Such measures are in conflict with the policy of import substitution and with an opportunity to create a new basis for the economy.

Key words: Bank of Russia, monetary policy, macroeconomic development.

Условия развития российской экономики на период до 2018 г. будут характеризоваться достаточно высокой неопределенностью. Прежде всего она связана с внешними факторами, к которым относятся настоящие изменения геополитической ситуации, неопределенность относительно продолжительности действия взаимных санкций и масштаба их влияния на российскую экономику. Помимо данного специфического фактора, существенная неопределенность сохраняется в отношении динамики традиционно значимых для России цен на нефть и другие энергоресурсы, а также дальнейшей валютной политики крупнейших развитых стран, определяющей внешние финансовые условия для России.

Перспективы экономического роста в среднесрочном периоде будут определяться скоростью и последовательностью необходимых структурных преобразований и способностью экономики к преодолению внутренних инфраструктурных и ресурсных ограничений. Важный вклад в обеспечение устойчивого роста должно внести восстановление инвестиционной активности, которое создаст условия для повышения производительности экономики и увеличения эффективности на уровне отдельных отраслей и рынков. Ключевым условием для преодоления спада инвестиций является снижение экономической неопределенности и улучшение делового климата, вовлечение в орбиту новых партнеров.

В этих условиях задачей Банка России является обеспечение ценовой и финансовой стабильности, что будет способствовать формированию условий для экономического роста. В рамках реализации режима таргетирования инфляции Банк России будет стремиться обеспечить создание четких ориентиров для экономики относительно уровня инфляции. Решения по денежно-кредитной политике, направленные на достижение цели по инфляции, будут приниматься на основе оценки текущего состояния экономики и среднесрочного прогноза ее дальнейшего развития с учетом существующих внешних и внутренних рисков, которые могут оказать значительное влияние на финансовую систему и экономику в целом.

Именно кризис 2008 г. вынудил Банк России сохранить элементы политики, сформированные в предыдущем периоде, и поддерживать режим управляемого плавающего валютного курса рубля, используя бивалютную корзину в качестве операционного ориентира политики валютного курса. Последнее переключение в начале 2010 г. и отсутствие переключений в 2011 г. подтверждают, что Банк России завершил формирование условий для приме-

нения режима инфляционного таргетирования и перехода к свободно плавающему курсу рубля [1]. Важным каналом сглаживания воздействия негативных внешних тенденций на внутреннюю экономическую активность станет возможность изменения курса рубля в соответствии с динамикой фундаментальных факторов курсообразования в условиях режима плавающего валютного курса.

Банк России рассмотрел три сценария развития российской экономики в период 2016–2018 гг., формирующих различные условия проведения денежно-кредитной политики. В сценариях заложены различные предположения о развитии внешнеэкономической ситуации, в том числе с учетом возможных изменений параметров действия введенных в 2014–2015 гг. обоюдных санкций, внешних финансовых условий, а также цен на мировых рынках энергоносителей, определяющих динамику условий торговли. В части внутренних факторов все варианты исходят из предпосылки об инерционном характере роста российской экономики в ближайшие три года.

Базовый сценарий предполагает сохранение среднегодового уровня цены на нефть марки «Юралс» около 50 долларов США за баррель в течение всего трехлетнего периода. Оптимистичный сценарий предполагает постепенный рост среднегодового уровня цены на нефть до 70–80 долларов США за баррель в 2018 г., рисковый сценарий – сохранение среднегодового уровня цены на нефть ниже 40 долларов США за баррель в 2016–2018 гг. [2].

Определяющими факторами формирования ценовой конъюнктуры рынка нефти со стороны предложения будут являться технологические изменения и активность расширения добычи нефти из нетрадиционных источников (сланцевая нефть). Определенные риски связаны с возможным влиянием на динамику предложения геополитических обстоятельств.

Сценарий I, рассматриваемый в качестве базового, исходит из предпосылки о постепенном восстановлении мировой экономики, незначительном снижении цен на нефть. Отличие сценария II от сценария I состоит в предположении ухудшения геополитической обстановки, более длительного действия санкций, а также повышения налоговой нагрузки на экономику. Сценарий III предполагает наиболее негативные с точки зрения реализации денежно-кредитной политики внешние и внутренние условия, включая стагнацию внешнего спроса и значительное ухудшение условий торговли.

Базовый сценарий, который, по оценкам Банка России, является наиболее вероятным, предполагает, что геополитические риски будут сохраняться на повышенном уровне. Влияние уже введенных санкций, включая ухудшение доступа к внешним финансовым рынкам для российских компаний, будет иметь пролонгированное действие. Это окажется сдерживающим фактором для роста экономики в 2016 г., действующим прежде всего на инвестиционную активность. Нормализация условий внешнеэкономической деятельности будет происходить постепенно.

Увеличение стоимости заимствований, ограничение доступа к внешнему финансированию и сохранение высоких рисковых премий для России будут выступать факторами, сдерживающими экономический рост в 2016 г., однако в дальнейшем ожидается постепенная нормализация ситуации.

В условиях, когда не только банки во многом зависят от поддержки ЦБ, но и ЦБ активно вовлечен в функционирование банковской системы через

различные инструменты рефинансирования, качество капитала банков должно находиться под жестким контролем. В противном случае значительные ресурсы государства могут быть израсходованы на докапитализацию банковского сектора, т.е., по сути, на латание дыр, а не на создание фундамента для нового экономического рывка [3].

Главной целью денежно-кредитной политики центральных банков большинства стран, исключая США, является поддержание ценовой стабильности. Лишь у Федеральной резервной системы (ФРС) главной целью денежно-кредитной политики является увеличение объемов производства и максимизация занятости, и только во вторую очередь – стабилизация цен и долгосрочных процентных ставок. Перед Центральным банком Индии, например, поставлена задача обеспечения благоприятных условий для кредитования приоритетных секторов экономики, особое внимание при этом должно быть уделено разработке инструментов финансирования микробизнеса и вовлечению в этот процесс беднейших слоев общества. Может быть, поэтому в последние годы наблюдаются столь высокие темпы экономического роста в Индии, которые в первом и втором кварталах 2015 г. превысили аналогичные показатели Китая [4].

В целях ограничения влияния ускорения роста цен на продовольственные товары на широкий круг товаров и услуг и инфляционные ожидания Банк России будет придерживаться умеренно жесткой денежно-кредитной политики в первой половине 2016 г. По мере стабилизации и последующего снижения инфляционных ожиданий Банк России будет рассматривать возможность смягчения политики. Причем при наличии выраженной тенденции к снижению инфляционных ожиданий выход инфляции на целевой уровень может происходить при более мягкой денежно-кредитной политике.

Снижение внешнеэкономической неопределенности, замедление инфляции и стабилизация инфляционных ожиданий в условиях проведения Банком России политики таргетирования инфляции создадут условия для последовательного снижения средне- и долгосрочных номинальных рыночных процентных ставок и удлинения сроков предоставления средств.

Внутренний спрос продолжит вносить основной вклад в рост ВВП. По мере нормализации внешнеполитической ситуации, снижения экономической неопределенности, смягчения внешних финансовых условий, замедления инфляции и улучшения ожиданий субъектов экономики будет происходить восстановление инвестиционной активности. Поддержку восстановлению роста инвестиций также должны оказать планируемые меры по финансированию инфраструктурных проектов за счет средств Фонда национального благосостояния, использование инструментов рефинансирования Банка России, направленных на стимулирование кредитования долгосрочных инвестиций, а также начало реализации крупного инвестиционного проекта в рамках долгосрочного сотрудничества с Китаем по расширению газового экспорта. Ожидается, что в 2015 г. темпы роста инвестиций в основной капитал будут находиться в положительной области. В 2016–2018 гг. прогнозируется дальнейшее восстановление инвестиционной активности. Ожидается, что рост инвестиций в основной капитал составит 1,4–1,6 % в 2015 г. и 2,5–3,5 % в 2016–2018 гг. [2].

Сохранение стабильной ситуации на внутреннем валютном рынке и проведение предсказуемой денежно-кредитной политики создадут условия для снижения долларизации экономики. С учетом перехода к плавающему валютному курсу, а также при условии реализации бюджетной политики в рамках бюджетных правил будет происходить последовательное снижение влияния валютного и бюджетного каналов на формирование денежного предложения в ближайшие три года. Денежное предложение со стороны органов денежно-кредитного регулирования будет формироваться преимущественно за счет операций Банка России по рефинансированию кредитных организаций, с учетом чего ожидается умеренный рост валового кредита Банка России банкам [2].

Сценарий II предполагает аналогичную базовому сценарию динамику внешнего спроса и цен на нефть, однако вместе с тем рассматривает возможность сохранения повышенной внешнеполитической напряженности на всем рассматриваемом периоде, в том числе пролонгированного действия обоюдных санкций и ограничений. В данном варианте ожидается больший по величине, по сравнению с базовым сценарием, отток капитала, что будет сопровождаться соответствующей курсовой динамикой. Изменение курса рубля, с одной стороны, частично компенсирует негативное влияние внешних условий, оказывая поддержку экономической активности через изменение чистого экспорта, однако в то же время приведет к повышению инфляционного давления.

При реализации данного сценария Банк России будет уделять повышенное внимание поддержанию финансовой стабильности. В случае возникновения признаков дестабилизации ситуации в финансовом секторе Банк России будет готов использовать дополнительные инструменты, соответствующие масштабам рисков. Среди возможных инструментов рассматриваются валютные интервенции для стабилизации ситуации на внутреннем валютном рынке, валютное рефинансирование, беззалоговые кредиты.

В третьем сценарии бюджетная политика, основанная на действии бюджетных правил и предполагающая возможность использования средств Резервного фонда для выполнения стабилизационной функции, внесет более выраженный положительный вклад в динамику совокупного спроса. Вместе с тем ее стимулирующий эффект не полностью компенсирует сдерживающее влияние от ухудшения внешней конъюнктуры. Некоторое ослабление рубля также может смягчить действие изменения внешних условий на экономическую активность, поддерживая конкурентоспособность российских производителей и способствуя активизации импортозамещения, однако для реализации данного эффекта в полной мере потребуется относительно продолжительный период времени. В то же время такая динамика курса рубля будет вести к ускорению инфляции.

В целом сдерживающее влияние на российскую экономику, которое будет оказывать изменение условий внешнеторговой и финансовой деятельности, будет иметь больший масштаб и более устойчивый характер, чем в сценариях I и II. Денежно-кредитная политика будет проводиться таким образом, чтобы сдержать инфляцию и при этом не допустить чрезмерного охлаждения экономики. С учетом стимулирующей бюджетной политики и гибкого курсообразования, которые будут препятствовать значительному за-

медлению темпов экономического роста и углублению отрицательного разрыва выпуска, сохранение умеренно жесткой направленности денежно-кредитной политики будет поддерживать уверенность экономических агентов в национальной валюте и препятствовать оттоку средств из рублевых депозитов и росту инфляционных ожиданий. Ожидается, что баланс внешних и внутренних факторов приведет к замедлению роста экономики до уровня менее 1 % в рассматриваемый трехлетний период.

Ключевой задачей Банка России будет являться обеспечение финансовой стабильности, недопущение снижения доверия к национальной финансовой системе и национальной валюте и повышения экономической неопределенности, препятствующей восстановлению устойчивого роста экономики. Банк России будет готов использовать широкий спектр инструментов, чтобы поддержать стабильность функционирования финансовой системы.

Во всех рассмотренных сценариях возможна также реализация дополнительных рисков, которые могут повлиять на инфляционную динамику и условия проведения денежно-кредитной политики. В частности, рисками для достижения цели по инфляции могут являться скачки цен на отдельные продовольственные товары, традиционно отличающиеся высокой волатильностью. Их краткосрочные изменения могут определяться факторами со стороны предложения на внутреннем или мировом рынке в зависимости от результатов сельскохозяйственного года (урожая отдельных культур). Значительное влияние на ценовую динамику также могут оказать возможные изменения государственной тарифной и налоговой политики [5].

Необходимо комплексное одновременное таргетирование следующих показателей: инфляции (при активном государственном противодействии немонетарной инфляции); денежной массы (рост монетизации); понижения процента и доходности финансовых активов; широкого коридора осуществления действительных колебаний валютного курса при либеральном режиме счета капиталов (вместо до- и посткризисной политики закрепленного курса, прерываемого рыночным шоком и девальвацией). Также представляется целесообразной имплементация в систему КДП инструментария банковского надзора [6].

В указанных выше случаях денежно-кредитная политика Банка России будет направлена на обеспечение ценовой и финансовой стабильности. В целях обеспечения устойчивости финансовой системы, сохранения доверия к ней и недопущения развития неблагоприятных вторичных эффектов изменения внешних условий, в том числе через ожидания субъектов экономики, Банк России будет готов использовать широкий спектр инструментов, включая возможные операции на внутреннем валютном рынке. Направленность денежно-кредитной политики будет определяться исходя из оценки характера замедления роста экономики, состояния финансовой системы, ожидаемого эффекта переноса динамики валютного курса и влияния снижения деловой активности на динамику потребительских цен. При этом важным фактором будет являться изменение инфляционных ожиданий. Если следование политике инфляционного таргетирования повысит доверие к способности Банка России обеспечивать достижение целевых ориентиров, при прочих равных условиях будет возможным поддержание более мягкой направленности денежно-кредитной политики.

Список литературы

1. **Федорова, Е.** Как влияют инструменты денежно-кредитной политики на достижение целей ЦБ РФ? / Е. Федорова, А. Лысенкова // Вопросы экономики. – 2013. – № 9. – С. 113.
2. Основные направления Единой государственной денежно-кредитной политики на 2016 год и период 2017 и 2018 годов. – URL: http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2016 (2017-2018).pdf
3. **Орлова, И. Н.** Финансовые санкции против России: влияние на экономику и экономическую политику / И. Н. Орлова // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 64–66.
4. **Иванченко, И. С.** Сравнительный анализ функций ЦБ РФ сквозь призму экономического роста / И. С. Иванченко // Банковское дело. – 2015. – № 9. – С. 22.
5. **Чернов, В. А.** Геополитические факторы и финансовая политика России / В. А. Чернов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 7. – С. 5.
6. **Соловьев, Ю. С.** Возможности применения антикризисного инструментария кредитно-денежной политики индустриально развитых государств / Ю. С. Соловьев // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 8, ч. 2. – С. 179.

References

1. Fedorova E., Lysenkova A. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues]. 2013, no. 9, p. 113.
2. *Osnovnye napravleniya Edinoy gosudarstvennoy denezhno-kreditnoy politiki na 2016 god i period 2017 i 2018 godov* [Main lines of the Uniform state monetary policy for 2016 and for the period of 2017-2018]. Available at: http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2016 (2017-2018).pdf
3. Orlova I. N. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues]. 2014, no. 12, pp. 64–66.
4. Ivanchenko I. S. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2015, no. 9, p. 22.
5. Chernov V. A. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. 2015, no. 7, p. 5.
6. Solov'ev Yu. S. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and entrepreneurship]. 2015, no. 8, part 2, p. 179.

Андриянова Алена Александровна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и финансов, Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Россия, г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

Andrianova Alyona Aleksandrovna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics and finances, Novorossiysk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Russia)

E-mail: andriyanovaaa@Krasnodar.vtb24.ru

Андриянова Людмила Сергеевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра философии, истории и права, Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Россия, г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

Andrianova Lyudmila Sergeevna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of philosophy, history and law, Novorossiysk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Russia)

E-mail: LAndriyanova@fa.ru

УДК 336.7
Андриянова, А. А.
Сценарии макроэкономического развития и денежно-кредитная политика Центрального банка России / А. А. Андриянова, Л. С. Андриянова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 161–168.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:
- ***социология***
- ***экономика***
- ***право***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

– –

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – ______ шт., № 2 – ______ шт., № 3 – ______ шт., № 4 – ______ шт.

Наименование организации (полное) ___________________________________

____

ИНН ___________________________ КПП ____________________________

Почтовый индекс ____

Республика, край, область ____

Город (населенный пункт) ____

Улица ____________________________________ Дом ____________________

Корпус __________________________ Офис ___________________________

ФИО ответственного ____

Должность ____

Тел. ________________ Факс ______________ E-mail_____________________

Руководитель предприятия ____________________ ______________________

(подпись) (ФИО)

Дата «____» _________________ 20__ г.